

СТАС ПЬЕХА:

«Я просто человек, пишущий стихи»

*О жизни и творчестве художника Гюстава Курбе
читайте на стр. 111*

Из российской истории

Денис Логинов **Русский принц Гамлет** 4

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Из командиров —
в детские писатели**..... 19

Житейские истории

Татьяна Окоменюк **Сосед** 32

Это интересно

Ирина Леонтьева **Домик Петра I
в Нижнем Новгороде** 44

Николай Долгополов **Искусство вербовки** 77

Юрий Прокопчук **Даешь стране угля!** 120

Звезды не гаснут

Екатерина Маркова **«Талант — единственная
новость»** 49

Ко Дню железнодорожника

Виктор Елисеев **Первая женщина-машинист** 54

Замечательные современники

Марина Бойкова **Стас Пьеха: «Я — не звездный
мальчик, просто родился
в известной семье — и все»** 59

История одной картины

Дмитрий Зелов **«Все в прошлом»** 68

Ретро-детектив

Наталья Рыжкова **Под чужими небесами** 88

Мир увлечений

Елена Чулкова **Карусель сладостей**..... 106

Судьба художника

Ирина Опимах **Скандалист Курбе и его шедевры** 111

Детектив

Андрей Дышев **Жизнь на кончиках пальцев** 126

Кроссворд. Эрудит 188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Стас Пъеха.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.07.2022

«Русский Жюль Верн», «писатель-пророк» — такими эпитетами наделяли Александра Беляева, сумевшего предугадать на страницах своих романов многое из того, что появилось только в будущем. Он оказался первым советским писателем, полностью посвятившим себя научной фантастике. О главных его произведениях — «Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Ариэль» — высоко отзывались корифеи мировой научной фантастики, начиная с Г. Уэллса и кончая Р. Брэдбери и А. Кларком. Беляев не сомневался, что в будущем наука разгадает многие загадки, стоящие перед человечеством, и очень хотел дожить хотя бы до начала той удивительной поры...

Юрий **Осипов** «Под парусами фантазии»

«Тост без вина — это все равно, что брачная ночь без невесты!» — эту фразу грузина, ставящего перед собой огромную бутылку и приглашающего Шурика из гайдаевской «Кавказской пленницы» ее разделить, помнят все, кто смотрел эту комедию. Как известно, маленьких ролей не бывает, и талант Михаила Глузского превратил небольшую роль в один из самых смешных эпизодов фильма. Он очень трезво относился к своей работе и говорил: «Актерство — это профессия, работа. Творческая, изнуряющая работа. Если кто-то себя в кино считает героем-любовником, то я — рабочая лошадка».

Евгения **Гордиенко** «Аристократ родом из босяцкого детства»

«Анна Вырубова была любимой фрейлиной императрицы Александры Федоровны и ее ближайшей подругой. Она знала почти все тайны двора и царской семьи, что и стало причиной зависти, сплетен, невероятных слухов, отравлявших ее жизнь. Анна берегла и хранила каждую мелочь, связанную с царской семьей в своем «маленьком домике», куда часто заглядывали ее царственные друзья. Она была несчастлива в браке, склонна к экзальтации, взрывным увлечением людьми, поэтому так привязалась к императрице и увлеклась личностью Распутина. Умерла Анна Вырубова в возрасте 80 лет, проживая в изгнании последние годы в Финляндии под своей девичьей фамилией Танеева, в Хельсинки и была похоронена на православном кладбище в 1964 году».

Денис **Логинов** «Трижды воскресшая»

«Культовый японский режиссер, которого порой называют самым влиятельным мастером экрана в истории кино, Акира Куросава фактически вывел национальный кинематограф на мировую арену и парадоксальным образом получил за пределами своей страны даже большее признание, чем в самой Японии. Фильмы Куросавы смотреть нелегко, они требуют от зрителя полного погружения в неторопливое, лишённое внешних эффектов киноповествование. Однако, «осмыслив их», хочется пересматривать эти картины вновь и вновь. Однажды он сказал: «Герои моих фильмов пытаются жить честно и взять от жизни максимум. Я верю, что жить надо честно и стараться максимально реализовать свой потенциал. Люди, которые этого добиваются, и есть настоящие герои».

Георгий **Кричевский** «Торжество жизни перед лицом смерти»

«Окончание детектива Андрея **Дышева** «Жизнь на кончиках пальцев»

В запутанных коридорах и переходах Михайловского замка метались перепуганные люди. Военные бежали кто вниз по лестнице, кто вверх, слуги совершенно растерялись: то ли зажигать все свечи, то ли подождать, пока мутный и медленный петербургский рассвет вступит в свои права. Из императорской спальни выбежала босая и полуодетая императрица Мария Федоровна и закричала с неистребимым немецким акцентом:

— Я тоже хочу царствовать!

Но вся эта суета уже не касалась того, кто несколько часов назад был российским императором, Гроссмейстером Мальтийского ордена, полновластным и непредсказуемым хозяином почти двадцати миллионов своих подданных.

Император Павел Первый лежал мертвым в своей комнате, и уже решительно никому не было до него никакого дела...

Личность Павла — загадочна и неоднозначна. Некоторые считают его патентованным сумасшедшим, с колыбели, якобы, проявлявшим все признаки агрессивного слабо-

умия. Другие — непризнанным гением, достойным внуком своего великого деда — Петра Первого. Впрочем, нормальность Петра Алексеевича не является аксиомой, а его

жестокость временами граничила с патологией.

Да, официальный отец Павла, император Петр III действительно был дурно воспитанным и малообразованным человеком. Но дело в том, что никто не знает фактического отца. Знала Екатерина Великая, мать Павла Петровича, которая в запальчивости кинула как-то сыну:

— Мне стоит только открыть рот, и ваши права на престол окажутся фикцией.

Но — не открыла. Промолчала, унесла тайну с собой в могилу. Страстно желала, чтобы престол в обход сына достался обожаемому внуку Александру. Не успела? Не смогла? Так или иначе, Екатерина оказалась косвенной причиной того, что ее внук впоследствии стал отцеубийцей. Но это — позже.

«благочестивой Екатерины Алексеевны») состоялась в августе 1744 года. Невесте было шестнадцать лет, жениху — семнадцать. По тем временам вполне зрелые люди. Да только придворные медики всеподданнейше доносили императрице: «Жених кондиций, надобных для брака, не обрел, и свадьба сия зело преждевременна: года два еще потребно, дабы все произошло согласно природе».

Императрица предупреждением пренебрегла, поскольку сама сии «кондиции» обрела чуть ли не в четырнадцать лет, а медикам привыкла не слишком-то доверять. В результате, в первую брачную ночь молодые... играли в куклы. Не потому, что великая княгиня Екатерина так и не рассталась с детскими привычками, а потому, что именно такое времяпрепровождение более

Елизавета Петровна воспитывала внука по старинке: окружила его толпой нянюшек и мамок, кутала до того, что он обливался потом, и не сообразовывалась ни с каким расписанием. Спать ребенка укладывали то в восемь вечера, то далеко за полночь, кормили, когда бог на душу положит, но обязательно обильно. Окруженный мамками и няньками, Павел до конца своих дней так и не избавился от внушенных ими предрассудков

Свадьба племянника и наследника императрицы Елизаветы Петра Федоровича и принцессы Ангальт-Цербстской Софии-Августы-Фредерики (в православном крещении —

чем устраивало великого князя Петра — родного внука Петра Великого, сына его старшей дочери — Анны, признанной умницы. В кого пошел сынишка — непонятно, отец его,

герцог Карл Голштинский, ничем не блистал, но и дураком не был.

Если Петр не играл в куклы, то устраивал потешные баталии с полчищами игрушечных солдатиков на ковре в супружеской спальне. Или пиликал на скрипке. Или дрессировал собак. Или пил пиво и курил трубку, к чему пристрастился чуть ли не в десятилетнем возрасте. Юную

Павел в юные годы

же свою супругу, как бы сказали теперь, «в упор не видел», а находясь в добром расположении, развлекал ее рассказами о своей неземной страсти к той или иной фрейлине.

Такая супружеская «идиллия» продолжалась два года. После чего Екатерина получила письмо, не оставляющее никаких сомнений относительно будущего великокняжеского семейства:

«Мадам! Настоятельно прошу Вас не затруднять себя и не испытывать неудобств, деля со мной постель. Кровать слишком узка, а я не сторонник излишних хлопот, тем паче — неискренних.

*Ваш очень несчастный супруг
Петр».*

Простенько и со вкусом. Шесть лет после этого Екатерина вела почти монашеский образ жизни, что, кстати, было совсем неплохо: малообразованная немецкая принцесса посвятила все это время чтению и преуспела. Кто знает, выполняя Петр свои супружеские обязанности добросовестно, была ли бы вообще в российской истории императрица Екатерина, да еще и Великая? Скорее всего, нарожала бы детей и смирно прожила жизнь в тени хоть и вздорного, но все-таки августейшего супруга. Не она первая, не она последняя...

Зато через шесть лет обеспокоилась венценосная тетка — императрица Елизавета. Года шли, судьба российского престола находилась в полной зависимости от их высочеств — великого князя и великой княгини — а долгожданного наследника все не появлялось. Более того, императрице донесли, что ее племянник вообще был мужем, так сказать, де-юре, а де-факто так и не испытал супружеских радостей. На племянника, по большому счету, можно было наплевать, но невестка, сохранившая в замужестве невинность до двадцати двух лет, становилась просто бельмом на глазу. И, господи боже, что скажут в Европах?

Дабы пресечь зловредные слухи, Елизавета повелела невестке забеременеть немедленно — хоть от мужа, хоть от придворного истопника, мелочи ее не заботили. Но прошло еще долгих четыре года, пока великая княгиня не доложила своей августейшей тетке-свекрови о своем «интересном положении».

Отцом будущего великого князя называли Сергея Салтыкова, но некоторые подозревали другого придворного — Льва Нарышкина, а откровенные недоброжелатели вообще советовали поискать виновника торжества в гвардейских казармах. Правда, к этому времени и сам великий князь «обрел брачные кондиции» и приступил к выполнению супружеских обязанностей. На сей счет имеется документальное свидетельство тогдашнего французского посла в России:

«Между тем наступило время, когда великий князь смог вступить в общение с великой княгиней. Уязвленный словами императрицы, он решил удовлетворить ее любознательность насчет подробностей, которые она желала знать, и наутро той ночи, когда брак был фактически осуществлен, послал императрице в запечатанной собственноручно шкатулке то доказательство добродетели великой княгини, которое она желала иметь...»

Бог с ним, с доказательством добродетели, и не то можно подделать, было бы желание, но важно другое: отцом Павла мог быть и его фор-

мальный отец. Самое интересное, что Павел Петрович скорее походил на Петра Федоровича, никогда не отличавшегося особой красотой, чем на писаного красавца Салтыкова или на обаятельнейшего Левушку Нарышкина. От матери в нем не было ничего, кроме... незаурядного ума. Но не было ее немецкой педантичности и терпения.

*Екатерина II, сын Павел I,
внук Александр I*

Павел родился 20 сентября 1754 года — через десять лет после свадьбы его родителей. Младенца немедленно унесли на половину императрицы Елизаветы, и родная мать не видела его целых сорок дней. Потом ей сына все-таки показали — издали! — и снова спрятали в дальних комнатах. Екатерина нашла ребенка «очень хорошеньким» — и

фактически не виделась с ним целых восемь лет: до смерти императрицы Елизаветы.

Императрица же — формально незамужняя и бездетная — находилась на вершине блаженства. Рождение законного наследника романовского престола праздновалось почти год, причем не только при дворе, но и в домах богатых вельмож. Елизавета Петровна, которой только-только исполнилось сорок пять лет, воспитывала внука по-старинке: окружила

преспокойно провел остаток времени под колыбелью, прямо на полу.

Окруженный с первого дня рождения мамками-няньками, великий князь так до конца своих дней и не избавился от внушенных ими предрассудков. Они вечно рассказывали ему про ведьм и домовых, приучили бояться всего и всех: грозы, громких звуков, бабушки-императрицы, собственных родителей. Читать и писать его даже и не пытались обучить. Елизавета, до конца жизни бе-

Близорукая, статная, склонная к полноте семнадцатилетняя София-Доротея являла собой с точки зрения немцев идеальный тип женщины. Сама она, познакомившись с Павлом, признавалась близким подругам, что «любит великого князя до безумия». А subtilный, желчный Павел тоже был очарован этой спокойно-сентиментальной великаншей, каждый год исправно рожавшей детей

его толпой нянюшек и мамок, кутала до того, что он обливался потом, и не сообразовывалась ни с каким расписанием. Спать ребенка укладывали то в восемь часов вечера, то далеко за полночь, кормили когда бог на душу положит, но обязательно обильно. Ни к кому так хорошо не подходила поговорка «у семи нянек дитя без глаза», как к маленькому великому князю: в одно прекрасное утро мамки и няньки с ужасом обнаружили пустую колыбель. Оказалось, что ночью Павел упал на пол и

гавшая от учености, не слишком настаивала на этом пункте воспитания будущего российского императора. Научится под важными документами свой «титл» ставить — и слава богу!

К шестилетнему возрасту Павел был типичным «барчуком», отданным на попечение темной деревенской дворни. И лишь к этому времени Елизавета Петровна озаботилась приискать единственному внуку воспитателя. Им стал граф Никита Иванович Панин — человек незаурядного ума,

но по складу характера — одновременно желчного и флегматичного — меньше всего подходящий на роль воспитателя великого князя. Мало-подвижный, сухой в обращении, Панин пренебрегал прогулками с ребенком и вообще общался с ним чрезвычайно неохотно. Отсутствие свежего воздуха и физических упражнений плохо сказалось на Павле, а вечный страх не угодить строгому воспитателю привели и без того расшатанные нервы цесаревича в практически неуправляемое состояние.

Это, тем не менее, не помешало ему спустя некоторое время безоглядно привязаться к своему воспитателю, который, между прочим, исподволь внушил Павлу мысль о том, что он — единственный законный наследник российского престола, и что его царственная бабка подумывает о том, чтобы назначить его наследником в обход племянника — его родного отца. Но Елизавета скончалась, так ничего и не предприняв в отношении престолонаследия.

А ее племянник, став российским императором, в душе так и остался голштинским принцем, тратившим все свободное время на три любимых занятия: муштру солдат, выпивку и курение. Впрочем, какое-то время он уделял и женщинам: его любовницей стала Елизавета Воронцова, восьмипудовая, недалекая алкоголичка, на которой он мечтал жениться, запрятав законную ненавистную супругу в монастырь. Если так поступил Петр Первый, то поче-

му бы Петру III не последовать примеру своего великого предка?

За всеми этими делами император практически не общался с единственным сыном. В свое кратковременное, полугодичное царствование он видел Павла лишь дважды. Первый раз удостоил его визитом, побеседовал с ним и сказал на прощание:

*Первая жена Павла I
Наталья Алексеевна*

— Из него выйдет добрый малый. На первое время он может оставаться под прежним присмотром, но скоро я устрою его иначе и озабочусь лучшим его военным воспитанием вместо теперешнего женственного.

Вторая встреча отца и сына состоялась очень нескоро и лишь благодаря настояниям Панина. Импе-

ратор поприисутствовал при экзамене Павла и заявил своему окружению:

— Господа, говоря между нами, я думаю, этот плутишка знает все эти предметы лучше нас. Жалую его в капралы своей гвардии!

Знать что-либо лучше Петра Федоровича было легче легкого, а звание капрала Павел так и не получил из-за забывчивости отца. Впрочем, ненавидевший свою мать, он в полном смысле слова боготворил отца и так и не простил его преждевременной смерти ни Екатерине, ни ее

сподвижникам. Для цесаревича образцом и идеалом навсегда остался полупьяный и малограмотный человек, абсолютно, к тому же, безразличный к самому факту существования у него сына.

После своего восшествия на престол и чрезвычайно своевременной смерти супруга — свергнутого императора, Екатерина ничего не изменила в жизни своего сына. Придворные — и в первую очередь Панин — наивно полагали, что Семирамида Севера поцарствует лет восемь, до совершеннолетия Павла, а потом тихонечко уступит ему престол и исчезнет с политического горизонта. Как бы не так! Прежде всего, она озаботилась тем, чтобы каждое слово и каждое движение наследника становились тут же ей известны, а затем постаралась свести до минимума влияние на него графа Панина и окружить Павла малозначительными и неинтересными людьми.

Слева:

*Вторая жена
Павла I —
Мария
Федоровна*

*Цесаревич
Павел
представляет
матери свою
будущую
супругу*

Переписываясь с лучшими умами Европы того времени, Екатерина откровенно не желала замечать, что ее сын и наследник мог бы стать для нее достойным собеседником и преемником ее идей. Она обращалась с ним, как с дальним докучливым родственником, и постепенно робкое обожание, которое Павел все-таки питал к матери, сменилось холодной озлобленностью и

абсолютным равнодушием. Масла в огонь подлила и первая женитьба цесаревича.

В отличие от своего официально-го отца, «брачные кондиции» Павел обрел довольно рано. Во всяком случае, когда цесаревичу исполнилось шестнадцать лет, заботливая матушка приискала ему тридцатилетнюю вдову и повелела «образовать великого князя в вопросах де-

*Церемония
коронации
Павла I*

ликатного свойства». Вдова оказалась старательной, образование закончилось тем, что у нее родился сын, Семен Павлович Великий, который в возрасте двадцати двух лет погиб в чине капитан-лейтенанта российского флота.

А Екатерина начала поиски невесты в европейских дворах. Ее выбор пал на Гессен-Дармштадских принцесс — трех сестер. Павлу же предстояло выбрать из трех красавиц одну. Разумеется, наследнику рос-

сийской короны не пристало разъезжать по городам и весям, не царское это дело. Посему за невестами был послан ближайший друг цесаревича, граф Андрей Разумовский, к которому Павел питал совершенно слепое доверие.

«Дружба ваша, — писал он в Ревель, где Андрей командовал кораблем, — произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности... Как мне было тяжело, дорогой друг, быть ли-

шенным вас в течение всего этого времени».

Между тем графу Андрею не то, что невесту — кошку доверить было бы неблагоприятно. Внук свинопаса, зато графский сын, он успел пожить в Версале, разделяя увеселения французского двора, получил поистине европейское образование и чуть ли не с пеленок умел обольщать женщин. Из трех принцесс-невест его внимание немедленно привлекла Вильгельмина, ибо он знал, что именно ее Екатерина наметила в невестки.

Они стали любовниками прямо на корабле, едва ли не в открытую. Но

Знал бы он, что граф уже выполнил это пожелание!

Вильгельмина была крещена под именем «благоверной Натальи Алексеевны», но ничем это знаменитое в России имя не украсила. Единственной ее страстью, если не считать красавца Разумовского, были развлечения, деньги она транжирила еще до того, как успевала получить. Ко всему прочему, великая княгиня оказалась калеккой: вследствие несчастного случая, происшедшего с ней в детстве, у нее были деформированы позвоночник и кости таза.

Через три года после свадьбы великая княгиня скончалась в родах,

Уверенный, что мать, пусть и косвенно, но, безусловно, виновата в смерти отца, Павел выстроил сложную схему внутрисемейных отношений, где он играл роль идеалиста-страдальца, а Екатерина — роль злобной и развратной фурии, прислушавшейся только к зову своего неукротимого темперамента

ни у кого не хватило смелости доложить об этом прискорбном факте Екатерине. Павел же, ослепленный доверием к своему другу и опьяненный мыслью о том, что делает выбор свободно и сознательно, официально предложил руку и сердце немецкой принцессе, а затем подзвал к себе Разумовского и с пафосом произнес:

— Прошу, граф, по-прежнему быть настойчивым в исправлении моего характера и полюбите не только меня, но и ее...

причем ребенок погиб еще в ее чреве, так и не появившись на свет. Но за эти три года она сумела основательно настроить супруга против свекрови, вплоть до того, что был составлен небольшой заговор — сценарий очередного дворцового переворота. Но Екатерина настолько глубоко презирала и сына, и невестку, что даже не сочла нужным кого-то наказать, хотя список заговорщиков видела своими глазами.

Судьба обрекла Павла на вечные драмы, не составил исключения и первый опыт его супружеской жизни. Сразу после кончины обожаемой супруги матушка предъявила ему такие доказательства неверности Натальи Алексеевны — ее переписку с любовником, — что цесаревич едва не помешался от горя и обиды, но зато враз излечился от скорби. Не прошло и трех месяцев, как вдовец согласился вступить в новый брак. На сей раз Екатерина сделала правильный выбор:

«Принцесса Вюртембергская в качестве великой княгини или императрицы будет только женщиной и больше ничем», — писал из Петербурга один из дипломатов.

Да, близорукая, статная, высокая, склонная к полноте семнадцатилетняя блондинка София-Доротея являла собой идеальный, с точки зрения немцев, тип женщины. Едва прошло несколько недель после помолвки — заочной! — как она собственноручно написала Павлу письмо на русском языке, а близким подругам признавалась, что «любит великого князя до безумия».

Говорят, противоположности сходятся. Низкорослый, subtilный, желчный Павел был очарован этой спокойно-сентиментальной великаншей, каждый год исправно рожавшей детей. Но и при этом она старалась быть на высоте своего положения, не давая себе ни минуты передышки.

«То, что утомляет других женщин, ей нипочем», — писал один из

современников. — *Даже во время беременности она не снимает парадного платья, а между обедом и балом, когда другие женщины надевают капот, она, неизменно затянутая в корсет, занимается перепиской, вышиванием или живописью»*.

Правда, принцесса София-Доротея, во святом крещении «благочерная Мария Федоровна», занималась не только вышеперечисленным. Она неустанно подогревала честолюбивые мечты супруга относительно престола. И для этого были более чем веские причины. Настрадавшаяся от вынужденной разлуки с сыном, Екатерина, тем не менее, повторила методы Елизаветы: отобрала у своей невестки и первенца Александра, и второго сына — Константина. Их воспитанием она занималась лично, рассчитывая на российский престол для первого и на константинопольский — для второго.

Но и великим свойственно ошибаться. Тем более, что Мария Федоровна с излишней жестокостью подчеркивала безупречность своего поведения по сравнению с образом жизни свекрови. И без того уверенный в том, что мать, пусть и косвенно, но безусловно виновна в смерти отца, Павел выстроил сложную схему внутрисемейных отношений, где он играл роль идеалиста-страдальца, а Екатерина — роль злобной и развратной фурии, прислушивающейся только к зову своего неукротимого темперамента.

*Император
Павел I с семьей*

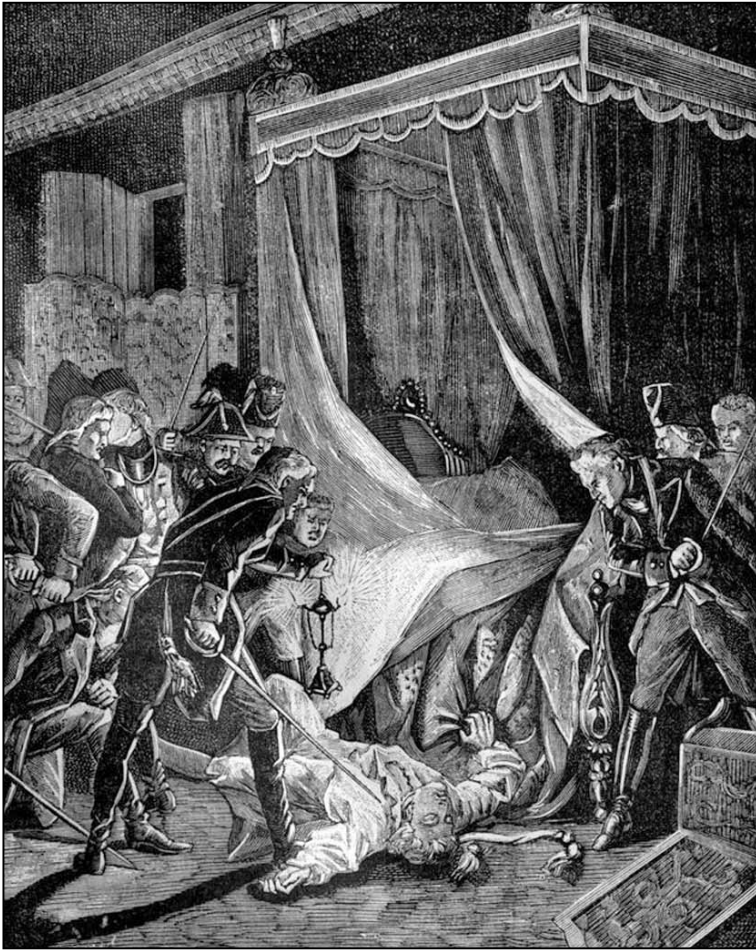
С Орловым, Васильчиковым, Потемкиным Павел еще как-то ладил. Но когда блистательного князя Таврического сменила бесконечная череда любовников-однодневок, большинство из которых было моложе его самого, великий князь ожесточился. Молчаливое поощрение убийства законного супруга ради двух великих страстей — власти и любви — он мог понять, но чисто мужское отношение к плотским радостям, откровенное пренебрежение общественным мнением — нет, нет, и еще раз нет!

Разлад Павла с Екатериной становился все более глубоким и, к сожалению, отражался на его отношениях с женой и детьми. Там, где прежде царили гармония и любовь, прочно обосновались подозрения,

неприязнь и даже... ненависть. Сыновья становились соперниками в борьбе за трон, жена — возможной предательницей.

Павлу перевалило за сорок, и законная супруга в несчастливые минуты иронично называла его «вечным наследником». Жестокая российская действительность оказалась сильнее врожденной немецкой сентиментальности. Впрочем, Мария Федоровна не чужда была и честолюбивым мечтам: похоронить свекровь, овдоветь — и царствовать, благо дети находились у нее в полном и безоговорочном подчинении.

Чашу терпения великих князей переполнила поездка Павла с супругой в Европу. Под именем «князей Северных» они посетили Австрию, Испанию, Францию. Европейские

монархи принимали Павла Петровича и Марию Федоровну со всеми мыслимыми и немыслимыми почестями. Император австрийский Иосиф в честь высокого гостя распорядился поставить трагедию бессмертного Шекспира «Гамлет» (на русской сцене, кстати сказать, почему-то запрещенного). Но знаменитый тогда в Вене актер Брокман отказался играть главную роль, произнеся при этом бессмертные слова:

— В театре будут два Гамлета — один на сцене, другой — в зале.

Возможно, именно тогда Павел окончательно поверил в то, что мать всегда желала ему только зла. И поторопился вернуться в Россию, где как бы заложниками оставались два маленьких сына, и где ему еще почти десять лет предстояло ждать смерти матери.

Если бы она вела себя по-другому! Если бы добровольно отказалась от престола в пользу сына! Но Семирамида Севера не собиралась делать ни того, ни другого. Она воспитывала внука Александра, как своего наизаконнейшего наследника. Откровенно пренебрежительно относилась к «малому двору», его немецкой зажатой сентиментальности и страсти к муштре во всех видах. Она — чистокровная немка! — считала себя более русской, чем ее сын, который, при любом раскладе, побивал ее своей «русопятостью». Шекспировский Гамлет хотя бы любил свою мать. Российский принц Гамлет мать ненавидел...

В ожидании «счастливой минуты» Павел продолжал метаться между совершенно противоположными влияниями, не зная, чему бы приложить свою энергию и недюжинный ум. Впрочем, для энергии он применение нашел довольно быстро. Достойный сын своей матери, Павел не пропускал ни одной маломальски симпатичной юбки, и довольно скоро около дюжины фрейлин мог-

ли предъявить более чем убедительные доказательства благосклонности к ним цесаревича.

Мария Федоровна благоразумно закрывала глаза на «шалости» мужа, Екатерина — тем более. По принципу: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы трона не просило. В результате, не дожив до сорока лет, Павел выглядел совершенным стариком: лысая голова, изрезанное морщинами

стол занял истеричный и неуправляемый человек, который насилием старался подменить силу. Сын неизвестного отца и знаменитой матери, почти полвека жаждавший взойти на престол, он за четыре года лет своего царствования сумел вызвать у подданных такую ненависть, какую не вызывали даже античные тираны.

Сумасшедший на троне — не такая уж редкость, как это может по-

Сущность характера российского императора заключалась в том, что... характера у него вовсе не было. Было сумасбродство, природная доброта, благоприобретенная подозрительность и совершенно расстроенные нервы. За четыре года правления он сумел вызвать у подданных такую ненависть, какую не вызывали даже античные тираны

лицо, дрожащие руки... Даже друзья отмечали, что *«неожиданно, в минуты крайних решений, он становится сумрачен, буен и странен до сумасбродства»*. Немудрено, что придворные со страхом ждали неизбежной смены поколений на престоле.

Сущность характера мимолетного российского императора заключалась в том, что... характера у него вовсе не было. Было сумасбродство, природная доброта, благоприобретенная подозрительность и совершенно расстроенные нервы. В результате после скоропостижной кончины Екатерины российский пре-

казаться. Монархи — те же люди, и ничто человеческое им, как говорится, не чуждо. Просто слегка «сдвинутый по фазе» обыватель доставляет хлопоты своим близким, не более того. Самодур в семье — драма, но самодур на престоле — трагедия всероссийского масштаба. Коронованный безумец — проклятие целого народа, а иногда и резкий поворот в истории страны. Верноподданные очень скоро почувствовали, что новый император — кара, ниспосланная за тяжкие грехи. Павел не щадил никого — ни прославленных полководцев, ни убеленных сединами дипломатов, ни женщин, ни

младенцев. «Потемкинский дух вышибу!» — эту фразу можно было бы сделать эпиграфом ко всему недолгому царствованию правнука Петра Великого, хотя к этому времени князь Таврический давным-давно отошел в небытие, а последний фаворит Екатерины — Платон Зубов — сделал все возможное, чтобы уничтожить память о тайном супруге российской императрицы.

Но Павлу и этого казалось мало. Даже великолепный Зимний дворец стал ему подозрительным — и рекордно короткие сроки был выстроен Михайловский замок — крепость среди города, куда, по мнению Павла, никто не мог проникнуть незамеченным. Мания преследования, мания величия...

Обладавшая поистине ангельским терпением Мария Федоровна заметно отдалилась от своего августейшего супруга и, по свидетельству современников, ожидала для себя, в лучшем случае, ссылки, а в худшем — насильственного пострижения в монахини. Сыновьям же Павел не доверял вообще, так как был достаточно осведомлен о планах покойной матушки передать престол одному из них в обход единственного законного наследника.

В общем-то, почти достоверно известно, что великий князь Александр если и не дал напрямую своего согласия на устранение августейшего родителя, то и не сказал решительное «нет». Впрочем, заговор, в котором принимали участие не бо-

лее полусотни «особо доверенных лиц», молниеносно оказался известным чуть ли не всему Санкт-Петербургу.

Почему подозрительный и мстительный Павел не прореагировал на бесспорно достоверную информацию — неизвестно. Но в ночь с 11 на 12 марта правнук Петра Великого был задушен в собственной спальне собственным же шарфом, а для верности ему еще проломали висок табакеркой. Возможно, порядок осуществления преступления был иной, но сути дела это не меняет.

Исполнители были известны, вдохновители — тем более. Когда новоиспеченный император Александр попробовал изобразить муки совести и скорбь об отце, его довольно бесцеремонно возвратили с небес на грешную землю:

— Полно, Ваше величество, ребячиться. Ступайте царствовать!

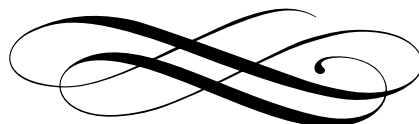
И Александр Павлович, осушив слезы, отправился царствовать, чтобы снискать у современников прозвище «Благословенный», а в историю войти победителем Наполеона и освободителем Европы от «корсиканского чудовища». Что, впрочем, не помешало ему закончить свои дни в черной меланхолии...

Преданный же матерью, детьми, женой Павел сохранился в истории как деспот, сравнимый лишь с античными чудовищами. Но и мы с вами вряд ли стали бы другими... При прочих равных условиях. □

ИЗ КОМАНДИРОВ

В детские писатели

В «лихие» девяностые, когда пошел разнос всего советского, больше всех досталось Аркадию Гайдару. Замечательный детский писатель с героической биографией (на Гражданской командовал кавалерийским полком в полторы тысячи сабель, причем в том возрасте, в котором его сегодняшние сверстники только успевают получить паспорт) страшно раздражал наших прозападных интеллектуалов, для которых он выступал романтическим символом ненавистного им социалистического строя.

Ему приписывали невероятную жестокость, даже садистские наклонности и психические расстройства во время боевых действий. Все это не соответствовало действительности, о чем свидетельствуют воспоминания современников. Пристрастие к алкоголю — вот единственное, что не вызывает сомнения. Увы, этой пагубной привычкой страдали, как известно, многие талантливые деятели литературы и искусства.

Обвинения в зверствах, якобы совершенных его воинской частью в Хакасии, на суде рассыпались и были с боевого командира 18-ти лет от роду сняты. Причем отказаться от службы в Красной армии Аркадия вынудил отнюдь не громкий судебный процесс, а серьезные осложнения после того, как в 15 лет его в бою взрывом выбросило из седла. Сильная контузия привела к травматическому неврозу, сопровождавшемуся невыносимыми головными болями. И он порой резал руки до крови, чтобы «переключиться» на другую боль и найти в ней минутное облегчение. Шрамы же, покрывавшие руки Гайдара, недруги писателя приписывали психическим припадкам.

С наступлением «перестройки» нравственные ценности общества стремительно поменялись, и прекрасные книги Аркадия Гайдара с их светлыми идеалами оказались не ко времени. Но «Р.В.С.», «Голубая чашка», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек», «Военная тайна», «Сказка о Мальчише-Кибальчише» и другие нестареющие его произведения и сегодня остаются верными спутниками подрастающих поколений.

Аркадий Петрович Гайдар (настоящая фамилия — Голиков) родился в январе 1904 года в небольшом городке Курской губернии. Отец его был учителем, а мать, тоже учительница из дворян, приходилась дальней родственницей Лермонтову.

Родители будущего писателя к царскому режиму относились критически и даже принимали участие в революционных событиях 1905-го года. По этой причине им пришлось перебраться из Льгова в Арзамас, где прошло детство Гайдара, где он встретил Октябрьскую революцию и откуда в 1918 году добровольцем ушел на фронт.

Надо сказать, что еще раньше Аркадий пробовал сбежать на фронт в Первую мировую войну. Тогда 10-летнего гимназиста поймали, вернули матери, и он продолжил учебу, удивляя преподавателей блестящей памятью и гуманитарными способностями. Читал запоем и позднее отмечал, что наибольшее влияние на его становление как писателя оказали Гофман, Диккенс, Марк Твен и Гоголь.

Развитие мальчика шло поистине стремительно. Литературный дар пробудился у него в 5 лет — тогда он сочинил свои первые стихи. Родители поддерживали сына в творческом увлечении, хотя сами, после того как осели в Арзамасе, сменили учительство на куда более приземленные профессии: отец стал служить по акцизному ведомству, а

мать окончила акушерские курсы и некоторое время работала акушеркой.

Одержимый жаждой всеобщей справедливости, Аркадий в 13 лет впервые пришел в местный штаб большевиков и начал выполнять разные поручения, в том числе, участвовал в патрулировании улиц, охране митингов. Год спустя, в 1918-м, его приняли в партию с правом совещательного голоса. Грамотных в большевистском штабе было мало, и школьнику Голикову приходилось редактировать и писать статьи для многотиражки «Молот», вести протоколы заседаний. В том же году он записался добровольцем в ряды только что созданной Красной армии, а в ноябре в Арзамас прибыло командование Восточного фронта, и военные начали обучать свежеепеченных красноармейцев.

Реальное училище было заброшено. Через месяц юного красноармейца назначили адъютантом в коммунистический батальон, а вскоре он стал начальником команды связи. В начале 1919 года 15-летнего бойца направили на командирские курсы в Киев. А в августе на город повел наступление Петлюра.

Писатель вспоминал: «Прошел 300 верст в составе арьергарда, прикрывавшего (...) отступление наших войск, и вышел к Гомелю с ротой курсантов в восемнадцать человек из ста всемидесяти». Отец

его в это время воевал на Восточном фронте против Колчака, мать вступила в Арзамасе в большевистскую партию. Самому же Гайдару предстояло в 20-м году принять командование ротой, покорить на Кавказе, потом под Воронежом, Нижним Новгородом, принять участие в жестоком подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии и — получить два ранения...

Проходя лечение в госпитале на Тамбовщине, 17-летний боевой ко-

дара часто будут появляться героини по имени Маруся.

На путь литературного творчества писателя толкнули причины, вынудившие его расстаться с армией. В 1922-м году 17-летнему закаленному в боях командиру доверили полк особого назначения по борьбе с бандитизмом в Красноярском крае. Этому событию предшествовали особые обстоятельства.

На путь литературного творчества писателя толкнули причины, вынудившие его расстаться с армией. 17-летнему, закаленному в боях командиру доверили полк особого назначения по борьбе с бандитизмом в Красноярском крае. Его послали туда не как карателя, а как человека, умеющего договариваться, что он там блестяще и продемонстрировал. А жестокие действия, как позже выяснилось в ходе следствия, совершали предшественники молодого Голикова. Однако несправедливые обвинения преследовали его всю жизнь и даже после героической смерти

мандир познакомился с 16-летней медсестрой Марусей Плаксиной. Взрослели в ту тревожную пору рано, и эти двое, влюбившись друг в друга, поженились. В браке родился сын, но умер, не дожив до двух лет. Аркадия же военная служба мотала по разным концам страны. В силу этих трагических, а также чисто житейских обстоятельств молодая семья распалась. В память о первой любви в произведениях Гай-

После завершения Тамбовской операции многие бойцы и командиры получали перед строем из рук самого Тухачевского наградное оружие с золотыми монограммами, золотые карманные часы и даже золотые портсигары. Голикову же из этих ювелирных богатств не досталось ничего. Но Тухачевский, приняв парад его воинской части и пообедав из солдатского котла, сообщил, что Голиков направляется

на учебу в Академию Генерального штаба в Москву. Это была высокая честь и заветная награда.

Увы, воспользоваться ею Аркадию Петровичу не довелось. Когда он уже в Москве готовился к вступительным экзаменам, в Хакасии сложилась тяжелая обстановка в связи с действиями неуловимой банды поддерживаемого частью коренного населения тамошнего казака Соловьева.

Голикова послали туда не как карателя, а, прежде всего, как человека, умевшего договариваться, что он там блестяще и продемонстрировал. А жестокие действия по ликвидации банды и по отношению к враждебной советской власти прослойке местных жителей совершали, как выяснилось в ходе следствия, его предшественники. Однако несправедливые обвинения преследовали Гайдара всю жизнь и даже после героической смерти.

Сибирское начальство возненавидело назначенца центра, уязвленное тем, что для разруливания сложнейших местных проблем из столицы прислали мальчишку. В отместку его определили командиром гарнизона, где не было ни телефонной, ни телеграфной связи с Москвой. И, вдобавок, приставили к нему трех фельдъегерей, которые увозили от него донесения к начальству и доставляли обратно их приказы. Причем один из этих чеки-

стов оставался при нем неотлучно, а прямой начальник Голикова регулярно писал на него доносы в губернское ГПУ.

Когда сохранившихся доносов на Голикова набралось предостаточно, его отозвали в Красноярск и завели уголовные дела сразу по четырём ведомствам. Все они юного командира, защищавшегося, кстати, безо всяких адвокатов, полностью оправдали. И Голиков отправился в Москву вновь поступать в Академию Генштаба. Но тут обнаружилось, что он сильно болен — четыре уголовных расследования, чреватых трибуналом, не прошли бесследно, и та давняя контузия головы, когда во время боя его взрывной волной выбросило из седла, и которая при спокойной жизни могла не проявляться, теперь дала себя знать...

Его военная карьера окончательно оборвалась бы, не заинтересуйся им тогдашний министр обороны, легендарный герой Гражданской войны Фрунзе. Два с лишним года Аркадий Петрович продолжал получать весьма значительное жалование комполка и проходить необходимое лечение в госпиталях. И все же полного выздоровления не произошло. С армией пришлось проститься. И Голиков задумал стать писателем.

В 1925 году он приехал в Ленинград и принес в редакцию журнала «Ковш» рукопись своей первой по-

вести «В дни поражений и побед» о боях Красной Армии на Украине. Ему повезло — редактором журнала был крупный прозаик Константин Федин, который сказал начинающему автору: «Писать вы не умеете, но писать вы можете и писать будете». Вместе они отредактировали повесть, Федин указал дебютанту все ошибки и недочеты в тексте, а затем произведение было напечатано. Читательского интереса оно не вызвало, и Аркадий Петрович решил переключиться на детскую литературу.

Решение, прямо скажем, судьбоносное. Вторая повесть «Р.В.С.», опубликованная тогда же в ленинградском журнале «Звезда», принесла начинающему писателю под-

линный успех. Она проникновенно рассказывала о необычной судьбе обыкновенного мальчишки Димки в годы революции и Гражданской войны. Голиков, однако, проявил похвальную требовательность к себе и выбрал сначала в качестве литературной школы журналистскую стезю. В пермской газете он еженедельно печатал очерки и фельетоны на темы городской жизни.

Под небольшим документальным рассказом «Угловой дом» впервые появилась подпись: «Гайдар». По одной версии, это слово на монгольском языке означает «всадник, скачущий впереди». По другой версии, представляет собой сокращение русифицированной фразы на французском «Голиков Аркадий из

Арзамаса». Нам, конечно, ближе первая версия этого псевдонима, превратившегося со временем в фамилию выдающегося детского писателя.

В Перми Гайдар познакомился с молодой журналисткой Лией Соломачинской. Между ними вспыхнула любовь. В 1926-м году Лию перевели на краевое радио в Архангельск, и Аркадий Петрович поехал вместе с ней. Там они поженились, и вскоре у них родился сын Тимур, кото-

писательство постепенно забирало Гайдара целиком. В Архангельск он приехал уже с законченной повестью «На графских развалинах», по которой впоследствии был снят знаменитый фильм. В 1929-м выпустил автобиографическую повесть «Школа». Главный герой — ученик арзамасской школы Борис Гориков, в котором легко угадываются черты автора, становится большевиком и воюет в Красной армии. Написанная очень искренне и душевно, повесть эта настолько по-

Жизнь Гайдара не баловала. Выпуская ежегодно по книге, которыми зачитывались миллионы советских юношей и девушек, он, тем не менее, получал скудные гонорары, очень нуждался и даже не обзавелся собственным домом, скитаясь с семьей по съемным квартирам и стойко перенося житейские невзгоды и мучительные мигрени. Жалоб от него никто не слышал, а вот обаятельную детскую улыбку запомнили все, кто знал писателя

рый выбрал профессию военного моряка, дослужился до контр-адмирала и был, к тому же, одаренным журналистом и писателем. Именно он послужил прототипом собирательного образа героя самой известной повести Гайдара «Тимур и его команда».

В те годы писатель много путешествовал: его часто посылали в командировки, переводили из газеты в газету в разных районах. Но

любилась юным читателям, что год спустя ее переиздали в крупном государственном издательстве ОГИЗ.

Гайдар говорил о себе: «Я пишу главным образом для юношества... Этих читателей я люблю, и мне кажется, понимаю их». Летом 31-го писатель закончил повесть «Дальние страны», посвященную жизни подростков на небольшой железнодорожной станции. Живо и убе-

дительно описаны в повести игры и мечты героев о путешествиях. Темы верной дружбы смелых мальчишек и их порой опасные приключения принесут вскоре Гайдару славу классика детской литературы.

Его последней газетной публикацией была садоводческая статья «Тарелка слив». Однако журналистом он все же оставался вплоть до 38-го, когда уже сложившимся прозаиком перебрался в Клин и засел за повесть «Судьба барабанщика», которая после выхода в следующем году приобрела огромную популярность среди советской молодежи.

За пять лет до этого массовым тиражом разошлась по юным читателям повесть «Военная тайна». В ней задорная комсомолка Натка Шагалова мечтает стать капитаном дальнего плавания, но ее отправляют вожатой во всесоюзный пионерский лагерь «Артек» на берегу Черного моря. Успел полюбоваться старшеклассникам и впервые напечатанный в 35-м году в журнале «Пионер» тонкий психологический рассказ Гайдара «Голубая чашка», описывающий проблемы взаимоотношений внутри семьи, убеждавший в необходимости терпимо и внимательно относиться друг к другу.

В 1939 году писатель, будучи в Клину, квартировал на даче Чернышевых и там познакомился с их до-

черью Дорой Матвеевной. К тому времени распался уже и второй его брак. Аркадий Петрович страдал от одиночества, от остервенелых нападков ортодоксальной критики, «находившей» в гайдаровских произведениях скрытые «антисоветские мотивы».

Конец этим нападкам положил Сталин, одобрительно отозвавшись о его творчестве, и писателю был вручен орден «Знак Почета». Ну а встречи с Дорой оказались для Гайдара целительными, кроме всего прочего, отвлекли этого сильного человека от давней алкогольной зависимости. Тем же летом он женился на ней и удочерил ее дочь Евгению.

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной». Возвышенная фраза из повести «Чук и Гек»(1939) не являлась для автора просто красивым высказыванием. Это было его кредо, и он оставался верен ему до последней минуты жизни.

А она Гайдара не баловала. Выпуская ежегодно по книге, которыми зачитывались миллионы советских юношей и девушек, он, тем не менее, получал скудные гонорары, нуждался и даже не обзавелся собственным домом, скитаясь с семьей

по съемным квартирам и стойко перенося, как подобает солдату, житейские невзгоды и мучительные мигрени. Жалоб от него никто не слышал, а вот обаятельную детскую улыбку запомнили все знавшие писателя.

Он был веселым и азартным, любил делать что-либо на спор. Свои рассказы и повести сочинял не за письменным столом, а сначала проговаривал их вслух, на слух редактировал, меняя слова и внося нужные исправления, и только после устной правки переносил готовые части произведения на бумагу. При этом помнил все свои вещи наизусть. Когда устраивал публичные чтения, то обходился без рукописи. Закла-

дывал руки за спину и декламировал рассказ страница за страницей...

«Чук и Гек» — новогодняя история о воссоединении семьи в Сибири. Тема семьи была Гайдару особенно близка, и собственную семью он любил и берег как мог, помогал первой жене. К своим детям питал нежную привязанность. Недаром дал главным героям культовой повести «Тимур и его команда» имена сына от второй жены (она ушла к журналисту И. Разину) и приемной дочери в последнем браке, Жени.

Интересно, что сначала Гайдар написал сценарий одноименного фильма режиссера А. Разумного о компании ребят, которые в подмосковном дачном поселке тайно помогают семьям фронтовиков, сражающихся на войне с белофиннами. И только после выхода фильма на экран создал в 1940 году повесть, призывавшую юных читателей делать добро чужим людям и учившую их проявлять справедливость, милосердие, благородство.

Режиссер картины вспоминал: *«...всего дальнейшего развития тимуровского движения все мы, кроме, пожалуй, Гайдара не предвидели... Когда смонтированный фильм показали писателю, он... сказал: "Это только начало! Вот если ребята не заиграют в Тимура, если мы не увидим его последователей в наших дворах, считайте — все пропало!"»*

Ребята «заиграли», по всей стране. Тимуровское движение охватило сотни тысяч подростков. Между тем какой-то недруг настроил в ЦК партии анонимный донос, обвиняя Гайдара в том, что он якобы ратует за подпольные детские организации вместо пионерской организации... И не вмешайся вновь лично Сталин, дело могло бы принять для писателя скверный оборот. Вождю, очевидно, нравились отвага и независимость Гайдара, хоть тот и не пел ему хвалу в творчестве, прославляя Отчизну без привязки к какой-либо личности, и по его указанию доносу не был дан ход. Как говорится, «собака лает, караван идет». Достаточно упомянуть, что повесть Гайдара переиздавалась 212 раз и была переведена на 75 языков.

В первые дни Великой Отечественной войны Аркадий Петрович напишет патриотический сценарий продолжения фильма «Тимур и его команда». Эту картину под названием «Клятва Тимура» снимут в 42-м году, когда автора уже не будет в

живых. Освобожденный по болезни в связи с контузией, он с 23 июня 41-го обивал пороги военкоматов, требуя отправить его на фронт. Гайдара уважительно выслушивали, но сделать исключение отказывались. И тогда бывший красный командир уехал в действующую армию военкором «Комсомольской правды».

Те, кто встречал его на изрытых воронками бомб дорогах первого лета войны, в один голос утверждали, что он ехал на фронт не столько писать, сколько воевать.

Ему суждено было попасть на передний край жестоких оборонительных боев под Киевом. Отправляя корреспонденции и очерки в газету, он лично не раз ходил в атаку, добыл трофейное оружие.

Кровопролитная оборона Киева закончилась разгромом и окружением более полумиллиона наших войск. Накануне оставления города, 18 сентября 41-го, группу корреспондентов центральных газет вывезли спецрейсом в Москву. Гайдар улететь отказался и вместе с работниками политотдела 37-й армии перешел на правый берег Днепра, пробиваясь из окружения к своим.

Случилось так, что там же оказался и мой отец, военный корреспондент «Известий» Иосиф Осипов. По заданию редакции он выезжал на отдаленный участок фронта и опоздал к отлету. Отец рассказывал мне, мальчишке, как под коман-

дованием Гайдара, которого он хорошо знал до войны, их голодный отряд шел скрытно ночами от деревни к деревни, на восток, обходя немецкие разъезды. Как, опять же под его началом, добывали они себе скудный подножный корм, ночевали в стогах и в попадавшихся по пути пустых сараях. И как, наконец, встретились с партизанами Федора Горелова. Тут их пути разошлись. Аркадий Петрович остался воевать в партизанском отряде, а мой отец с остальными продолжил выход из окружения...

У партизан Гайдар выполнял обязанности пулеметчика. 22 октября их лагерь был атакован гитлеровцами. Потом выяснилось, что расположение лагеря выдал предатель. Базу разбитый отряд потерял, и уцелевшие бойцы малыми группами решили добираться до чернинговских лесов, где планировали пополнить свои ряды.

26 октября они благополучно прошли село Лепляво и сделали привал рядом с будкой знакомого путевого обходчика. Гайдар отправился с ведром к нему на огород за картошкой и, приблизившись к будке, неожиданно увидел фашистскую засаду. Он мог бы притаиться и отползти, но предпочел предупредить товарищей. Успел крикнуть: «Ребята, немцы!» И — пал сраженный автоматной очередью. В сторону засады полетели гранаты партизан, и

под прикрытием взрывов они успели отойти.

Гитлеровцы сняли с убитого писателя орден, забрали верхнее обмундирование, блокнот, тетради. После их ухода обходчик похоронил тело Гайдара. А в 1947 году его торжественно перезахоронили в городе Каневе, хотя последним пристанищем автора «Мальчиша-Кибальчиша» должно было стать Новодевичье кладбище в Москве. Но республиканский комитет КПСС настоял, чтобы Гайдар был похоронен на Украине.

Печально сознавать, что сегодня могила этого яркого советского писателя для детей и юношества находится на территории государства, которым правят идейные наследники тех, с кем в самом начале Великой Отечественной войны отважно сражался и погиб в бою Аркадий Петрович Гайдар (Голиков).

«Ушли буржуины... Идут и головами покачивают. "Нет, — говорят они, — начальник наш Главный Буржуин. Бледный стоял он, Мальчиш, но гордый и не сказал он нам Военной Тайны... А когда мы уходили, то опустил он на пол, приложил ухо к тяжелому камню холодного пола и... улыбнулся он так, что вздрогнули мы, буржуины, и страшно нам стало, что не услышал ли он, как шагает по тайным ходам наша неминуемая гибель?"» ...

Аркадий Гайдар

Горячий камень

(Притча)

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плел корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришел на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя. Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролегал кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что еще хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клочок от штанины, а по красным щекам текли слезы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку во свояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

От стыда и горя Ивашка забрел в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчавший из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу, и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был, как уголь, горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный! — это Ивашка смекнул сразу. Он сбросил башмак и торопливо начал оббивать каблуком с надписей глину, чтобы поскорее узнать: что с этого камня может он взять для себя пользы и толку.

И вот он прочел такую надпись:

*КТО СНЕСЕТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЕТ ЕГО НА ЧАСТИ,
ТОТ ВЕРНЕТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ
И НАЧНЕТ ЖИТЬ СНАЧАЛА*

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятыя.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нес ведро известки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идет человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжело».

Вот с какими хорошими мыслями подошел к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чем дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были еще на свете такие люди, которые очень просто могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придет туда и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела. Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул камень из болота и, высунив язык, лег у подножия горы на сухую траву.

«Вот! — думал он. — Теперь вкачу я камень на гору, придет хромым старик, разобьет камень, помолодеет и начнет жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди ее видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза такую жизнь видел. Это — когда он опаздывал на урок, и совсем незнакомый шофер подвез его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это — когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на веселый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору. И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съевшись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришел на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принес ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивленный Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошел к изумленному Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжелая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке, — а на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, — но это тогда, когда мы — еще не умело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке.

Мне вышибли зубы, — но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, — но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце, и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит, и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, как она сейчас, — могучей и великой. Это ли еще, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своем болоте?

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была беспокойна совесть, плохое настроение. «А что, — думаю, — дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

Однако постоял-постоял и вовремя одумался.

«Э-э! — думаю, — скажут, увидав меня помолодевшим, соседи: «Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную сигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня И пошел прочь — своей дорогой. □

*Легко любить все человечество —
соседа полюбить сумеи.*

Кайсын Кулиев

Илью Петровича Баранца в подъезде не любили. Да что там не любили — ненавидели. За скверный характер, крайнюю неуживчивость, нетерпимость к чужим недостаткам. И кличку ему дали соответствующую — «Мизантроп». Оно и понятно: пенсионер был в постоянных контрах с соседями. Особенно с теми, кто, по его мнению, «спецом нарушал тишину и порядок».

А таких было море разлитое. В одних квартирах жили собаки, не закрывающие свои пасти ни днем, ни ночью. В других — оружие младенцы. В третьих — юные музыканты, разучивающие гаммы во время полуденного сна Ильи Петровича. В четвертых — подростки, из окон которых на весь двор разносились «дебильные буги-вуги». В пятых — холостяки, имеющие наглость водить на ночевку девиц «нетяжелого поведения», которые «визжат во время секса, как мартовские кошки».

До всего Баранцу было дело. До странного запаха из-под двери урино-терапевта Хаврулина. До шумной очереди, тянущейся к квартире местной гадалки — бабки Зинаиды. До семейных склок семьи Гуксаев. До двадцать седьмой квартиры, которую сняли какие-то подозрительные типы — «вдруг там террористы разрабатывают свои богомерзкие планы?» До сына председателя ТСЖ Варвары Клюевой, который, пока мать на работе, собирал у себя дружков-наркоманов — «глаза-то у них вон какие мутные». До отставника Волобуева, чистящего обувь вонючим гуталином прямо на лест-

ничной клетке. До коллекционера часов Марка Гайсинского, чьи экспонаты каждый час отбивали столько ударов, сколько они показывают...

Дед Баранец писал жалобы, судился, скандалил, мелко пакостничал. А чем ему еще заниматься на заслуженном отдыхе? Жену он похоронил семь лет назад, с «сыном-негодяем» практически не общался, с невесткой и внуком вообще не был знаком, друзьями-приятелями не обзавелся. Да и что это за дружба со «старперами»? У них все разговоры о том, какие они лекарства сейчас принимают да какую операцию недавно перенесли. Так что Баранцу только и оставалось, что стоять на защите общественного порядка и бдеть.

А бдеть он умел, как никто другой. В прошлом Илья Петрович был начальником оперативной части в местном СИЗО. «Кума» Баранца арестанты боялись больше, чем начальника тюрьмы. За годы службы у него не случилось ни одного побега, ни одного бунта, ни одного ЧП. Не потому, что везло, а потому, что он вовремя предотвращал потенциальные безобразия. А такие навыки не пропьешь. Опер — не профессия, это — диагноз.

Бесконечные скандалы с Баранцом, по малейшему поводу вызывавшим участкового, наряд полиции, теток из органов опеки, репортеров с телевидения, представителей общества защиты животных, экологов из «Зеленого спасения», отравляли жизнь окружающим, и жильцы подъезда объединились против Мизантропа. Они выдавливали в замочную скважину соседа клей «Момент», мочились на его дверной коврик, забрасывали к нему на балкон всякую гадость, опускали в почтовый ящик письма с советом переселиться в дом престарелых, а лучше — в психушку, писали на его двери оскорбительные слова. Не мелом писали, а краской. От души, что называется.

Изнывающий от безделья пенсионер составил список предполагаемых диверсантов и методично «мочил» подозреваемых.

На джип уринотерапевта, нагло припаркованный под балконами, он сбросил увесистую картофелину. Сработала сигнализация, и Хаврулин вынужден был среди ночи бежать во двор, чтобы разобраться с непоняткой. И так три раза.

Сыну Ключевой Илья Петрович проколол колесо дорогого велосипеда. На брата Вардана Гуксаяна, уже полгода жившего у него без прописки, «настучал» участковому. Гадалке Зинаиде бросил в ящик «предупреждение» из «налогового управления», где сообщалось, что незаконная предпринимательская деятельность и уклонение от налогов влекут уголовную ответственность и караются наложением крупного штрафа с ограничением свободы.

На доску объявлений мужчина повесил «Петицию от жильцов дома напротив», адресованную хозяйке визгливых болонок, «престарелой жиличке квартиры №16». Она гласила: «Женщина, у вас такая стремная фигура, а вы

ходите по дому голая. На вас противно смотреть. Повесьте, наконец, плотные шторы и не включайте в квартире свет. Из-за вас наши дети, вместо того чтобы делать уроки, весь вечер сидят с биноклем на подоконнике».

Вскоре боевые действия прекратились в связи с отъездом Баранца в санаторий. Как выяснилось, в одностороннем порядке. За время отсутствия пенсионера соседи не поскупились на ответные меры. Кто-то раскурочил его почтовый ящик, кто-то залил дверной глазок силикатным клеем, кто-то свинтил со стены дверной звонок.

Последнее потрясло вернувшегося домой Илью Петровича до глубины души. Звонок был дорогим, беспроводным, работающим от батареек. «Вас бы, сволочей, — да в Саудовскую Аравию, — негодовал он. — Тамошние талибы за воровство вам мигом бы руки поотрубали».

Баранец разобрал чемодан, заварил кофе. За окном непрерывно гроыхала строительная техника: бах-бах-бах, бах-бах-бах, бах-бах-бах...

— Это еще что такое? — возмутился он, выходя на балкон с чашкой любимого напитка. — Стоит на пару недель отлучиться, и возвращаться уже некуда — вокруг вселенский хаос.

Во дворе в это время кипела «стройка века»: рабочие в синих комбинезонах сносили забор, меняли асфальт, вывозили на грузовиках мусор, реанимировали детскую площадку.

— То ли внеочередные выборы грядут, то ли мэра, наконец, за жабры взяли, — предположил Баранец вслух.

— Похоже на то, — ответил ему незнакомый голос с соседнего балкона. — Они в три смены пашут. Даже ночью.

От неожиданности Илья Петрович выронил из рук чашку. Ударившись о бетонный пол, та разлетелась на куски.

Когда он уезжал в санаторий, квартира слева была пустой. После того, как год назад Баранец выжил оттуда мать-одиночку с вечно орущим ребенком, никто ее больше не снимал — спасибо соседям за антирекламу. Стало быть, отыскался смельчак, чувствующий в себе силы ежедневно бодаться с блюстителем тишины. Ну и кто же это такой?

Баранец подошел к краю балкона, высунул голову за гофрированную пластиковую перегородку. На картонном ящике из-под компьютера сидел субтильный парень лет двадцати пяти с рыжими, небрежно выбритыми на висках волосами, и сосал какой-то странный предмет: не то газовый баллончик, не то зажигалку. Одет он был в рваные джинсы и дырявую, обтрепанную по краям футболку с рисунком, имитирующим кровавое пятно. Ни дать ни взять — бомж с теплотрассы.

— Ты кто? — агрессивно поинтересовался пенсионер.

— Герман Бордюжа. Можно Гера. Ваш новый сосед.

— Ну и фамилия, — покачал лысой головой Илья Петрович.

— Вы, положим, тоже не граф Шереметев, — парировал парень, ничуть не смутившись, — а вредный дед Баранец по кличке «Мизантроп».

От наглости «оборванца» у Ильи Петровича пропал дар речи.

— Если что, я без наезда. Просто констатирую факт, — миролюбиво улыбнулся Герман и выпустил одновременно изо рта и носа густые струи дыма.

— Посадишь жабры — новые не вырастут, — презрительно скривился мужчина. — Торчок, что ли?

— Не торчок, а вейпер. Я вейп парю.

— Что ты паришь?

— Электронную сигарету. Курить бросаю. Никотиновая жвачка не могла.

Баранец недоверчиво прищурился. Только наркомана ему под боком и не хватало. Уж лучше бы ребенок плакал. Тот хоть ножом не пырнет. Хотя... Нынче такие детки...

Уснуть этой ночью ему не удалось. Несмотря на то, что дед вставил в слуховые отверстия беруши, уличные звуки проникали в самый мозг, доводя его до исступления. Почти до трех часов под окнами скрипело, тарахтело, вибрировало. Переругивались рабочие, заменявшие кусок поврежденной ограды. Туда-сюда ездил каток, что-то утрамбовывая в темноте.

А утром Бордюжа стал делать дырки в стене. У Ильи Петровича бешено застучало в висках. Шум работающего перфоратора сводил его с ума. Он был куда противнее звука строительных тарахтелок. Противнее боя «курантов» коллекционера Гайсинского. И намного противнее клаксона Хаврулинского автомобиля.

От непрекращающейся вибрации со стены пенсионера сорвалась полка с книгами, а чуть позже вылетела из гнезда розетка. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Баранца. Он ринулся на лестничную клетку и стал пинать ногами дверь Германа.

— Сколько ты еще будешь издеваться над соседями?! Твое «глубокое бурение» уже превратило стену в дуршлаг! — проорал он появившемуся на пороге парню.

— А в чем, собственно, дело? — изумился тот. — По закону, нельзя нарушать тишину с двадцати двух до восьми утра, а также по выходным и праздникам. В остальное время вам придется мириться с потребностями соседей, поскольку живете в многоквартирном доме. Так что лечите свою нервную систему или переезжайте жить за город, — и дверь Бордюжи захлопнулась.

Впервые за последние двадцать лет Илья Петрович растерялся. «Справиться с этим дрыщем будет совсем непросто», — констатировал он, прикручивая розетку на место.

Перфоратор оказался только началом «праздника непослушания», за которым последовали дробь молотка, скрежет ножовки по металлу и рев пылесоса. «Вишенкой на торте» стало новоселье, на которое набилось человек двадцать «отъявленных отморозков — алкашей, наркоманов и просто бандитов, которых следовало удушить еще в детстве».

Гости Германа беззастенчиво троллили деда Баранца: хохотали во всю глотку, звенели пустыми бутылками, танцевали, исполняли песню Александра Новикова:

*Куда девался кляузник-сосед?
Жить без него берет меня кручина –
Ведь на меня давно управы нет.
Такая вот для кляузы причина.*

Сначала Илья Петрович стучал им по батарее, потом кричал на них через балконную перегородку, а в 22.01 вызвал наряд полиции. Прибывшие правоохранители ткнули ему в нос объявление, предусмотрительно вывешенное внизу Бордюжей. В нем последний приносил соседям извинения «за возможный шум, связанный с празднованием новоселья в ближайшую субботу».

— Вот что, уважаемый, — устало вздохнул старший группы, уже в который раз являющийся по сигналу Баранца. — Займите себя чем-нибудь полезным: собаку заведите, книгу почитайте, мемуары, в конце концов, начните писать. Нам что, больше делать нечего, как без конца гонять в ваш подъезд? По пустячным вопросам морочьте голову своему участковому! Еще раз позвоните, оштрафуем.

— Так наркоманы же! — взревел потрясенный мужчина. — Асоциальные типы! Хулиганье из подворотни!

— Не сочиняйте, дедуля. Нормальные ребята. В основном студенты. А Герман Бордюжа — звукооператор. Работает на городской студии звукозаписи. Остальные соседи никаких претензий к нему не имеют.

— Ладно, — прошипел Баранец в спины удаляющейся троице, — сам справлюсь.

С этого момента для Ильи Петровича другие жильцы перестали существовать. Все свои силы он сосредоточил на Германе, даже завел дневник наблюдений за неприятелем, скрупулезно записывая туда время его прихода, ухода, отхода ко сну, с кем и сколько тот беседует по телефону.

Стены панельного дома, в котором проживали Бордюжа с Баранцом, были настолько тонкими, что каждый из них слышал не только разговоры, кашель и храп соседа, но и точно знал, сколько раз за ночь тот спустил воду в туалете и какой фильм сейчас смотрит. Все, как в анекдоте: «Заезжаю

в новую квартиру, думаю: «Интересно, здесь хорошая слышимость?» «Очень», — отвечает сосед из-за стенки».

Полное отсутствие конфиденциальности провоцировало конфликты. И не мудрено: один — «жаворонок», другой — «сова». Один хочет послушать музыку, другой — поспать. Один — интроверт, обожающий тишину, другой — рубаха-парень, оживающий лишь в компании многочисленных друзей. Герман с Ильей Петровичем оказались полными антиподами — людьми с разными биоритмами, разными темпераментами, разными предпочтениями, но... с очень похожими характерами. И тот, и другой умели за себя постоять.

Следующая «стычка поколений» произошла через два дня, когда Бордюже подключили Интернет. Тогда-то пенсионер по-настоящему понял, что такое «непрекращающаяся какофония». Герман слушал тяжелый рок, болел по компьютеру за любимую футбольную команду, играл с реальными соперниками в онлайн-игры, общался по скайпу со всем белым светом. Вел себя так, будто жил в бункере, а не в панельке с «папирусными» стенами.

Из-за него Илья Петрович, смотревший по вечерам «Ментовские войны», перестал понимать: кто в очередной серии — плохие парни, а кто — хорошие ребята. Старик стучал соседу в стену, звонил ему в дверь. В конце концов написал письмо угрожающего содержания и забросил его на балкон Бордюжи.

Ответ на свое послание мужчина обнаружил, «не отходя от кассы». На бельевой веревке, рядом с трусами и майками Германа, висел закрепленный прищепкой плакатик: «Дед, иди в баню!»

Наутро Баранец подстерег молодого человека на лестничной площадке и уже набрал полные легкие воздуха, чтоб изрыгнуть всю бурю переполнявшего его негодования.

«Можете жаловаться на меня в ООН, Европейский суд по правам человека и даже Папе Римскому, — произнес молодой человек, вставляя пенсионеру в руки согнутый вчетверо листок. — Но лучше молитесь. Говорят, помогает». На листке оказалась отпечатанная на принтере «Молитва человека пожилого возраста»:

«Господи, ты видишь, что я состарился. Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать. Спаси меня от стремления вмешиваться в дела каждого, чтобы что-то улучшить. Охрани меня от соблазна детально излагать бесконечные подробности моей жизни. Опечатай мои уста, если я захочу повести речь о недостойном поведении молодежи. Не осмеливаюсь просить тебя улучшить мою память, но приумножь мое человеколюбие, усмири мою самоуверенность, когда случится моей памятью столкнуться с памятью других. Аминь».

— Какая наглость! — выдохнул Баранец. — Да я до сих пор без очков читаю! И зубы у меня все свои. А память такая, что фору дам десятку подобных дрыщей. Ишь, проповедник нашелся!

Пока Бордюжа был на работе, Илья Петрович отсыпался. С возвращением же парня домой он удалялся в парк на прогулку, что позитивно сказывалось на его самочувствии. «Может, и впрямь собаку завести? — раздумывал пенсионер во время променада. — Появился бы стимул вечернего топтания аллей, а, в случае необходимости, пса можно было бы натравить на вейпера... Хотя нет. Собачьего лая в квартире я точно не вынесу. Не обвязывать же скотчем песью морду...»

После прогулки Баранец ужинал, садился за письменный стол и, вслушиваясь в звуки за стеной, начинал описывать их в своем «Дневнике наблюдений». Получался калейдоскоп забавных миниатюр, способный со временем перерасти во что-то более крупное.

В те дни, когда Герман не приходил ночевать или был в отъезде, Илья Петрович скучал. Писать ему было нечего, ругаться не с кем. Звуки, доносившиеся из других квартир, больше не вызывали у него прилива «социальной активности».

Как ни крути, но с появлением Бордюжи жизнь Баранца стала интересной и наполненной. Этот худосочный вейпер напоминал ему самого себя в юности и в глубине души даже нравился. По отношению к соседу Илья Петрович вел себя как энергетический вампир, подзаряжаясь от парня во время каждого скандала.

Похоже, то же самое происходило и с молодым человеком, которому были необходимы сильные энергетические выбросы пенсионера. Если тех какое-то время не было, Герман их провоцировал, манипулируя болезнью Баранца. То, что последний нездоров, он понял сразу. Как только подключили Интернет, Бордюжа заложил в поисковик «непереносимость громких звуков» и убедился, что у соседа гиперacusia — болезненное состояние, при котором даже слабые звуки воспринимаются чрезмерно интенсивными, приводящими к болезненным ощущениям, нервозности и нарушению сна.

«Приискорбно, но это не дает деду права портить жизнь окружающим, — подумал молодой человек. — Надо его приучить к мысли, что после каждого агрессивного выпада будет следовать «звуковая ответка».

А ответить Герману было чем. Он был обладателем обширной «коллекции звуков». Чего только не было у него в компьютере: визг тормозов, хрюканье свиней, пиликанье на скрипке, слоновий топот, женский плач, скрип несмазанных дверных петель... Какие-то звуки он записал «с природы», какие-то создал при помощи синтезатора, какие-то усилил и видоизменил. С их помощью можно было свести с ума кого угодно, а уж больного гиперacusией старика и подавно.

Введение в действие «пилотного проекта» не заставило себя долго ждать. После очередной истерики, связанной с бурной реакцией Германа на проигрыш его футбольной команды, Баранец с трудом заснул, мысленно поклявшись соседу, что месть его будет страшна и безжалостна.

Едва проснувшись, Илья Петрович отправился на птичий рынок, где по дешевке купил парочку крыс, вонючих, уродливых, с паразитами в шерсти.

— Бери, папаша, годные пасюки, — отрекламировал свой товар продавец-алкаш, слонявшийся с самодельной клеткой меж торговых рядов. — Грызут все, до чего дотянутся: продукты, мебель, подушки, одежду, провода...

«Самое то! Не милые декоративные крыски, заполонившие все прилавки, а настоящее зоологическое оружие!» — радовался Илья Петрович, возвращаясь домой.

Ловко перебросив грызунов на балкон соседа, пенсионер удовлетворенно потер руки: «Вот так! Это тебе не вейп парить!»

Дверь в комнату Герман обычно не закрывал, и «диверсанты» беспрепятственно проникли в жилое помещение. Судя по доносящимся из-за стены звукам, операция «Беспредел» проходила успешно.

Как ни странно, появление незваных гостей Бордюжу не впечатлило. Он быстро поймал вредителей и отснял на телефон причиненный ими ущерб. Затем вызвал хозяйку квартиры, представителей ЖЭУ и санитарно-эпидемиологической станции, пообещав им написать жалобу в Роспотребнадзор и выставить «крысиный ролик» в Ютуб. В итоге, ему уменьшили арендную плату, а во всем доме началась дератизация. ТСЖ создало специальную комиссию, и та стала обследовать квартиры, граничащие с жильем Германа. Попал под раздачу и Баранец.

А спустя три дня «стройка века» переместилась в их подъезд. С утра до ночи в помещении стучали молотки, гремели ведра, гомонили таджики. Последние стеклили окна подвалов, заделывали щели в районе лифта и мусоропровода, устанавливали сетки на вентиляционные отверстия...

От всего этого Илья Петрович едва не попал в больницу. У него кружилась голова, дергалась щека, давление прыгало, как красноглазая квакша. Старик сто раз проклял тот день, когда в его голову пришла мысль использовать в войне с соседом «эффективное зоологическое оружие».

Какое-то время Баранцу было не до Бордюжи, и тот безнаказанно слушал музыку, смотрел порнушку, общался с друзьями по скайпу. Но не все коту масленица. Когда Илья Петрович вынул из ушей пропитанные облепиховым маслом тампоны, он услышал, как сосед обсуждает с кем-то по телефону его, Баранца.

«Да ладно тебе! — смеялся Герман. — Прикольный дед, на моего, покойного, похож. Такой же вредный и нудный. Старость, как известно, не радость,

а маразм, соответственно, не оргазм. В его возрасте мы с тобой сами будем яд сдавать в медицинских целях».

— Маразм, значит? — вскипел Баранец. — Я тебе, удалбыш бухенвальдский, устрою маразм. Сам побежишь в психушку сдаваться.

Следующее утро Илья Петрович встретил на балконе с отверткой в руках. Как только фигура Бордюжи скрылась за углом, он бросился откручивать шурупы, на которых крепилась разделяющая балконы гофрированная перегородка. Заржавевшие от времени болты подались не сразу, но торопиться было некуда — Герман возвращался домой не раньше семи.

Наконец пенсионер проник на «вражескую» территорию. Балкон был захламлен пустыми коробками и пластиковыми бутылками. В самой квартире порядком тоже не пахло. На всех вещах — слой пыли, постель не убрана, одежда разбросана. Динамик компьютера упирался как раз в ту точку, где у Баранца — изголовье спального места. «Вот почему его звуки бьют по мозгам, как церковные колокола», — понял он. Рядом с компьютером — немытая пиала с засохшей рисовой кашей, три одинаковых чашки со следами кофе и вакуумная упаковка от копченого сыра. Стена, граничащая с квартирой Ильи Петровича, — вся в навесных стеллажах и полках. На них — множество книг, журналов, компьютерных дисков, настольных игр. Телевизора в квартире не было, зато наличествовал мощный вентилятор и допотопный патефон «времен Очаковских и покоренья Крыма». Последний, к радости пенсионера, не работал. По-видимому, был памятью о вредном деде-покойнике. Платяного шкафа у Германа тоже не наблюдалось. Его роль исполняли небольшой комод, вешалка-штанга на колесиках и... стоящий в углу комнаты скелет в байкерской куртке и мотоциклетном шлеме.

Ни ковриков, ни картинок на стенах, ни занавесок на окнах Баранец не обнаружил. Да что там коврики, отсутствовал даже холодильник, а стало быть, и еда. По всей видимости, Бордюжа питался в забегаловках или приносил домой по вечерам что-то съедобное.

В подобной обстановке хитрый план Баранца летел в тартарары. Пугать соседа полтергейстом целесообразно лишь тогда, когда все вещи лежат на своих местах, а вокруг — чистота и порядок. Тут же — сам черт ногу сломит. Парень даже внимания не обратит на работающий компьютер, разбитую чашку или пропавшую майку. «В таком случае, надо действовать от противного», — после некоторого раздумья решил старик, приступая к уборке квартиры.

Он сложил разбросанную одежду ровной стопочкой, застелил диван, унес в мойку грязную посуду, везде вытер пыль, собрал в хозяйственный мешок все бутылки, вложил друг в друга пылящиеся на балконе картон-

ные ящики. Уходя к себе, прикрыл балконную дверь и приладил на место снятую перегородку.

— Вот так, — потер руки Баранец в предвкушении вечернего представления. — Это тебе не спиннер крутить. Тут голова нужна. Субботник, проведенный таинственными «духами», любого заставит усомниться в собственной адекватности. После третьего сеанса ты сам сбежишь из «нехорошей квартиры».

Дожидаясь соседа, Илья Петрович весь извелся. В своем воображении он проигрывал различные варианты реакции недруга на «шалости домашнего» — от обморока до вызова съемочной группы с телевидения. Но... не так судьба велела.

«Прикинь, в мое отсутствие приходила хозяйка квартиры и вылизала всю хату, — делился Герман с кем-то по телефону. — В прошлый раз я ее здорово прессанул Ютубом... Ну, тогда, с крысами, дай им бог здоровья... Еще как повезло! Плачу по минимуму, теперь еще и на приходящей прислуге экономлю. Хорошая идея, ха-ха-ха... Это я ей еще за сумасшедшего соседа счет не выставил... Ну да, будет мне портки стирать и пятки чесать, ха-ха-ха... Ща пацанам расскажу, они офигеют». Забулькал скайп, и Герман повторил «свежий прикол» новому собеседнику. Потом еще и еще одному.

Услышанное настолько взбесило пенсионера, что тот потерял над собой контроль. «Ты рот свой закроешь когда-нибудь? — визжал Баранец, стуча кружкой по батарее. — Помолчи хотя бы полчаса!»

Из-за стены тут же раздалось мычание коров, за ним — жуткое уханье совы, сменившееся похоронным маршем Шопена. Дебильный визг свинки Пеппы и ее братца Джорджа стал контрольным выстрелом в голову старика.

Илья Петрович побледнел, как-то обмяк и, шатаясь, пошел к аптечке за корвалолом. Какое же сердце выдержит подобные издевательства?

Спустя три дня Герман обнаружил на арендованной жилплощади полный разгром. По всей квартире были разбросаны пластиковые бутылки, комод выворочен, как после обыска. Джинсы висели на люстре, байкерская куртка — на вентиляторе, скелет лежал в ванне с водой. На полу в кухне валялись черепки от разбитой чашки и горшка с геранью, доставшихся ему в наследство от предыдущей жилички. На подоконнике — лужа от чайного гриба, который он так старательно выращивал, а мусор оказался в бельевой корзине.

— Ох, ничего ж себе! — всплеснул парень руками. — Как Мамай прошел!

— То-то же! — хихикнул за стеной Илья Петрович. — Это тебе не на гироскутере гонять!

Какое-то время в квартире Бордюжи было тихо. Потом начались телефонные переговоры. Большинство собеседников убеждали Германа, что его квартирная хозяйка сошла с ума и, возможно, уже находится в специализированном заведении. Сам же молодой человек придерживался версии «барабашка» и сожалел о том, что не отблагодарил последнего молочком, когда тот в прошлый раз сделал в доме уборку...

Вскоре у Бордюжи накопилось три отгула. Он собирался провести их на природе, но аномальная жара внесла в его планы свои коррективы. Парень весь день лежал под вентилятором, предаваясь раздумьям о судьбах человечества. Делать ничего не хотелось. Настроение было скверным, башка трещала, глаза так и норовили вылезти из орбит. За окном в режиме нон-стоп носились кареты «скорой помощи», оглашая округу своими сиренами. Если молодняк не выдерживает, что говорить о пожилых гипертониках?

«Кстати, деда моего давно не слышно, — встревожился вдруг Герман. — Это на него не похоже. Как бы не скопытился... Где я еще такого приколиста найду?»

Он постучал кулаком в стену, затем гантелей по батарее — никакой реакции. Тогда парень нашел в компьютере нужные файлы и включил динамики на полную громкость. Сначала протяжно выли волки, потом плакали младенцы, пели цыгане, стучали африканские тамтамы... Бордюже стали колотить по батарее соседи сверху и снизу. И только Илья Петрович молчал как рыба.

Молодой человек понял: случилось что-то серьезное. Он выскочил на лестничную площадку, стал давить на звонок соседа, дергать его дверную ручку — тишина. Вернувшись к себе на балкон, Герман высунул голову за пластиковую перегородку:

— Ау, Мизантроп, ты живой?

Ответа не последовало.

— Эй, дед, отзовись! Я волнуюсь. Вдруг тебя черные риелторы в психушку упекли, чтобы завладеть твоими квадратными метрами...

Исчерпав все методы, дозволенные Уголовным кодексом, Бордюжа стал откручивать перегородку. Спустя пару минут он уже стоял в квартире соседа.

В комнате никого не было. Везде — чистота и порядок: ни пылинки на добротной дубовой мебели, ни соринки на толстом ворсистом ковре. Интерьер хорошо продуман, каждая вещь идеально вписана в пространство. Нигде ничего лишнего. Ни в кухне, ни в коридоре парень соседа не обнаружил. «Как же он умудрился так бесшумно слинять? — удивился

Герман. — Обычно Мизантроп передвигается, как лягушонка в коробочке из известной сказки».

Он уже собрался уходить, как вдруг заметил, что в ванной комнате горит свет. Парень распахнул дверь и от неожиданности вскрикнул. Баранец лежал в заполненной водой ванне. Глаза у него были закрыты, кожа бледная, почти белая, лицо перекошено.

«Неужели помер? — запаниковал Бордюжа. — Нет, так дело не пойдет!». Он схватил руку соседа. Пульс был слабым, едва уловимым. Но был!

Пока ехала «скорая помощь», Герман перетащил старика на диван, завернул его в махровую простынь, брызнул в рот аэрозолем с нитроглицерином, который обнаружил на тумбочке рядом с креслом-качалкой.

— Инфаркт, — подтвердили медики его худшие опасения. — Что ж вы, молодой человек, не уследили за дедом? Понятное дело, пекло, но лезть в ванну с холодной водой в его возрасте — преступная халатность.

— Виноват! — развел тот руками. — Я поеду с вами.

Как только Баранца из реанимации перевели в общую палату, Бордюжа явился к нему с пакетом, набитым соками, фруктами и детским пюре. Принес тапочки, смену белья, очки, беруши, сборник сканвордов, ручку и MP3-плеер, куда закачал двести лучших песен советского периода.

— Ну, как ты тут? — присел он на край кровати. — Всех уже достал или через одного?

Весь опутанный трубками, шлангами и капельницами, Илья Петрович виновато улыбнулся, по его щекам потекли слезы.

— Здрассьте-пожалуйста! — потянулся парень за бумажными салфетками. — А я это... решил перегородку обратно не прикручивать. Будем с тобой в гости друг к другу ходить. Стол на балкон поставим, станем чаевничать, в нарды играть, козни соседям строить...

— Прости меня, сынок, — едва слышно прошептал Баранец. — У тебя в хате набезобразничал не домовой...

— Знаю, дед. У меня установлена камера видеонаблюдения с датчиком движения.

Глаза Ильи Петровича полезли на лысину, отполированную долгими годами безупречной службы.

— А как же твои разговоры с друзьями... о хозяйке квартиры... о барабашке?

— Театр одного актера, — рассмеялся Герман. — Весь билет продан. Тебе! □

Царь Петр I побывал в Нижнем Новгороде дважды. Первый раз государь посетил древний город при слиянии Оки и Волги, когда он еще не был великим, основные его государственные подвиги и свершения были впереди. В 1695 году, 16 мая, накануне первого Азовского похода, правитель России прибыл в столицу Поволжья. В Нижнем Новгороде молодой русский царь пробыл дольше запланированного срока, целую неделю — причиной стала непогода.

Вместе с государем по воде на почти двухсот деревянных стругах приплыли и солдаты, перевозившие водным путем осадную артиллерию. К визиту высокого гостя и его царственной свиты нижегородцы готовились загодя — в городе мостились улицы и украшались центральные здания, варились пиво для публичных празднеств в связи с приездом царя, заготавливалась провизия для русского войска.

Второй раз Петр, находясь уже на вершине славы и могущества, ставший императором и Отцом Отечества, посетил Нижний Новгород в 1722 году при походе на Персию. И тоже, как и в первый раз, в мае

новал в Нижнем Новгороде свой полувековой юбилей.

Где же останавливался Петр I во время своих визитов в Нижний Новгород? Каких-либо документальных сведений о том анналы истории не

месяце. Он инспектировал на городской набережной строительство судов и остался, увы, недоволен их качеством. Вскоре последовал царский указ о строительстве верфи в селе Черном, что на Оке — там начали возводить ставшие впоследствии знаменитыми волжские расшивы, которым были не страшны ни морская вода, ни высокие морские волны. Впрочем, хотя царь был строг и крут на расправу, но отходчив: вскоре он с размахом отпразд-

сохранили, но краеведы и исследователи склоняются к тому, что правитель России, вероятно, жил в палатах торгового человека гостиной сотни, богатого купца Ефима Чатыгина, ставших впоследствии именоваться Петровским домиком.

Дело в том, что в петровскую эпоху в окрестностях Нижнего Новгорода было весьма неспокойно. Густые заволжские леса и многочисленные укромные речные затоны давали приют не только разного рода ли-

хим людям, но и многочисленным сектам старообрядцев, у которых с властью были свои счеты. Петра I они почитали не иначе как антихристом, поэтому немудрено, что юный

царь (ему в ту пору исполнилось 23 года) предпочел укрыться, что называется, от греха подальше, за массивными и толстыми стенами каменных палат.

Дом Чатыгина отличался декоративными украшениями и деталями из профильного кирпича. Белокаменные палаты представляли собой строение с комнатами, которые назывались горницами. Каждую горницу перекрывал сомкнутый свод. Под домом на нижнем ярусе находились просторные и глубокие подвалы со сводчатыми потолками, а этажные лестницы находились в специальной деревянной пристройке.

В начале XIX столетия владелец роскошного по тем временам особняка сменился — его хозяевами стали купцы Докукины. Впоследствии палаты, в которых по приезду в Нижний Новгород останавливался когда-то царь Петр I, еще не раз меняли своих хозяев, что не лучшим образом сказывалось на сохранности здания.

Менялся и окружающий Петровский домик пейзаж. Малая речка Почайна, подобно московской Неглинке, была в середине столетия заключена в подземную трубу, а ее

В течении XIX века Петровский домик использовался явно не согласно памяти посещавшего его преобразователя России и сильно обветшал. Некий господин Польц

долина постепенно застроена разномастными домишками. На рубеже XIX и XX веков Почайнский овраг был весьма популярным среди простых нижегородцев: здесь располагался главный городской рынок. Согласно городским легендам, Почайна, хотя и скрытая ныне от людских глаз под землю, еще покажет свой норы: в конце времен она освободится от своих подземных оков и так разольется, что затопит весь Нижний Новгород.

устроил в нем винный склад, который его вдова переоборудовала затем в пивной. А перекупившая у нее старинные палаты нижегородская мещанка Рахиль Шприц даже открыла в петровском домике ночлежный дом для бродяг без роду и племени.

В 1888 году местный купец Николай Александрович Бугров выкупил здание, чтобы сохранить дом для истории. В Домике Петра при активной поддержке Нижегородской губернской ученой архивной комиссии планировалось открыть исторический музей. В 1890 году, по инициативе историка и краеведа Александра Серафимовича Гациского, дом отреставрировал архитектор Николай Павлович Иванов для размещения в нем краеведческой экспозиции. Он же пристроил с запада вход с крыльцом в духе архитектуры XVII столетия, в ширинок (проемы-углубления) столбов которого поместил полихромные изразцы, снятые ранее с одной из местных церквей. Спустя несколько лет активной реставрации старинного особняка в нем в 1895 году распахнула для посетителей двери историческая экспозиция.

Посетители петровского домика могли познакомиться с обширной коллекцией старинных артефактов из 1359 предметов. Тут были предметы, найденные во время археологических раскопок, древнее оружие, доспехи, монеты, домашняя утварь, картины, а также церковные ценности. Но затем музей перевели в Дми-

триевскую башню Нижегородского кремля, а в петровских палатах оставили хранилище древностей и открыли бесплатную библиотеку-читальню для всех желающих.

В наши дни туристы, посетившие Нижний Новгород, могут полюбоваться на Петра Великого в бронзе: в 2014 году на городской набережной, напротив Зачатьевской башни древнего кремля, был установлен величественный памятник преобразователю России. Петр стоит, смотря на безбрежные волжские просторы, выставив вперед правую ногу. Создается впечатление, что царь шагает вперед, смотря далеко перед собой. В правой руке у него развернуто постановление: «Нижегородской губернии быть особо». Указ о создании Нижегородской губернии Петр I подписал в 1714 году — в память об этом событии спустя 300 лет и был возведен монумент.

...В веке XXI Петровский домик, увы, закрыт на амбарный замок. Хотя соответствующая информационная табличка о том, что это памятник архитектуры и даже горельеф царя-преобразователя, установленный в 1996 году на здании в честь 300-летнего юбилея со дня образования российского флота, присутствуют. Будем надеяться, что жители города, отметившие свой 800-летний юбилей, смогут найти достойное применение старинному особняку, чья история тесно связана с одним из самых выдающихся и известных деятелей российского государства. □

Екатерина Маркова

«ТАЛАНТ – единственная НОВОСТЬ»

На стене нашего московского дома висят три мемориальных доски, свидетельствующие о том, что в разные годы здесь жили три выдающиеся русские актрисы, три ярчайшие звезды театра и кино: Анастасия Платоновна Зуева, Фаина Георгиевна Раневская, Елена Алексеевна Фадеева.

Мне очень повезло не только быть соседкой этих уникальных женщин, не только общаться с ними, быть вхожей в их квартиры, но и получать такую удивительную энергетику и тепло, которое они излучали.

Это Анастасии Платоновне Зуевой посвятил Пастернак, не сумевший присутствовать на ее юбилей-

ном вечере, всем известные строчки: «...Талант — единственная новость, которая всегда нова». И в этих же стихах всего в двух четверостишьях Борис Леонидович сумел донести ту актерскую суть, которой, как никто, обладала Зуева:

Для Вас в мечтах писал

Островский

И Вас предвосхищал в ролях,

Для Вас воздвиг свой мир

МОСКОВСКИЙ

Доносчиц, приживалок, свах.

Движеньем кисти и предплечья,

Ужимкой, речью нараспев

Воскрешено Замоскворечье

Святых и грешниц, старых дев.

*Анастасия
Зуева*

И совсем нет в этом поэтическом панегирике великого поэта великой актрисе преувеличения. И не могут к этим словам не присоединиться миллионы ее зрителей и почитателей.

Но и в другом моя замечательная соседка была столь же одарена. Милосердием, человечностью, невысказанным чувством сострадания к чужой беде и боли. В ней словно жила та «нулевая готовность» творить добро, как и тот же низкий старт, который она брала, мгновенно сочиняя рисунок новой мхатовской роли. В годы репрессий она без усталости снабжала едой, одеждой, всем необходимым друзей и знакомых, у которых близкие были арестованы. Попыталась облегчить их участь, обращалась в вышестоящие инстанции, хлопотала и мучительно переживала отказы. Ее даже вызывали в соответствующие органы и предупреждали, чтобы не вмешивалась. Но она не только не пугалась, но даже прятала в своем доме «врагов народа». Моя подруга Лена, внучка Анастасии Платоновны, воспитанная бабушкой и получившая такой же густой зуевский «замес» творения добрых дел, рассказывала, что рядом с бабушкой всег-

да жила икона Спасителя, Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца, и дружила народная артистка СССР с тремя Патриархами всея Руси — Сергием, Алексием и Пименом.

Комическая мхатовская старуха в жизни была чрезвычайно элегантной, светской и очень моложавой. Никогда не забуду, как однажды, выйдя из подъезда, увидела, что Анастасия Платоновна как всегда темпераментно беседует с молодой парой. Она говорила доброжелательно, а у молодого человека от ее слов горели уши. Я подошла ближе.

— Понимаете, этот ваш окурок, брошенный на землю, — не просто так, — объясняла Анастасия Платоновна, — по сути, вы плюнули себе в душу. И не только землю, а себя, свое нутро замусориваете. И потом, вы что, марсианин?

Парочка изумленно молчала.

— Вы что, с другой планеты прилетели и, намусорив, улетите обратно? Не-ет, здесь останетесь. И что же, вашим

детям, внукам жить в грязи прикажете? Которую сами плодите!

Анастасия Платоновна поправила на голове модную шляпку, глянула на часы, увидела меня:

— Деточка, как вы кстати. Не подкинете до театра?

Я подвезла Зуеву к служебному входу во МХАТ и, глядя ей вслед, легко передвигающейся на высоких каблучках модных лодочек, представляла, как сейчас она, скинув образ светской дамы, облачится в костюм гоголевской Коробочки и, накладывая слой за слоем сложнейший грим, ею придуманный, превратится в хитрющую несуразную старушенцию...

Другая мемориальная доска. «Здесь жила народная артистка СССР, лауреат Государственной премии Фаина Георгиевна Раневская».

...Поднимаюсь по лестнице, просовываю голову в полуоткрытую дверь квартиры:

— Фаина Георгиевна, у вас опять дверь нараспашку.

Из глубины квартиры хрипловатый голос:

— Не беспокойся, деточка, я же тебе уже говорила — у меня брат нечего. На меня, ясное дело, никто не позарится, а Мальчик тоже дефективный: бельмо на глазу, да нога перебита.

— Можно к вам на минуточку?

— Разумеется. Проходи, детка.

Навстречу мне шествует теперь уже легендарный Мальчик, воспе-

тый не в одном панегирике его хозяйки, а тогда просто несчастная страшенькая дворняга, из жалости подобранная и обласканная Фаиной Георгиевной.

Раневская полулежит в глубоком кресле, на коленях раскрытая книга.

— Я не помешала? Ни от чего вас не оторвала?

Фаина Георгиевна смотрит на меня своими грустными влажными глазищами и тихо отвечает:

— Меня теперь не от чего отрывать. Сижу себе... Никому мы с Мальчиком не нужны. — Она гладит макушку собаки, притулившейся у ее колен.

— Да грех вам так говорить, Фаина Георгиевна, дорогая. Вас вся страна обожает, — возражаю я, а у самой щиплет в носу и предательски набухают глаза.

— Как Юрочка? Репетирует? — переводит разговор Раневская.

— Да... Он хотел зайти к вам перед репетицией, но побоялся, что рано. Ведь завтра Новый год, Фаина Георгиевна, а вы — одна... Мы бы очень были рады пригласить вас, с Мальчиком, конечно, к нам в гости.

Фаина Георгиевна улыбается чему-то потаенному:

— Спасибо, дорогая. Но я никогда не встречаю Новый год в одиночестве. В этот светлый праздник со мной всегда один невероятный мужчина. Иногда, если я не очень хорошо себя чувствую, мы встречаем

Новый год в постели... — Она смеется своим негромким баском, глядя на мое обескураженное лицо и, закрыв книгу, лежащую на коленях, протягивает ее мне: — С ним. С ним всегда мое сердце, а в новогоднюю ночь особенно.

Я читаю: «Александр Пушкин. Стихотворения и поэмы».

Вернувшись к себе, я прохожу в кабинет и долго смотрю на фотографию Александра Блока, которую совсем недавно Раневская подарила моему мужу, актеру Георгию Тараторкину. Фаине Георгиевне эту фотографию оторвала от сердца Анна Ахматова. На обратной стороне надпись: «Юрочке — за то, что люблю. А я больше всего в жизни люблю талант. Раневская».

...Однажды на Старом Арбате я увидела в антикварном магазине старинную фарфоровую статуэтку. Увидела и замерла от удивления. Это была абсолютная копия моей соседки по лестничной площадке Елены Алексеевны Фадеевой. Неземной красоты женщина в длин-

ном, точь-в-точь как у Фадеевой, вечернем платье, тянула тоненькие длинные руки к чему-то видимому только ей и настолько волшебному, что лицо ее и глаза, полные радостных слез, имели совсем нездешнее, надмирное выражение.

Елена Алексеевна и правда была словно вылеплена из тончайшего хрупкого фарфора. Она выглядела быющей, и от этого всегда тревожно замирало сердце. Периодически я удостаивалась чести быть причастной к ее выходам на различные торжества и банкеты.

Народная артистка СССР, она была депутатом Верховного Совета, и поэтому часто ходила на всяческие приемы.

Звонок в дверь. В проеме ее прекрасное, чуть виноватое лицо.

— Катенька, я снова с просьбой помочь мне с молнией. Муж с сыном, как всегда, отсутствуют, так что опять к вам за помощью.

На ней роскошное

вечернее платье, волосы уложены в причудливую прическу, нездешние голубые глаза слегка подведены серыми перламутровыми тенями. Елена Алексеевна поворачивается ко мне спиной, и я, застегивая длиннущую элегантную молнию, которая кажется грубой уродиной на ее узенькой длинной спине, невольно в который раз шепчу: «Господи, какая же красавица!» На что слышу в ответ: «А это совсем не моя заслуга. Красота — это всегда дар божий, так же, как и талант!»

Наверное. Так же, как актерский талант, включает в себя немыслимое мужество и волю. Помню, за несколько лет до ухода из жизни Елена Алексеевна упала и сломала шейку бедра. Она перенесла сложнейшую операцию, и ее сын Алеша рассказывал о том, как мучительно ей передвигаться на костылях по дому.

Я была в полном шоке, просто не поверила своим глазам, когда вскоре увидела ее, выходящую из подъезда

обычной легкой походкой. Она шла, опираясь на элегантный зонтик, пренебрегая предписанной для ходьбы палкой и костылями.

— Елена Алексеевна, куда вы? — буквально взвилась я. — Вам же рано! Вам нельзя!

Елена Алексеевна улыбнулась своей обезоруживающей улыбкой и возразила:

— И совсем не рано. У нас в театре сегодня сбор труппы и открытие сезона. И если я актриса, а не инвалид, мое место сегодня там.

— Но... Вам же больно?!

— Больно? — Елена Алексеевна усмехнулась. — Больно — это не самое страшное. Очень страшно — перестать выходить на сцену.

Она улыбалась, а в глазах уже холодела, проступала потусторонняя изморозь. Скоро ее не стало.

...На стене нашего московского дома висят три мемориальных доски. Здесь жили три ярчайшие звезды русского театра и кино: Анастасия Платоновна Зубова, Фаина Георгиевна Раневская, Елена Алексеевна Фадеева... □

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРА

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-МАШИНИСТ

Вдали от широких шляхов, от насыпанных когда-то древними кочевниками курганов раскинулось село с незамысловатым названием Дьяковка. Здесь в 1917 году и родилась в семье простого хлебороба Мирона Чухнюка девочка. Нарекли ее Еленой. В Дьяковке была лишь четырехлетняя школа, а чтобы получить неполное среднее образование, при-

ходилось ходить в школу в соседнее село за несколько километров. После Гражданской войны жизнь в селе была ключом. Создавались колхозы, появились первые трактора.

Елена к тому времени окончила семилетнюю школу и задумалась о будущей жизни. Женщины осваивали небо, оседлали «железного коня» — трактор. Однажды девушке

попалась газета, в которой было помещено объявление, что девушки приглашаются на курсы помощников машиниста паровоза, и она решила поступить на эти курсы. Окончила она их на отлично, получила диплом, но... женщина на паровозе — это был нонсенс, тем более, такая молодая. Убеленные сединами машинисты считали, что «баба на локомотиве — к беде». Уж они-то знали, насколько тяжела работа у помощника машиниста. А тут — какая-то пигалица! Совсем девчонка, а ей уголь в топку бросать, да орудовать большой совковой лопатой несколько часов. А топка паровоза — словно ненасытный сатана, только успевай уголек подбрасывать.

Начинала Елена Мионовна свою «карьеру» на маневренном паровозе. Уставала ужасно. Только одна мысль сверлила: скорее бы помыться и спать, спать. Опытные машинисты посмеивались: «Маневренный — это что, ты на пассажирском попробуй, милая!» И она попробовала: вскоре «пересела» на пассажирский локомотив. Каждый день — новые впечатления. Мелькают полустанки, столбы, машут с полей проносящемуся составу колхозники, на перронах встречающие с букетами цветов...

Но поработать помощником машиниста Елене пришлось не долго, скоро ее отправили на очередные курсы — на этот раз уже машинистов. И вот наступил «звездный час» — ей доверили самостоятельно вести поезд. Поначалу было

страшновато, но она быстро справилась со своим страхом, и... пошли друг за другом тяжелые грузовые составы, ведомые ею. Так продолжалось до июня 1941 года, пока не началась война. И здесь она оказалась, можно сказать, в первых рядах с самого первого дня войны. Ей было приказано вести состав до станции Елец. Добирались очень долго и медленно. Фашистские стервятники неоднократно обрушивали свой смертоносный груз на беззащитный состав, но все-таки удалось благополучно добраться до места. В Ельце всех людей рассортировали по новым бригадам, а вот бригаду Елены Мионовны расформировывать не стали, оставили в полном составе. Но здесь она задержалась не надолго, получив новое задание о доставке сплотки паровозов в Среднюю Азию. И вовремя, так как враг вскоре ворвался в Елец. Правда, хозяйничал он там недолго. 9 декабря 1941 года фашистские вояки с позором бежали из города. А бригада Чухнюк, выполнив задание, вернулась в полуразрушенный город после его освобождения.

Шло лето 1942 года. Враг вышел на подступы к Сталинграду. Железнодорожники не знали отдыха. Была сформирована паровозная колонна № 4 Особого резерва, в которую вошла и бригада Чухнюк. Всего тридцать паровозов, и у каждого две бригады. В придачу так называемая «вертушка» — своего рода маленький домик на колесах. О родном

доме на время пришлось забыть, так как теперь их домом стала «вертушка». Здесь они отдыхали, питались, работали. Все время в дороге, и только на колесах. Они сменяли друга и вели тяжелые составы с живой силой и техникой прямо к линии фронта.

Елена Мироновна была бригадиром паровоза Эм 723-88, и было старшему машинисту Чухнюк только 25 лет. На ее хрупких плечах лежала огромная ответственность — как-никак, в подчинении целых две бригады! Навсегда в ее памяти останется жаркий августовский день 1942 года. Прибыли на небольшую станцию «Петров Вал». Было приказано ждать. А в вагонах бойцы, тех-

ника, боеприпасы. Сама станция забита составами до отказа. Рядом санитарные поезда, откуда слышались громкие стоны. Но долго «загорать» фашисты не дали. Вскоре послышался прерывистый гул моторов немецких стервятников. А ее состав насчитывал тридцать восемь вагонов, и в них — авиационные бомбы. Трудно себе представить, какие могли быть последствия. И Елена решила увести состав со станции. Набирая скорость, двинулись к горловине станции. Гитлеровцы заметили состав, и три самолета с черной свастикой ринулись вслед за ним. «Юнкерсы», почувствовав легкую добычу, решили разбомбить состав. Первый само-

лет пошел в пике, но Чухнюк сумела притормозить. Впереди послышались разрывы — это самолеты бомбили ушедшие порожние вагоны. Так ничего и не добившись, немцы улетели несолоно хлебавши.

Ей потом еще не раз приходилось попадать под такие бомбежки. А однажды на все той же станции «Петров Вал» со стороны Камышина появилась группа самолетов. Никто не ждал с этой стороны врага — там были свои. Но враг оказался коварен. Люди даже не успели спрятаться, когда «юнкерсы» начали пикировать, бросая бомбы и рас-

стреливая все живое из пушек и из пулеметов. Им удалось поджечь один из составов. Отбомбившись, враг улетел. Оказалось, что и их «вертушка» была подожжена и сгорела. А там продукты, инструменты, личные вещи. Было очень жалко, но главное, что сами уцелели в этом кромешном аду. Решили ночевать в степи. Чухнюк облюбовала небольшой окопчик и прикорнула здесь до утра. А утром, проснувшись, увидела такое, что волосы дыбом встали — оказывается, она примостилась рядом с неразорвавшейся авиационной бомбой.

Их колонну вскоре отвели в тыл, обратно в Елец. Через какое-то время поступил приказ о подготовке машин к зиме. Они даже не подозревали, что их перебрасывают за Полярный круг, куда надо было возить воркутинский уголь.

Здесь не было ни налетов самолетов с черной свастикой, ни бомбежек, ни стонов раненых, ни разбомбленных и исковерканных путей. Зато были страшные морозы, которые перехватывали смазку, и состав становился непослушным. В придачу сильная пурга, от которой тяжело укрыться в паровозной будке.

Вот здесь и родилось «стахановское движение». Вместо привычных трех суток от станции «Кожва» до станции «Княж-Погост» бригада Чухнюк затратила всего лишь...тринадцать часов.

Вскоре бригаду Елены перебросили вновь в Елец. Бои развернулись на Курской дуге. Прошли те времена, когда фашисты господствовали в воздухе. В небе часто можно было видеть краснозвездные истребители, сопровождающие тяжелые составы, идущие к линии фронта. Да и на многих платформах были установлены зенитные орудия, которые могли в любое время дать отпор воздушным стервятникам. Бывало, что попадали и в «переплет». Уже к линии фронта им семь раз пришлось выдержать налеты фашистов. А груз был таким важным — надо было срочно доставить танки «Т-34». И

доставили. Прямо на разъезде в нескольких километрах от поля сражения, в чистом поле по приставленным к платформам аппаратам быстро сгрузили танки, которые сразу же ринулись в бой....

В один сумрачный и дождливый осенний день Елену срочно потребовали к телефону. Начальник колонны Ломовцев сообщил радостную новость: ей и Константину Мышастому Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда. Чухнюк была одна из трех железнодорожников, которым присвоили это высокое звание.

После войны Елена Мироновна окончила железнодорожный институт и долгое время работала в локомотивном главке МПС. А уже пенсионерку, ее часто можно было встретить на заседаниях Центрального совета ветеранов железнодорожного транспорта. Она часто встречалась с молодежью, посетила немало зарубежных стран. А 9 мая 1999 года ей доверили привести на Поклонную гору спецпоезд с ветеранами Великой Отечественной войны. Она точно так же волновалась, как и в свои неполные 23 года, когда сама вела огромный грузовой состав. На этот раз ей было 82 года, но она, уверенная в себе, сумела и на этот раз справиться с порученным заданием. Ведь в вагонах ехали Победители! □

Этот молодой талантливый артист носит фамилию, которая известна всей стране. Что обязывает! И Стас Пьеха, несмотря на непростую судьбу, безусловно, достойный продолжатель творческой династии. Кстати — совсем скоро юбилей его знаменитой бабушки — Эдите Станиславовне исполнится 85 лет. С вопроса о том, как будет отмечаться такая важная дата, мы и начали наш разговор...

Стас Пьеха

«Я — не звездный мальчик, просто родился в известной семье — и все»

Фото из личного архива

— Я не думаю, что Эдита будет давать концерт. Хотел бы ошибиться, но почти в этом уверен. Бабушка много лет живет в своем загородном доме, можно сказать, в лесу, рядом с домом — сад, в котором большое количество хвойных деревьев и цветов, а в день ее рождения там всегда много роз. Юбилей будет отмечаться, скорее всего, так: мы, все близкие, родственники, соберемся и поедем к ней, посидим у накрытого

стола в садовой беседке, которую мы, кстати, тоже подарили бабушке на один из дней рождений, сделаем шашлыки... Одним словом, проведем этот день вместе.

— Наверняка вы возьмете на этот праздник и сына Петю?

— Он живет со своей мамой, моей бывшей женой (Наталия Горчакова, модель — Прим.) в Пушкине, рядом с Питером, поэтому, возможно,

и будет на юбилее прабабушки. К сожалению, мы с ним общаемся не так часто, как хотелось бы. Сейчас ему восемь, и он такой ураган — энергичный, живой, творческий парень. В общем, как и положено мальчишке в этом возрасте. Чтобы направить Петину энергию в нужное русло, я нашел для него отличного тренера по джиу-джитсу. Надеюсь, скоро сын начнет заниматься. Я сам большой поклонник разных единоборств, и хочу, чтобы Петя тоже увлекся этими видами спорта. А джиу-джитсу, мне кажется, тот вид борьбы, который наилучшим образом подходит для того, чтобы и физически развить ребенка, и дух его укрепить. Считаю, сейчас это для него самое важное.

— Это он в вас такой — ураган?

— Ну... и да, и нет. Может, он частично что-то от меня взял и частично — от Натальи, от мамы. Я все-таки немного другой был. Мечтательный, творческий, выдумывал разные небывалые истории. Но при этом, вспоминаю, был и тоскующим, не знающим, куда себя применить. Знаете, я сейчас понимаю, что в детстве (не в возрасте Пети, а когда

был чуть постарше) меня привлекало все, что возбуждало, вызывало сильную эмоцию. Я рос таким — охотником за адреналином. Именно потому, что был неприкаянный. Поэтому мы с приятелями, такими же охотниками за острыми впечатлениями, постоянно какие-то чердаки вскрывали, лазали по подвалам, устраивали сквоты ... В общем, были обитателями мест, не слишком пригодных для пребывания там человека. Немного хулиганили, конечно, и разборки устраивали, и драки.

— Вот тебе и звездный мальчик!

— Ну, какой я звездный мальчик? Просто родился в известной семье — и все. А рос абсолютно предоставленный сам себе, на 95 процентов, скажем так.

— Понятно. Потому что бабушка и мама — обе артистки, у них постоянно — то гастроли,

то съемки, то репетиции. А родной отец как-то участвовал в вашем воспитании? Вы с ним сейчас общаетесь?

— Я маму (Илона Броневицкая, эстрадная певица, теле- и радиоведущая — *Прим.*), и бабушку ни в чем не обвиняю, понимаю — сам теперь принадлежу к людям этой профессии. А отец (Пятрас Герулис, музыкант. — *Прим.*), может, как-то и пытался участвовать. Я этого не знаю. Родители развелись, когда мне был, кажется, год. Он литовец и уехал в Литву. И сейчас там живет. Я к нему даже один раз ездил в подростковом возрасте. Недельку где-то пообщались. Но ведь не тот отец, который тебя, так сказать, зачал, а тот, который с тобой время проводил. Воспитывал меня, конечно, в большей степени отчим Юра, папа моей младшей сестры. Я долгое время считал его своим родным, пока «добрые» люди не раскрыли правду. Но от этого ничего не изменилось. Сложно чувствовать что-то родственное к человеку, которого с тобой рядом никогда не было, который тебя не растил, не вкладывал в тебя то, что должен вкладывать отец в сына. И поэтому — все так, как есть. Но я к нему хорошо отношусь. Вот сейчас возникла проблема

с денежными переводами. А я ежемесячно отцу перевод какой-то отправлял, а сейчас не понимаю, как это делать — другая страна, да еще не дружественная. И я не уверен, что мои деньги до него доходят. Надо найти способ, чтобы разобраться с этим вопросом. Мы этим вместе с мамой озадачились. Сейчас она отца ищет через родственников, потому что он на связь не выходит.

В общем, тревожимся, хотим быть уверенными, что у него все нормально.

— Когда мальчику выпадает расти без отца, он часто выбирает в образцы для подражания или просто в кумиры какого-нибудь книжного или киношного героя. Был у вас такой в детстве?

— Тогда мне очень нравился Игорь Тальков. Мне казалось — он такой... защитник, смелый, со своим мнением, выступающий против несправедливости, такой бородатый, в рубахе... Да, к тому же, классно поет. Тексты его песен и музыка мне очень нравились. Я действительно чувствовал в нем какую-то... отцовскую теплую энергию. Возможно, реальный Тальков был далек от созданного мной образа, но для меня он тогда был олицетворением настоящего мужика. Он — мой первый герой. Думаю, не очень плохой вариант для подростка.

— Скоро на НТВ закончится шоу «Ты — супер! 60+», в котором вы — один из членов жюри. Многие признаются, что едва сдерживают слезы, когда смотрят эту программу, потому что в ней (говорю об участниках), что ни судьба — то трагическая жизненная история...

— Там на самом деле много трогательных моментов. Невероятная история была про женщину из моего

родного города — Александру Крайслер, которую бросили все родственники. Она красивая, интеллигентная — настоящая петербурженка. Как-то не умещалось в моей голове: почему ее оставили?! Конечно, невозможно знать всего. Мы, сидящие в жюри, получаем от редакторов программы только небольшую информацию об участниках. Конечно, когда слышишь такое, переживаешь за человека и хочешь ему как-то помочь... Но, знаете, поскольку я долго веду борьбу с наркозависимостью, с дисфункциональным мышлением и прочими негативными вещами, меня сложно потрясти какими-то судьбами. Я встречал людей, переживших такое, что, если об этом написать книгу, будет взрыв мозга. Поэтому я не плакал на шоу — просто сопереживал. Более того, я уверен: самое важное для этих людей — не то, чтобы их личные драмы кого-то растрогали до слез, а само выступление на телевидении и добрые слова от членов жюри в их адрес.

— Вы всегда открыто говорите о своих проблемах — о том, что боролись с алкогольной зависимостью, продолжаете борьбу с наркозависимостью. А еще семь лет назад открыли свою клинику для лечения людей с такими же проблемами. Дело непростое и ответственное! Не было момента, когда жалели, что взялись за него?

— Жалел. Были времена, когда мы уходили в какие-то дикие минусы. Однажды пришлось продать квартиру сестры, с которой мы это дело и развивали (Эрика Быстрова — сейчас работает директором артиста. — *Прим.*), — это когда я уже все деньги потратил, но мы все равно не выруливали. Я тогда думал: что я за дурак — столько денег потратил, мог бы какой-то нормальный адекватный бизнес выбрать и зарабатывать, а теперь столько сил и средств потрачено — и впустую! Но в какой-то момент сам себя убедил, что надо попробовать еще раз. В следующий такой же момент сестра сказала — давай еще попробуем. И каким-то

чудом мы клинику не забросили. Самые острые проблемы ушли, когда все наши партнеры нас покинули, мы остались одни, и это стало семейным бизнесом — сестра, муж сестры, подруга мамы, мама косвенно... Я ее тоже полностью подключу, когда будем расширяться, во что искренне верю. В общем, я на этом учился, проходя, можно сказать, все круги ада. Это же был у меня первый такой серьезный опыт. До этого — какое-то кафе на троих, что нельзя назвать бизнесом. А тут — целая клиника, да еще такая серьезная проблема — наркомания. Не стоматология, не косметология... И вдруг стало получаться! Каким-то чудом.

— А как с кризисом среднего возраста? Он есть, был или обошел вас стороной?

— У меня серьезные проблемы с настроением, и, думаю, они не связаны с чем-то внешним, скорее, с внутренним. Может, это тот самый кризис, о котором вы говорите, но сомневаюсь — вряд ли его переживают так остро. Скорее, это постковидный синдром (я переболел недавно) плюс аллергия на цветение. Какое у меня настроение? Ну, вот не хочется ничего глобально планировать, к чему-то там стремиться. Впрочем, я давно заметил: живешь без ожиданий, делаешь то, чего требуют обстоятельства, отдыхаешь, потом делаешь следующее подоспев-

шее дело — и вот тогда, когда двигаешься пошагово, что-то складывается, что-то начинает получаться.

— Вы также были в жюри детского вокального конкурса на НТВ «Ты — супер!» Как считаете, участие в таких шоу не опасно для неокрепшей детской души? Вы бы хотели, чтобы в такой роли оказался ваш сын?

— Не хотел бы. Но знаете, почему? Потому что это сын Стаса Пьехи, и все бы говорили — «ага, просунул сыночка!» Я бы не хотел, чтобы его буллили... появилось такое модное словечко... то есть, чтобы его травили. И Петя — он не вот тебе какой-то очень музыкальный, поэтому — не нужно. Но есть другой случай. Если ребенок явно талантливый, и это действительно ну прямо его, его — то почему нет? Почему ему не пойти на шоу и не показать себя всей стране? Где ему еще реализовываться? Такого не ис-

ключаю. А вот если сцена, пение — не то, чем ребенок живет и дышит, а взрослые, тем не менее, стремятся сделать из него звезду, тогда да, это может стать для него тяжелым испытанием и даже сломать жизнь.

— Знаю, что вы пишете стихи, готовите к выходу уже третий сборник. И что в детстве, чтобы привлечь внимание мамы и отца, вы вечером на кухне читали им что-то из свеженаписанного...

— Не совсем так. Внимание к себе я привлекал другими способами — разными шалостями. А стихи читал — чтобы похвалили, чтобы получить одобрение. И получал! Реакция была такая: надо же, умом парень вроде бы не блещет, откуда тогда у него в голове все это?!

— Ваши первые стихотворные опыты сохранились?

— Что-то у матери есть. Перепи-санное от руки. И что-то было у нашей домоуправляющей Нины Вячеславовны. Она умерла буквально несколько дней назад. Надо бы, конечно, те мои первые вирши найти...

— Вообще, люди, пишущие стихи, редко бывают успешны в бизнесе. Вы — исключение. Кстати, Стас Пьеха в поэзии больше лирик или философ? И как часто вас посещает вдохновение?

— Пожалуй, больше философ. Пишу я, конечно, не каждый день.

Последнее стихотворение, по-моему, февральское. Весной ни одного не написал. Не люблю весну.

— Прямо как Александр Сергеевич, у которого есть такие строки: «Я не люблю весны, / Скучна мне оттепель, вонь, грязь — весной я болен...»

— Весной я тоже болен — и аллергия у меня, и настроение, как я уже сказал, меняется не в лучшую сторону. Вообще, знаю, что люди с диагнозом весной на профилактику ложатся. И у меня тоже обострение, но не до такой степени. Весну не люблю, короче. Весной стихи не очень пишутся. А вот в феврале я писал про зиму. В этом стихотворении есть строчка: «Зима готовит нас к старости».

— Вас тревожит утекающее время?

— Да нет. Просто получилась такая метафора. Хотите, прочитаю отрывок?

*«Где-то в поле метель бескрайняя
заметает мои следы.
Стонут петли в ночи сарайные,
и немало еще воды
перемерзнет и снегом свалится
на декабрьскую столицу.
И все то, что нам в жизни нравится,
нам теперь будет только сниться.
Эти сны с каждым днем реальнее,
так легки и метафоричны.
Там, где улицы спят центральные,
в поздних числах весны столичной.*

*И повсюду цветенье россыпью,
и красавицы в легких платьях.
И неважно уже, что взрослыми
мы проснемся в холодной хате.
Будет чайник хрипеть безрадостно,
и замерзнут в снегах моторы.
Ведь зима нас готовит к старости,
заплетая свои узоры...»*

**— Красиво. А природа для вас, поэт, —
вдохновляющий фактор?**

— Мне всегда неловко слышать в свой адрес — «поэт». Я просто человек, пишущий стихи, остальное покажет время. А природу — да, люблю. Особенно горы. И, представляете, обнаружил я это совсем недавно. В 41 год. У меня проходили концерты в Крыму. Выдался редкий выходной день, и я попросил друга отвезти меня и моих музыкантов в горы. Там я ходил-бродил в одиночестве, и такая тишина воцарилась в

моей голове! Отключилась вся моя тревожная «думалка». Вот поэтому для меня горы — главное. Еще реки очень нравятся. Море нравится... Но его достаточно много было в моей жизни. Хотя и горы были: в детстве я много времени проводил в Карпатах. Помню, мы приезжали с родителями в Черновцы и оттуда — в горы. Может, еще и оттуда у меня к ним особенное чувство.

**— Планируете в
ближайшее время по-
ездку в горы?**

Планирую — на Кавказ. Хочу проехать через чеченские и дагестанские горы. Ах, какой Сулакский каньон в Дагестане! Помню, приехал туда, сел у обрыва и думаю: больше никуда отсюда не уйду! Мне сопровождающие говорят: «Стас, у тебя концерт через два часа! Пора ехать!» Я: «Давайте отменим концерт, я остаюсь здесь навсегда!»

Беседовала
Марина Бойкова

Стас Пьеха

ГАСТРОЛЬНЫЙ МАНИФЕСТ

Я, кажется, жизнью спокойной живу,
И нету в ней места потерям.
Конструкция твердо стоит на плаву,
И словно открыты все двери...
Застряли печали в нейронных сетях,
И память легко вытесняет
Ненужные лица, и выцветший страх
Меня острием не пронзает!
Не спят обнаженные рядом со мной
Фантомы ушедших любовей,
И сердце ритмично, и даже зимой
Не ищет удобных условий.
Я, кажется, понял, судьбе вопреки,
Что всякая жизнь иллюзорна,
И что не позорно хандрить от тоски,
И праздновать жизнь не позорно!
И вся бюрократия новых миров,
И миф о карающем Боге
На мне не сомкнут заржавелых оков,
Покуда я верен дороге!
Я, кажется, к сырости местной
привык,
Все реже покорен порывам,
В безумии не оставляю улик,
В болезни не склонен к нарывам.
И ласковый взгляд не пытаюсь
забыть,
И без сожаленья скучаю —
Я вроде себя начинаю любить
Ну, или все чаще прощаю!

Я хотел бы вернуться домой,
Где предметы имеют привычную
форму,
В геометрии комнат покой,
Возвращающий чувства в искомую
норму!
Где на полках рассказы и солнечный
блик
Неподвластны изменчивой моде,
Где нетленно все то, к чему с детства
привык,
Заключенное в пыльном комодке.
Где свобода рождалась вне всяких
идей,
И любовь, вопреки всем невзгодам,
Собирала на кухне любимых людей
Даже в самые трудные годы.
Там, где Бог, не закованный в рамки
икон,
И душа не в контакте с телесным
недугом
Ликовали, где ночь босиком
Еле слышно касалась кровати
упругой.
Я хотел бы вернуться домой,
Там, где музыка в сердце, и мать
у плиты,
Только дом мой снесли и сравняли
с землей,
Где отныне покоятся детства мечты... □

Дмитрий Зелов

«Все в прошлом»

«Все в прошлом»

Так называется написанная в 1889 году известная картина русского художника-передвижника Василия Максимова (1844–1911). Хранится она в Третьяковской галерее и любой желающий может ее увидеть. Сюжет полотна вроде бы прост и

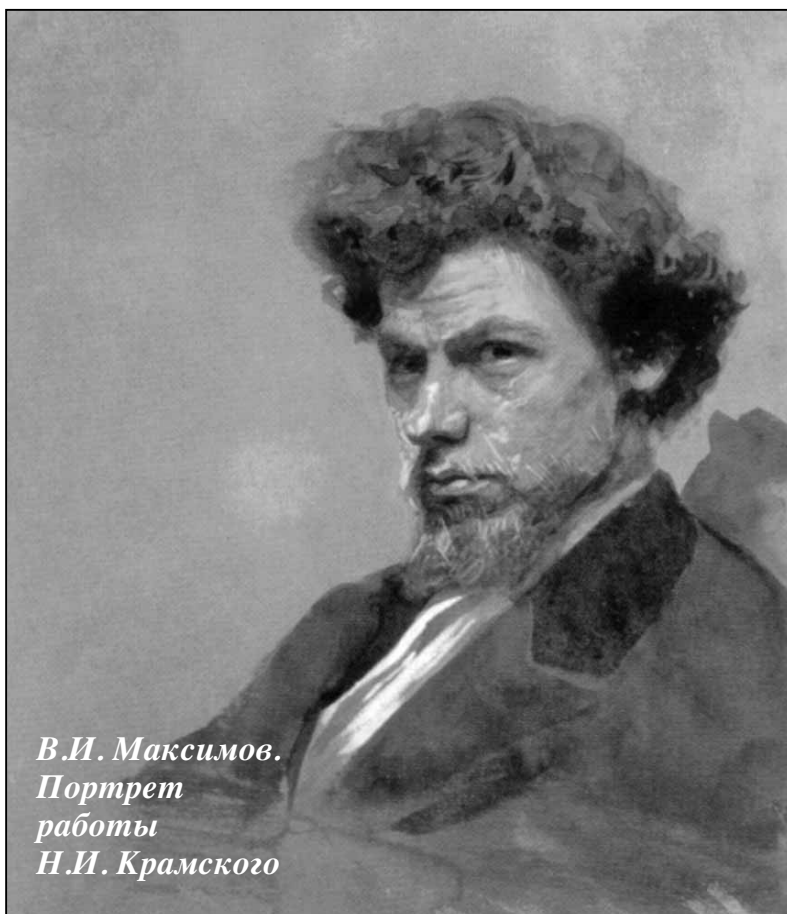
незатейлив: старая хозяйка усадьбы в уютном кресле, прикрыв глаза, дремлет в полуденный зной под раскидистым и тенистым кустом сирени. Рядом с нею на крылечке деревенского дома что-то вяжет такая же старая и одинокая, ее верная

экономка-крестьянка. Обветшавшая, наполовину грубо заколоченная крест-накрест досками барская усадьба находится чуть поодаль, на заднем плане картины. От полотна веет ностальгией, этакой тургеневско-чеховской пронзительной грустью об опустевших дворянских гнездах и обреченном вишневом саде. Жить воспоминаниями о прошлом — вот что осталось, по сути, этим двум женщинам. Эту картину Максимов повторил затем в многочисленных, числом в несколько десятков, копиях.

Однако немногие знают, что в образе хозяйки имения художник изобразил свою тещу, генеральшу Надежду Константиновну Измайлову, владелицу усадьбы Любша, находившуюся в окрестностях древнерусской крепости Старой Ладogi на реке Волхов.

Как установили на рубеже XX и XXI веков археологи, неподалеку от самого барского дома, от которого ныне не осталось и следа, давным-давно существовала ка-

менно-земляная крепость Любша, которая, вполне вероятно, и была самой первой крепостью на территории Древней Руси. А это значит, что крепость Любша много старше основанной еще в 862 году Старой Ладogi. По одной из гипотез, причиной исчезновения Любши на рубеже IX–X веков стал природный фактор: уровень воды в Ладожском озере упал, вследствие чего понизился и уровень Волхова. Речка Любша, при впадении которой в Волхов и находилась самая старая на Руси крепость,

*В.И. Максимов.
Портрет
работы
Н.И. Крамского*

обмелела, и удобная гавань для судов у нее исчезла.

Интересный факт: на противоположном от Любши берегу, там, где Волхов делает крутой изгиб, находится могила воспетого Александром Сергеевичем Пушкиным вещего Олега. Того самого, который принял смерть от вы-

*«Семейный
раздел»*

Справа:
*«Будущий
художник»*

ползшей из черепа его любимого коня змеи. Но вернемся к художнику Максимову и его семье.

И тут начинается самое интересное. Мастер кисти и красок писал свое самое знаменитое полотно в 1888–1889 годах именно в усадьбе Любша, которая несколькими годами ранее перешла по наследству к его жене Лидии Александровне. Впрочем, художнику, имевшему большие виды на усадьбу, счастья она не принесла: Максимов многократно ее перестраивал-переделывал, пока не разорился. Сад усадьбы послужил пейзажем для картины, а вещи, обстановка, даже костюмы тоже были взяты в старом господском доме. Для образа барыни художнику позировала состарившаяся невестка Варвара. А вот свою тещу, Надежду Константиновну Измайлову, Васи-

лий Максимов в письмах к любимой жене называл не иначе как... «любской дурой». Конечно, в жизни отношения зять-теща редко бывают теплыми, но все же...

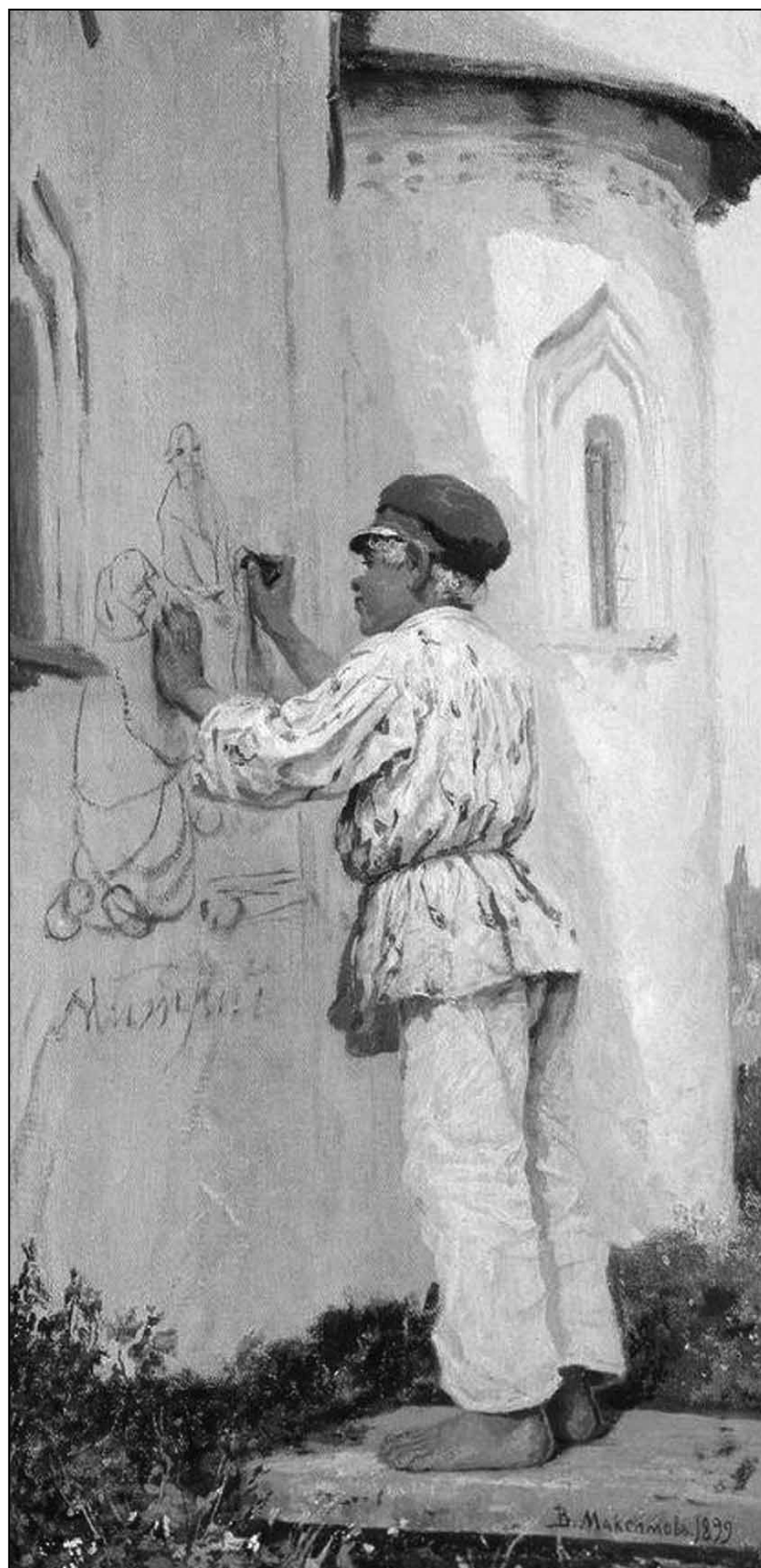
Сам художник был местный, волховский, родился в обычной крестьянской семье в деревне Лопино, что на правом берегу реки. Его и крестили совсем рядом, в соседнем старинном селе Чернавино, в каменной церкви Василия Кесарийского, кстати, в честь этого святого будущий художник и получил свое имя. Собственно, и село долгое время называлось Васильево, по церкви. Здесь же, напротив Старой Ладоги, располагившейся на другом берегу Волхова, на погосте чернавинской церкви он и нашел свой последний приют.

С владелицей усадьбы Любша и ее дочерью Лидией, ставшей впо-

следствии женой и музой Максимова (с нее он написал впоследствии образы многих своих героинь), молодой, но уже известный художник познакомился случайно. Хотя, видимо, нет ничего случайного на этом свете, и нам просто неведомы нити ведущего нас фатума по реке бытия...

В судьбе Максимова было множество взлетов и падений: он родился еще в крепостной России, а благодаря своему таланту, помноженному на невероятное упорство, целеустремленность и терпение, сумел выбиться в люди, переехал в столицу Российской империи, стал известным и востребованным художником, женился на дочери владелицы соседней усадьбы. Мог ли даже помыслить себе об этом бедный крестьянский мальчик Вася, в десять лет оставшийся круглым сиротой и, подобно Ломоносову, прибывший в столицу вместе с санным обозом учиться живописи?!

Василий Максимов, вышедший из народа, особенно остро чувство-

вал его нужды и чаяния. Собственно говоря, и славу живописца он приобрел реалистично, без прикрас изображая быт столь близкой ему крестьянской Руси. Этому направлению

в своем творчестве Максимов оставался верен на протяжении всей своей жизни. Художник, в живописи которого органично слились, казалось бы, несовместимые и не сочетаемые тонкий лиризм и острый гражданский пафос, стремился отразить, запечатлеть на холсте воплощение лучших качеств русского народа, показать жизнь и быт крестьян изнутри.

Осенью 1866 года Максимов получил аттестат со званием художника 3-й степени и чин 14-го класса и решил поселиться в родной деревне. Он оставил столицу, Императорскую академию художеств, отказался от престижной поездки

за границу, вернулся в отчие края и поселился в родной деревне. Он жил в избе, носил простую деревенскую рубаху и штаны, а брат-портной сшил ему дубленый полушубок с вышивкой. Крестьяне тепло приняли Максимова, ведь он всегда был для них своим. Более того, авторитет художника был так велик, что крестьяне шли к нему за советом, его приглашали на семейные разделы. (Именно так — «Семейный раздел» — будет называться одна из его картин, а ему самому придется в будущем выступать в очень нелегкой роли — делить родовой дом в Лопине, где жила большая семья его старшего

Слева:

«Бабушкины сказки»

*«Приход колдуна
на деревенскую свадьбу»*

брата.) Можно сказать, что жизнь в деревне и написание крестьянских картин — настоящее подвижничество глубоко убежденного и невероятно сильного духом человека.

В ноябре все того же 1866 года в окрестностях родной деревни молодой художник Василий Максимов искал дом, который смог бы приспособить под свою мастерскую. Расспрашивая соседей, он заглянул в гости к жившим безвыездно в Любше генеральше Надежде Константиновне и ее дочери Лидии. Состоялось знакомство, и молодой художник зачастил в гости. Он слушал рассказы старой хозяй-

ки о ее прежней жизни в калужской усадьбе на берегу Оки, которой владел дед Лидии, прокурор Константин Васильевич Михайлов. Эти вечерние долгие беседы и составили канву впечатлений для написания впоследствии картины «Все в прошлом».

Впрочем, старой барыне ухажер ее дочери ожидаемо не понравился — для нее он навсегда был и остался человеком из другого мира, мужиком-крестьянином. И неважно, что Максимов был уже востребованным и подающим большие надежды столичным художником. Она категорически не приняла брак своей дочери с ним, отказала молодым

*Церковь
Василия
Кесарийского
в наши дни*

Справа:
*«Опять
на родине»*

от своего дома, стала чудить, завела «бешеных» собак, никого к себе не пускала. Именно с той поры и стал Максимов в письмах к жене называть свою тещу «любской дурой».

Биографичная и другая, ныне известная лишь по офорту картина Максимова «Больное дитя» (1864), за которую художник, учась еще в Академии, получил золотую медаль. Летом 1863 года, находясь в родной деревне, он стал свидетелем скоростижной смерти своей племянницы. Смерть девочки настолько потрясла Василия, что он решил изобразить это трагическое событие на полотне. Лица убитых горем отца и матери Максимов списал со своего брата и его жены. А чтобы придать образу большую достоверность, изго-

товил из соломы и пакли куклу — вышло настолько реалистично, что проходившие мимо крестьяне пугались и, крестясь, на всякий случай здоровались с ней.

Первый большой успех художнику принесла картина «Бабушкины сказки», представленная в 1868 году в Обществе поощрения художников. Стремясь к максимальной бытовой достоверности, Максимов все писал с натуры — убранство избы, людей. Ему даже позировали его брат Алексей, невестка Варвара, племянники и другие деревенские ребяташки, да и рассказчицу сказок древнюю старушку Юдишну он тоже нашел в родной деревне. Картина навеяна воспоминаниями далекого детства — как мать художника, простая, но един-

ственная в деревне грамотная крестьянка рассказывала своим соседям сказки. За «Бабушкины сказки» Максимов получил солидную премию, а саму картину приобрел для своей галереи Павел Третьяков.

Невероятно, но самому Третьякову эта картина не понравилась, и когда спустя три года Максимов попросил у Павла Михайловича ее для выставки, Третьяков отправил ее Василию Максимовичу с запиской следующего содержания: «Я бы советовал и просил Вас исправить руки у женской фигуры с ребенком, которые весьма неправильны: левая, которая держит ребенка, вся ужасно длинна, а правая в верхней части длинна, а в нижней коротка, мне кажется, что можно исправить, и время до открытия выставки еще много». И хотя Максимов к совету Третьякова не при-

слушался и исправлять ничего не стал, между ними установились дружеские отношения: Третьяков потом не раз еще приобретал картины Максимова и помогал ему материально.

Картины Василия Максимова, как и полотна многих именитых живописцев, разбросаны по самым разным картинным галереям и музеям — в Третьяковке же находится целый ряд его полотен, среди которых такие шедевры, как «Приход колдуна на деревенскую свадьбу», «Больной муж», «Семейный раздел». Здесь же находится и написанная в 1877 году Василием Максимовых картина «Сад при доме Третьяковых» — свое-

образный реверанс в живописи собирателю картин от художника.

«Будущий художник» — так называется написанная на исходе позапрошлого столетия Василием Максимовым картина, находящаяся ныне в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь. Босоногий деревенский мальчишка рисует углем на стене белоснежной старинной церкви. В этом образе, несомненно, угадывается сам художник и церковь Василия Кесарийского, где его крестили.

Еще одна, непосредственно связанная с родными краями, картина — «Опять на родине». На ней Максимов изобразил самого себя перед могилами предков на погосте родной ему Васильевской церкви в Чернавино. Проникновенной грусти настроения художника вторят и неяркий северный день, и мягко тающие в воздухе образы русских березок, и общая приглушенность светлой палитры картины.

Но...ничто не вечно в этом мире. А мода на живопись капризна и переменчива тем более. На рубеже XIX и XX веков спрос на полотна передвижников резко упал — в фаворе стало искусство модерна, во всех немыслимых формах и всевозможных расцветках. И передвижники с их злободневным реализмом, доведенными в сюжетной канве практически до трагизма сюжетами, вдруг как-то сразу оказались не у дел, поэтому последние годы жизни художника оказались полны горьких лишений:

нужда и болезни преждевременно свели Максимова в могилу.

Когда его не стало (а умер он в Петербурге), стоял промозглый ноябрь. Хоронили Максимова, согласно его завещанию, на родине, и хотя снега было уже много, но сани с гробом нужно было переправить на другой берег реки, а волховский лед был еще совсем тонкий и мог не выдержать лошадей. Тогда крестьяне, очень любившие своего ставшим известным и именитым, но оставшимся по-человечески простым и добрым земляком, переложили гроб на легкие дровни, сами впряглись в них и очень осторожно, постоянно ощупывая тонкий лед палками, пошли через широкую реку. А потом на руках несли гроб до Васильевского погоста, где их земляк и был похоронен. Невероятно, но по воспоминаниям дочери Максимова Ариадны могила ее отца оказалась на том самом месте, где когда-то он изобразил самого себя на картинах «Будущий художник» и «Приезд на родину» — у стены Благовещенского придела храма святого Василия Кесарийского.

Некролог художнику был написан Репиным. Илья Ефимович сказал емко и верно — в изображении быта крестьянской деревни не было никого, кто бы сравнился с Максимовым. Созданные художником образы отличает трепетная, берущая за живое, взволнованная душевность, глубокая человеческая сердечность глядит на нас, его далеких потомков, в лучших картинах мастера. □

Фото из личного архива автора

ИСКУССТВО ВЕРБОВКИ

В Службе внешней разведки России Арнольд Генрихович Дейч (1904–1942) до сих пор считается одним из лучших мастеров вербовки.

Только в Лондоне, куда нелегала перебросили в феврале 1934-го, он лично завербовал больше 20 человек. Пожалуй, именно Дейч первым из всех советских вербовщиков понял: привлекать к сотрудничеству надо не только уже занявших высокие посты в чужих иерархиях, но и людей молодых, многообещающих. Необходимо работать «на вырост».

Считается, что среди наиболее перспективных, именно он и разглядел всю знаменитую теперь «Кембриджскую пятерку» во главе с великим Кимом Филби. Если бы даже деятельность Дейча ограничилась только этим, ее все равно можно было бы признать эффективной.

Однако вербовал ли советский нелегал, обосновавшийся в Англии под прикрытием аспиранта психологического факультета Лондонского университета, Кима Филби лично? Или он не был так прямолинеен и предпочел ради достижения стопроцентного результата более сложную дорогу? Привлечение к сотрудничеству Филби — событие в истории отечественной внешней разведки действительно эпохальное. Так что попробуем разобраться в нем подробно.

Вместе с Дейчем, который работал в Британии под именем Стефан Ланг и оперативным псевдонимом «Отто», в британскую столицу переехала из нескольких стран, в том числе из родной для него Австрии, маленькая группа помощников. Его помощнику «Джону» не потребовалось много времени на изучение об-

становки. Ведь «Джон» был англичанином. Агент «Эрроу» («Стрела») умела найти общий язык с нужными для советских друзей людьми. Кто были эти люди — до сих пор неизвестно. Но мне кажется, что «Стрелой» могла быть и миссис Харт. Впрочем, доказательств, в отличие от догадок, нет. Разве что умение «Эрроу» быстро фотографировать и работать с фотопленкой. Ведь надежная «Эдит» — Харт, переехавшая в Британию еще до Дейча, стала хорошим профессиональным фотографом, публикуя снимки в популярных английских журналах и даже зарабатывая этим себе на жизнь.

Кто же все-таки эта «Эдит» — женщина, которой было суждено сыграть важную роль в судьбе Кима Филби, да и Арнольда Дейча? Австриячка левых взглядов, вышедшая замуж за англичанина, разделявшего ее воззрения и потом даже отправившегося воевать в Испанию против Франко. Но еще до этого паре стало ясно, что в Австрии с их коммунистическими взглядами делать нечего. Некоторых соратников по партии бросали в тюрьмы, отправляли в лагеря. «Эдит» тоже арестовали, хотя ее принадлежность к компартии не была доказана. Посадили на короткое время, как сочувствующую. И, зарегистрировав брак в консульстве Великобритании, семейная пара переехала в Англию, где муж занялся врачебной практикой, а «Эдит» — поиском талантов. Исключительно важный момент: «Эдит» была знако-

ма со своей соотечественницей и единомышленницей Литци Фридман.

А Филби оказался в Австрии совсем не случайно. В Вену он был послан Международной организацией помощи беженцам. Уже тогда, в начале 1930-х, в Австрии собралось немало коммунистов и левых, бежавших из своих стран и нуждавшихся в благотворительной помощи.

Общее дело объединило Кима и Литци. Отношения крепили, постепенно переходя в личные. Любовь — не любовь, но предстояла женитьба. И хотя еще до нее произошло некое охлаждение, брак все же был зарегистрирован, потому что Филби проявил присущее ему благородство: Литци Фельдман, наполовину еврейке, коммунистке, уже тогда грозили неприятности, из Австрии ей надо было срочно уезжать, и брак с англичанином помог почти беспрепятственно выехать в Лондон.

Но еще до отъезда Литци познакомилась с Харт жениха, ставшего в силу вынужденных причин и мужем. Знала ли невеста Кима, что Харт уже работала в Вене с австрийцем Арнольдом Дейчем, сотрудничавшим с советской разведкой? Да, и предложила Харт обратить внимание на своего будущего мужа.

Обосновавшись в Лондоне, Ким и Литци расстались, но между ними сохранились хорошие отношения. И русская жена Кима, Руфина Ивановна Пухова-Филби, рассказывала мне, что после долгих-долгих лет разлуки и неизвестности Литци вдруг

вернулась в московскую жизнь Кима добрыми, дружескими письмами, на которые он отвечал с удовольствием. Откуда посылались эти письма, доходя до сбежавшего из Бейрута в Москву разведчика, Руфина Ивановна не спрашивала. По ее словам, Литци на несколько лет пережила Кима.

Так что будем считать, что на советскую разведку Кима вывела, пусть и косвенно, его первая жена.

А в Лондоне пришло время действовать уже Харт — она же «Эдит». Трудно сказать, почему ей присвои-

Кембриджа и Лондона, ковавших будущие кадры для государственных служб Британской империи. Конечно, они затрагивали Форин Офис, различные правительственные учреждения, не говоря уже о разведке с ее дешифровальной службой, которая в Англии всегда отличалась высочайшим мастерством. «Эдит» искала и находила людей, уже занимающих определенные «чувствительные» посты, плюс молодежь — на будущее. Все они, в той или иной степени, придерживались популяр-

У каждого из известных нам членов так называемой «Кембриджской пятерки» была своя дорога в советскую разведку. При этом они тщательно изучались, прежде чем предстать пред светлые и умные очи Арнольда Дейча. Окончательное право предложить сотрудничество было за ним. И отказывали ему редко, потому что в своих будущих подопечных он никогда не ошибался

ли такой простенький оперативный псевдоним. А вот задача, поставленная перед «Эдит» в Лондоне, была и очевидна, и сложна. Ей предстоялознакомиться с публикой, которая была бы полезна Советам не только прямо сейчас, но и на перспективу. Такая специальность обозначается в спецслужбах не слишком благозвучным словом «наводчик». Иногда, чтобы отбить некий криминально-уголовный оттенок, это именовалось в разведке «поиском молодых талантов». Сферы интересов Харт начинались с университетов Оксфорда,

ных тогда в среде молодой британской интеллигенции левых и коммунистических взглядов.

Перспективным объектом «Эдит» сочла — и с подачи Литци Фридман — аристократа Кима Филби. Исключительно осторожная, она потратила еще некоторое время на прощупывание Кима и, поняв, что не ошиблась в нем, сообщила Филби, что им интересуется человек, который мог бы сыграть очень серьезную роль в его жизни. Не раздумывая, Ким сказал, что готов на randevу, и «Эдит» представила его Дейчу.

Ким Филби («Сынок»)

Вот описание знакомства Филби с Дейчем. Однажды в июне 1934-го Тюдор Харт несколько часов кружила с Кимом по Лондону, добираясь до Риджент-парка. Понимал ли Филби, что пересадки из такси в метро, а потом на автобус и прогулки по улицам были не чем иным, как стремлением 26-летней, однако уже опытной конспираторши «Эдит» проверить, нет ли за ними слежки?

В Риджент-парке спутница издали показала Филби на человека, сидевшего на скамейке и внимательно читавшего газету. Подвела к нему Кима, которому незнакомец представился как «Отто», а сама «Эдит» исчезла из жизни Филби. В отличие от незнакомца.

Вот что пишет об этом сам Филби: «Много позже я узнал по фотографии в файлах МИ-5, что его звали Арнольд Дейч. Думаю, он был чехом, с голубыми глазами и светлыми вьющимися волосами. Рост — около 5 футов

7 дюймов, довольно плотный. В нем, убежденном коммунисте, чувствовалась и сильная жилка гуманиста. Это был человек с высокими навыками культуры. И он прекрасно знал обо мне очень многое».

Они долго говорили по-немецки, а потом Дейч предложил Киму отказаться от идеи вступления в компартию. По мгновенно созревшему замыслу Дейча, этот яркий — и по происхождению, и по внешности — продукт британского истеблишмента, должен был выполнять роль совсем иную, нежели участие в антиправительственных манифестациях. Ведь преданных делу революции коммунистов в Британии в то время хватало и без Кима. Филби же предстояло стать агентом глубокого проникновения. Не задавая лишних вопросов, что именно «Отто» представляет — Коминтерн или советскую разведку, Ким согласился на его предложение.

В том, что Филби стал Филби, огромная заслуга Дейча. Он быстро разглядел в нем способного ученика. Новичку присвоили псевдоним «Зенхен», в переводе с немецкого «Сынок». Мно-

жество раз беседуя с ним, постепенно вводя в круг широчайших обязанностей, «Отто» заставлял «Зенхена» обращать внимание на обеспечение собственной безопасности, тратя на это немало времени — собственно-го и новичка.

Филби поначалу такое расточительство не понравилось, но Дейч твердо стоял на своем. И убедил-таки Кима в неизбежной необходимости везде и всегда соблюдать строжайшие меры предосторожности. Впоследствии Филби признавал: он настолько проникся мыслями куратора, что «был буквально одержим идеями о безопасности и конспирации. В значительной мере именно поэтому мне удалось выжить».

И сдержанный Дейч тоже не скупился на похвалы Киму. Вот что сообщал он в московский Центр о молодом англичанине, работавшем под оперативным псевдонимом «Сынок»: «Он всегда изучает все основательно, но всегда скажет, что знает мало... Он имеет большие знания по истории, географии, экономике и одновременно любит и разбирается в музыке. Он пользуется большой любовью и уважением за свою серьезность и честность. Он был готов все для нас сделать и на нашей работе проявил всю свою серьезность и старательность. Еще раз повторяю: «Сынок» поразительно развился — очень серьезный человек с большим аппетитом к агентурной работе, и из него в будущем выйдет большой и ценный работник».

У каждого из остальных четверых известных нам членов так называемой «Кембриджской пятерки» была своя дорога в советскую разведку. Но аристократы Гай Берджесс, Дональд Маклин, Энтони Блант и простолудин Джон Кернкросс — сын хозяина продуктовой лавки — тщательно изучались, прежде чем предстать пред светлые и умные очи Арнольда Дейча. Окончательное право предложить сотрудничество было за ним. И отказывали ему редко, потому что в своих будущих подопечных он не ошибался.

Возможно, когда-нибудь станет известно и о другой группе, помогавшей советской разведке в Британии. Ее иногда называют Оксфордской. В одном из донесений Арнольда Дейча встречается пассаж, подтверждающий это предположение: «Все они пришли к нам по окончании университетов в Оксфорде и Кембридже. Это произошло под влиянием широкого революционного движения, которое за последние годы захватило некоторые слои английской интеллигенции и в особенности две крепости английской интеллектуальной жизни — Кембридж и Оксфорд».

Если допустить, что такая ячейка была, то ни одно из имен ее достойных членов, к счастью, не выплыло, так и осталось в неизвестности, никто из оксфордцев не подвергался преследованиям. Значит, провалов у них, в отличие от «Кембридж Файв», никогда не было.

Всплыл лишь единственный оперативный псевдоним возможного агента из Оксфорда — второй «Зенхен», которого вербовщики оценивали по потенциалу никак не ниже «Зенхена» первого, то есть Филби. И всюду — рука, глаз, прозорливость и удачливость Арнольда Дейча.

Портрет Арнольда Генриховича, родившегося в 1904 году в Вене в небогатой еврейской семье учителя, ставшего мелким коммерсантом, украшает один из стендов Кабинета истории внешней разведки в Ясенево.

До чего же типичная у одного из лучших спецов по вербовке биография. В 15 лет поступил в гимназию, вскоре он уже член компартии Австрии. За годы рискованной, беспокойной, опасной работы и постоянных переездов успевает, не совсем понятным образом — как хватило времени? — окончить Венский университет, защитить диплом, стать доктором философии и еще изучать физику и химию. Тылы Дейча были надежно обеспечены. Его избранница Финни (Дженифер) Крамер помогала ему и в жизни, и в разведке. Молодая коммунистка Финни следовала за мужем повсюду. Пара нелегалов из них получилась отличная.

В 1928 году Дейч вместе с австрийской рабочей делегацией побывал в Москве. Можно предположить, что тогда и были официально оформлены отношения с советской разведкой. Было кем заинтересоваться Коминтерну.

Ну а вернувшись в Австрию, он применял полученные в университете знания специалиста в области химии на текстильной фабрике. Одновременно и совсем негласно три года работал в отделе международных связей Коминтерна в Вене. Поездки в качестве связника в самые разные страны — от Румынии с Грецией до Сирии с Палестиной — свидетельствуют о доверии, которое ему оказывалось. И все это — с нелегальных, как говорят в разведке, позиций.

Но в декабре 1931-го в венском отделе Коминтерна начались аресты, и Дейч с супругой вынуждены были бежать. Куда? Ясно, что в Москву. Здесь, с разрешения высших советских органов, он переводится из компартии Австрии в ВКП(б). Коминтерн своих не забывал: надежного австрийского товарища рекомендовали в ИНО ОГПУ под именем Стефана Ланга.

Подготовка к работе в нелегальных условиях много времени не заняла. У него уже был немалый опыт. Финни пришлось потруднее: она осваивала новую для нее специальность радистки.

Ну а то, что Дейч помимо немецкого прекрасно владел английским, французским, голландским, итальянским и невероятно сложным для иностранцев русским, подтверждает, что среди выдающихся разведчиков много талантливых лингвистов.

Впереди было назначение в Лондон, которое принесло СССР фантастических агентов, а Дейчу, через

десятилетия, славу лучшего вербовщика.

Почему его так быстро перебрали в Лондон? Отношения между СССР и Великобританией были не просто натянутыми, а откровенно плохими. За каждым советским, ступившим на землю Соединенного Королевства, велась слежка. Квартиры нагло обыскивались. Телефоны прослушивались. Люди, контактировавшие с русскими, постоянно допрашивались. Суровая обстановка тре-

ные псевдонимы — «Наследник», «Бэр», «Аттила»...

Чтобы не создалось впечатления, будто Дейча интересовала в качестве агента только публика идейная, коротко о вербовке человека, от коммунистических идеалов далекого. Центру требовались шифры британского Форин Офиса. С помощью нелегала Дмитрия Быстролетова в первый же год работы в Лондоне удалось выйти на шифровальщика из МИДа. Эти скромные, незамет-

В годы войны северные конвои, атакуемые немецкими подлодками и авиацией, играли, можно сказать, со смертью. Но Дейч не знал страха. Он был рад, когда судно «Донбасс» вышло, наконец, с Новой Земли в Рейкьявик. Увы, оно было потоплено в Норвежском море немецким миноносцем. «Донбасс» быстро ушел под воду, однако части команды и пассажиров удалось спастись. Но не Дейчу. Раненный в ноги, он так и не смог покинуть идущий ко дну корабль. До последнего вздоха Дейч бился за жизни других, принеся на алтарь свою собственную...

бовала вести разведку в основном с позиций нелегальных. Что и делал Арнольд Дейч — «Отто», учившийся в Лондонском университете под уже известным нам именем Стефана Ланга.

Он провел в английской столице несколько лет, плодотворных для себя и, главное, для разведки. О привлечении «Кембриджской пятерки» уже сказано. Были и другие ценнейшие агенты, чьи имена так и не раскрыты. Известны лишь их оператив-

ные люди всегда в цене. Занимая неприметные посты, они невольно проникают во многие тайны собственного государства, которые бы так хотелось узнать специальным службам других стран. И вскоре клерк из Управления связи министерства иностранных дел исправно снабжал Москву секретами коварной британской дипломатии.

В августе 1935-го Дейч на время вернулся в Москву. Но в октябре снова появился в Англии, где в 1936

году поступил в распоряжение советского резидента Теодора Малли. Если и была создана родственная «Кембриджской пятерке» так и не рассекреченная «Оксфордская группа», то ее прародителями стали Малли и Дейч. И в том же 1936-м в Англии явился на свет доктор психологии по фамилии Стефан Ланг. Вот уж кто не терял даром ни минуты. Интенсивнейшая деятельность Ланга получала отличные оценки на Лубянке. Но эта бьющая, нет, не через край, но активность не могла не привлечь внимания британской контрразведки. Но доказать, что он советский агент, найти нечто конкретное, что позволило бы предъявить обвинения, англичане не смогли. Однако интерес МИ-5 к Стефану Лангу мог перерасти в нечто большее, чем просто подозрения. И Дейч-Ланг был возвращен в Москву.

Сентябрь 1937 года: «Большой террор» и большие чистки по всей стране и, уж конечно, в ЧК. Как ни странно, Дейчу удалось неведомым образом их избежать. В характеристиках и справках НКВД на Дейча его работа в Лондоне отмечалась эпитетами «исключительный», «исключительно серьезный и преданный», «исключительно боевой», «исключительные заслуги», «исключительная инициативность»... И за это тоже в 1938-м Арнольду Генриховичу и его супруге было пожаловано советское гражданство. Паспорта были выданы Стефану Григорьевичу и Жозефине Павловне Ланг. Мудрить не стали, ис-

пользовали британский оперативный псевдоним.

Жозефина была не только верной женой. Даже по количеству фамилий и оперативных псевдонимов понятно, что она помогала мужу в многотрудной работе. Елизавета Крамер, Финн Дейч, Жозефина Павловна Ланг и «Сильвия» странствовала по миру с мужем-нелегалом в том же качестве. Родилась она в Вене, где и вступила в компартию. Воспитательница детского сада по профессии, она добровольно выбрала занятие гораздо сложнее: переехав в Москву, год училась в школе радистов Коминтерна. В 1935 году перешла во внешнюю разведку. Ей пришлось немало потрудиться радисткой-шифровальщицей в лондонской нелегальной резидентуре. Поток информации, добываемой мужем и его друзьями, был невероятным. Вернувшись из Лондона в Москву, супруги нетерпеливо ожидали нового назначения.

Только вот никакой работы Дейчу-Лангу не предлагали. Здесь можно сослаться на нездоровую обстановку в органах. Чистки, пусть не такие кровавые, как раньше, продолжались. Под подозрение попадал любой чекист, вернувшийся из-за кордона. Так что основания беспокоиться за «Отто» у его московского начальства были. Два перебежчика, Порецкий и Кривицкий, ставшие невозвращенцами в 1937-м, были знакомы с Дейчем и могли выдать его и многих его друзей-агентов. Впрочем,

Порецкий вскоре, в том же 1937-м, был по приказу Сталина застрелен в Швейцарии. А тело Кривицкого, успевшего написать книгу «Я был агентом Сталина», нашли в роскошном отеле Вашингтона в 1940-м. По утверждению Кима Филби, это было типичное самоубийство: иуда Кривицкий впал в глубокую депрессию, поняв, что никому не нужен ни в Штатах, ни в Британии. Но успели ли оба выдать всех, кого знали? Вопрос висел в воздухе, а Дейч с женой, тоже хорошо знавшей Кривицкого еще по Австрии, тем временем оставались в тяжелом ожидании в Москве. К счастью, гроза прошла мимо.

По воспоминаниям разведчицы Зои Зарубиной, дочери видного разведчика, в будущем генерала, Василия Зарубина, лето 1938-го Ланги провели у них на подмосковной даче. Гость томился в неведении. Человек необыкновенной притягательности и великих умений на 11 месяцев был оставлен за бортом привычной жизни. Ждал вызова к наркому Лаврентию Берию, опасался роковых изменений в словно остановившейся своей жизни.

В 1939-м у разведки появился новый начальник — Павел Фитин. Он начинал почти с нуля, ставя на ноги разгромленную Ягодой и Ежовым внешнюю разведку, несмотря на все преграды, терпеливо, но решительно и по возможности быстро восстанавливал иностранные резидентуры, разрушенные в процессе нескончаемых чисток. Чрезмерная по-

дозрительность Павлу Михайловичу, к счастью, была несвойственна. И Арнольд написал рапорт Павлу Фитину, просил о помощи и личной встрече. Такие асы, как Стефан Ланг, были очень нужны, и новый начальник, изучив личное дело разведчика, попытался вернуть «исключительного» к работе. Предположительно, Дейч должен был отправиться в США. Прикрытие подобрали надежное: многие прибалтийские евреи в массовом порядке перебирались в Штаты. Среди них отыскалось бы местечко и для Дейча. Но его переброска по неизвестной причине не состоялась: затормозил кто-то на самом верху. Об «Отто» словно забыли, а может, сознательно скинули с чекистского счета.

Позже Дейч написал рапорт лично наркому Лаврентию Берию. На наркома это не произвело никакого впечатления. Он наложил резолюцию: устроить на работу, но только не в разведке. Хорошо, хоть никак не тронули, дали уйти из уже созданного Пятого отдела внешней разведки в Институт мирового хозяйства мировой экономики Академии наук. Старший научный сотрудник... Не лучшее место для применения способностей разведчика накануне грядущей, все это понимали, войны с фашистской Германией.

В июне 1941 года с началом Великой Отечественной Дейча вернули в разведку. Назначили резидентом в Аргентине, где власти были на-

строены профашистски. Почему Аргентина? Туда, спасаясь от еврейских погромов, в 1934-м бежали из Австрии его родные братья. Было на кого опереться и с кем начинать. Первоначальный маршрут выбрали длиннющий. Сначала в Иран, оттуда в Индию, потом через страны юго-восточной Азии в Буэнос-Айрес. Но грянула война Японии и США, и пришлось Дейчу, потратив восемь месяцев на изнурительно-бесполезную дорогу, возвращаться из Бомбея в Москву: через Тихий океан до Аргентины было не добраться.

Вернувшись, он стал ждать нового назначения. А его все не было и не было. Писал в июне 1942-го уже набравшему авторитет Павлу Михайловичу Фитину: если не в разведку, то отпустите на фронт на любую должность. Бездействие и ожидание угнетали. Ведь в свои 38 лет он был еще на многое способен.

И дождался: сложным и опасным северным маршрутом Дейч через Мурманск и исландский Рейкьявик должен был добраться до Канады. А оттуда, на свой страх и риск, новый резидент советской нелегальной разведки в США обязательно попытается бы достичь берегов Соединенных Штатов.

Опасно. В годы войны знаменитые северные конвои, атакуемые немецкими подлодками и авиацией, играли со смертью. Но Дейч-Ланг не знал страха. В душе была только радость: 4-го ноября 1942 года судно «Дон-

басс» вышло с Новой Земли в Рейкьявик. А уже 7-го было потоплено в Норвежском море немецким эскадренным миноносцем Z-27. «Донбасс» ушел под воду быстро, однако части команды и пассажирам удалось спастись.

Но не Дейчу. Раненный в ноги, он так и не смог покинуть идущий ко дну корабль. А до этого он помогал морякам «Донбасса» спасать людей. До последнего вздоха бился за жизни других, принесся на алтарь свою собственную.

За одного из самых удачливых резидентов советской нелегальной разведки в Лондоне рассчитались англичане. 28 декабря 1943 года они утопили Z-27 в Бискайском заливе.

Как же ты трагична, мрачная ирония короткой и яркой судьбы...

О Дейче долго молчали. Но память о нем трогательно сохранила жена. Как же повезло ей в ноябре 1942-го. Ведь «Сильвия» должна была отправиться на «Донбассе» вместе с мужем. Потом решили, что она присоединится к нему позже, когда он обустроится на новом месте... Но «позже» не настало. Жозефина Павловна Ланг стараниями разведки была устроена в МИД преподавателем иностранных языков. Ей и ее дочери Нинетте (Нине) платили хорошую пенсию за погибшего мужа. Она понимала, что не сможет работать в нелегальной разведке без него, и потому отказалась от

предложения снова отправиться нелегалом за границу.

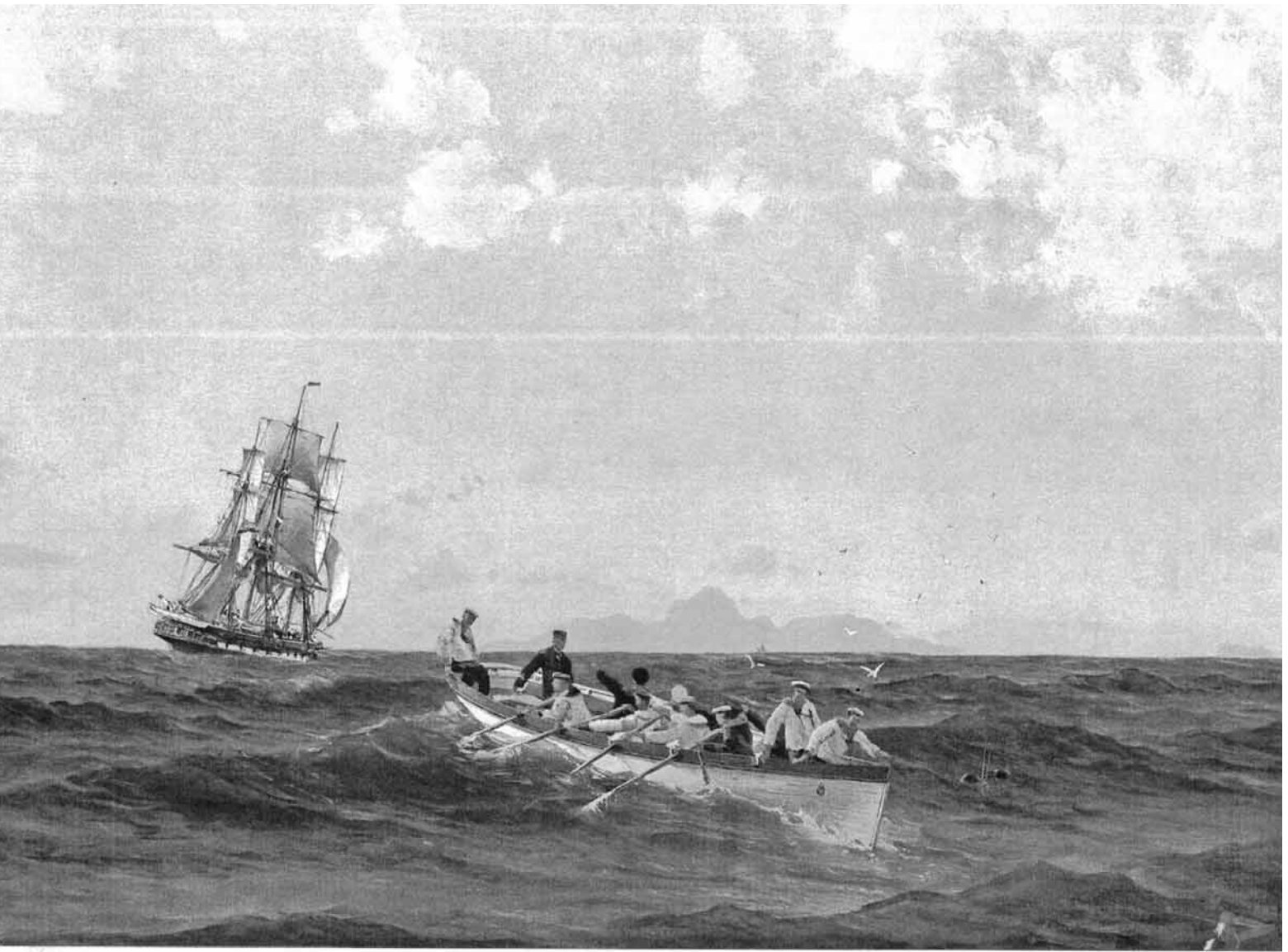
А после войны она вместе с дочерью все же вернулась в Вену. Но, видно, было нечто у английской контрразведки, заставлявшее думать, что Жозефина работала на Советский Союз, и, по просьбе или по приказу британской контрразведки, австрийские службы начали расследование. Оно ни к чему не привело. Было лишь подтверждено, что до войны Жозефина Дейч находилась с мужем в Англии, а во время Второй мировой работала в советском МИДе. Ничего противозаконного. Фрау Дейч не сказала следователям ничего. Не зря же проходила выучку у мужа и на курсах Коминтерна. В конце концов, англичане оставили женщину в покое.

А в Вене ее стараниями на стене дома, где жил Арнольд Дейч, была установлена мемориальная доска. Жозефине удалось всеми правдами и немного неправдами добиться того, чтобы мужа сочли жертвой нацизма. Разве это не так? Разве не была вся его

сознательная жизнь и героическая гибель борьбой с фашизмом? Надпись гласит: «В этом доме жил доктор Арнольд Дейч. Во время правления национал-социалистов он был в 38 лет убит фашистами СС в ноябре 1942 года. Он боролся за свободную демократическую Австрию, за мир и счастье человечества. Да будет памятна принесенная им жертва».

Дата смерти Дейча Арнольда Генриховича указаны точно. О нем не забыли на родине, в Австрии. В последнее время стали часто вспоминать и в России, для которой разведчик-нелегал сделал так много... □

ПОД ЧУЖИМИ НЕБЕСАМИ

Англичане подоспели, когда драка выплеснулась из трактира на площадь. Лейтенант во главе отряда уже хотел отдать своим людям приказ применить оружие, но его опередил пожилой моряк в зеленом кителе, неожиданно дунувший в свисток. Пронзительный звук произвел поистине волшебное действие: все участники схватки в зеленых мундирах немедленно прекратили мутузить противников и, как один, выстроились в шеренгу. К ним подошел молодой морской офицер и негромко произнес по-русски:

— Боцман, матросам «вольно»!

— Во-о-ольно! — гаркнул «свистун», и добавил: — Команде привести себя в порядок.

Матросы, как ни в чем не бывало, занялись одеждой и полученными ссадинами. Англичанин отдал приказ солдатам задержать других участников драки, а сам подошел к русскому.

— Капитан, это переходит все границы! Если вы не можете держать в узде свою команду, придется запретить вам покидать крепость.

— Сей вопрос в ведении господина губернатора и коменданта, сэра. Прикажут — будем сидеть. То-то вы обрадуетесь! — Молодой капитан, несколько не смущаясь преимуществом собеседника в росте, насмешливо посмотрел на англичанина снизу вверх.

Лейтенант Престон побагровел и сжал зубы. Эх, если бы кейптаунские власти не играли в благородство и признали захваченное русское судно призом, он показал бы этому щенку, как насмеяться над английским офицером! Пока лейтенант раздумывал, как бы поставить наглеца на место, его отозвал в сторону один из подчиненных.

— Сэр, у нас неплохой улов. Взгляните, какие птички попались!

К офицеру подвели девушку и юношу. Юноша упирался и сыпал ругательствами на смеси голландского и английского. При виде юных пленников Престон расплылся в улыбке:

— О! Как не поблагодарить русских! Их очередной дебош принес нам долгожданную встречу с неуловимым Якобом.

Пожилой боцман тут же кинулся к своему капитану.

— Павел Андреевич, Якоба схватили!

— Вижу, — с досадой хлопнул себя по ноге капитан. — Черт, столько времени потратили на поиск нужного человека! Пойду, послушаю — вдруг его отпустят с миром.

Он направился к англичанам, окружившим юных пленников. Боцман шел рядом.

— Ничего, Павел Андреевич! Если что — мы Якоба вытащим. Без него воду на шлюп никак не доставить. Что-нибудь да придумаем!

Лейтенант Престон наслаждался. Показать власть англичан голландскому населению Кейптауна, а заодно придать себе важности в глазах подчиненных — что может быть приятнее?

— Что ж, Якоб, настал конец твоему маленькому предприятию. На каторгу пойдешь, дружок. Контрабанда — преступление против Его Величества короля Георга.

Девушка, которая до сих пор молчала, заговорила на ломаном английском:

— Якоб не сделал ничего плохого! Пожалуйста, отпустите его! Он не преступник.

— О, сестричка короля контрабандистов защищает любимого братца? Нет, голубка, по нашим законам твой Якоб — преступник. А на этой земле — отныне и навсегда — законы устанавливаем мы!

— Не говори с ним, Анки! — закричал Якоб. — Он издевается! Меня не осудят только на основании слов этой английской свиньи!

— Ошибаешься, дружок. Я — представитель власти, а кто ты? Всего лишь капский цветной.

— Я — голландец! И христианин!

— Ха! Голландцем был ваш отец, а кто мамаша? Готтентотка?

— Наша мать была малайкой, — тихо ответила сестра Якоба, — и нас никто никогда не называл «цветными».

— А теперь будут. Пойми, милая Анки, что вы здесь не хозяйева. Лучше подумай о себе. Отправят братца на каторгу, что с тобой будет?

Лейтенант Престон специально произносил слова медленно, чтобы молодые люди могли понять его. И Якоб понял. Внезапно он вырвался из рук солдата, выхватив из-за пояса нож, который во время драки не использо-

вал, и как кошка бросился на Престона. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы английский сержант со всей силы не ударил Якоба прикладом ружья. Тот упал, вскочил снова, однако солдаты уже опомнились и скрутили парня.

Русский боцман сжал кулаки в порыве помочь контрабандисту, но капитан остановил его.

— Егорыч, силы неравные. И себя погубишь, и Якобу не поможешь!

— Так что деемся, Пал Андреич! Этот Престон — он же негодяй, каких мало!

— Найдется и на него управа, Егорыч. Якоба жаль, да и побег наш без него под угрозой. Но мы — военнопленные и не можем вмешиваться... По крайней мере, явно.

Лейтенант Престон рассматривал отобранный у Якоба нож — волнистое обоюдоострое лезвие и рукоять с яркой отделкой.

— Какая необычная вещица! Заберу в свою коллекцию, — сказал он, срывая с Якоба пояс с ножнами, — Бринкс с радостью запишет в мой реестр новый экземпляр. Господа, прошу проследовать в крепость!

Сержант Бринкс — тот, что ударил Якоба, приказал солдатам вести всех задержанных в тюрьму и спросил Престона:

— Сэр, тут один африканер — то ли пьян, то ли без сознания после драки. С ним что делать? Сам он идти не сможет.

— А пусть его господа русские на себе тащат, в крепости разберемся, кто таков.

Если лейтенант Престон рассчитывал уязвить русских моряков, то прогадал. Когда солдаты приволокли грязного оборванца и презрительно указали на него морякам, те немедленно подставили плечи. Возник даже шуточный спор, кто понесет пьяненького, впрочем, суть его от несведующих в чужих языках англичан ускользнула.

Процессия двинулась к крепости — старой португальской постройке в центре Кейптауна. Павел Андреевич подобрался поближе к Якобу и его сестре. Еле сдерживающий гнев Якоб что-то бормотал про себя и рассекал ладонью прохладный вечерний воздух. Его сестра шагала рядом, опустив голову. Русский капитан тронул контрабандиста за плечо. Невысокий рост обоих давал им шанс пошептаться незаметно для конвоя.

— Якоб, мне очень жаль, что так получилось. Вы хотели нам помочь, а попались англичанам... Но надеюсь, они вас отпустят — вы ведь не с товаром схвачены.

— Нет, кэп Пауль, Престон давно к нам подбирается. А сегодня ему повезло.

— Но что ему до вас? Вы же не единственный контрабандист в Кейптауне?

Якоб промолчал, а Анки вдруг обернулась к капитану — удивительно, как она разобрала слова — и ответила:

— У других контрабандистов в Каапстаде нет сестер, которых Престон хочет заполучить.

Якоб сжал ее руку и быстро заговорил по-голландски. Девушка отвечала односложно, вроде бы соглашалась, но вид у нее был обреченный. Якоб в сердцах повысил голос, потом, отвернувшись от сестры, перешел на английский:

— Престон — свинья, и я его убью. Если только он прикоснется к Анки — я его на куски разорву!

— Тише, друг, тише, — уговаривал контрабандиста Павел Андреевич, — иной раз горячность вредна. Хорошо, что Престон забрал у вас нож.

— Нож передала мне матушка — это семейная реликвия. — Темные глаза Якоба сверкнули. — Не собираюсь дарить его Престону. Он меня еще не знает! Я проберусь куда угодно, но «крис» свой верну.

— Что вернете?

— «Крис» — это означает... — Якоб ненадолго задумался и продолжил: — Это по-английски «пронзать». Престон захотел мою сестру — он ее не получит. Престон захотел мой нож — он его получит... Прямо в свое черное сердце. В темноте я проберусь даже в его конуру!

В крепости их уже ждали: солдаты гарнизона выстроились шеренгой и держали оружие наготове. Впрочем, оружие предназначалось для устрашения местных, русских же моряков англичане старательно не замечали. К Павлу Андреевичу подошел боцман Егорыч.

— Господин капитан, там наш пьяненький что-то бормочет. Разобрало его, сердешного. Может, узнаем, кто таков, и семье сообщим, чтобы пришли за ним. Лопочет-то по-голландски, кажись. Якоб пусть послушает.

Матросы уложили пьяного голландца возле входа в караульное помещение тюрьмы. Якоб подошел и склонился над товарищем по несчастью. Приземистый сержант Бринкс, следивший за каждым движением контрабандиста, хотел вмешаться, но передумал и просто придвинулся вплотную.

— О, так это же Ганц Рюц! Давно его не видел в Каапстаде. Он, как англичане здесь стали хозяйничать, ушел с голландцами к Лимпопо. Поселился один, сам-то он не голландец, прибился к ним не так давно. И зачем только вернулся?

— Вероятно, чтобы погулять вволю, — предположил Павел Андреевич, — вряд ли на Лимпопо много кабаков.

— Ганц беден, как церковная мышь. Безобидный он, но любит рассказывать небылицы.

Пьяный Ганц что-то пробормотал, подняв голову, потом похлопал ладонями по груди и сжал пальцами потертый шнурок на шее. Но тут силы его

оставили, и он опустился на каменную мостовую. Анки и Якоб переглянулись и невесело улыбнулись.

— Вот и сейчас говорит, что он очень важный человек, такой богатый, что английские свиньи будут льстиво лизать ему сапоги, — перевел Якоб.

— Надеюсь, Престон не разберет его пьяные речи, а то несдобровать Ганцу. — покачал головой Павел Андреевич.

— Господа, прошу в камеры, — скомандовал сержант Бринкс.

Престон, стоя на ступеньках караульной, следил, как его подчиненные загоняют арестованных в тюремный двор. Когда русские моряки подхватили Ганца, лейтенант приказал нести его в караулку.

— Мы должны записать его имя и допросить. Сержант Бринкс, устройте африканеру освежающую ванну!

С большой неохотой моряки выполнили распоряжение Престона. Старые решетчатые ворота, отделявшие тюремный двор с камерами от остальной части крепости, со страшным скрипом закрылись. Русские моряки, контрабандист Якоб с сестрой Анки и еще около тридцати человек местных жителей, попавших к англичанам, вынуждены были разбрестись по душным камерам кейптаунской тюрьмы.

Когда шлюп «Артемида» выходил из Бомбея с географической экспедицией на борту, Павел Андреевич Можаяев получил известие, что император Александр I заключил мирный договор с Бонапартом. Но вводя русское военное судно в порт Кейптауна, капитан и понятия не имел, что Россия присоединилась к военным действиям против Великобритании. Арест «Артемиды» недавними союзниками стал для команды полной неожиданностью, но статус военнопленных, как оказалось, давал некоторые преимущества перед обычными заключенными. Когда русские моряки сдали оружие, комендант крепости потребовал от капитана Можаяева слово чести, что его люди не покинут пределы города. Днем команду «Артемиды» стали выпускать из тюрьмы, а с наступлением темноты они должны были возвращаться. Это дало возможность морякам заняться подготовкой побега. Павел Андреевич потратил немало времени на расчеты — благо морские карты и приборы ему оставили. Самой большой проблемой оказалась пресная вода, запасы которой комендант предусмотрительно снял со шлюпа. Выход оставался один — тайно доставить на «Артемиду» столько бочек, чтобы хватило до островов Зеленого мыса. Англичане допускали матросов на борт шлюпа — судно должно было содержаться в порядке. Справедливо полагая, что среди бела дня и без воды русские не поднимут паруса, охранники не слишком усердствовали. Это дало возможность поискать среди местных мелких судовладельцев тех, кто согласился бы понемногу, по бочке за раз, переправить на шлюп пресную воду. Так моряки познакомились с молодым кон-

трабандистом Якобом, согласившимся за разумную плату помочь им. Несколько бочек воды уже были тайно подняты на борт судна.

И вот теперь все оказалось под угрозой. Времени для подготовки оставалось мало — для разработанного капитаном Можаяевым маршрута необходим был восточный или северо-восточный ветер, уйти надо было до наступления здешней зимы с сильными штормами и северо-западными ветрами.

Наутро после драки в городе Павел Андреевич, сидя за столом перед своей камерой, в сотый раз просматривал карты и думал, что поиски нового помощника отодвинут побег на много месяцев.

Боцман Егорыч подошел к капитану, с которым ходил в плаванье еще в бытность того мичманом, и сказал:

— Пал Андреич, мы с ребятами придумали, как Якобу помочь. Штурман с ним даже потолковал чуток. Да только малый ни в какую — говорит, оставить тут сестренку не может. Престон, собака, давно на нее глаз положил, и Якобу приходилось всюду таскать ее за собой, чтобы не оставлять одну. Якоб сбежит, а Престон девчонку сразу к себе потащит. Парня-то он, видать, боится — все норовит Анки по-хорошему убедить.

— Да, с Якобом ему лучше не шутить — все равно, что дразнить тигра. А как вы хотите Якоба вывести из крепости?

— Так ить, нас на выходе пересчитывают, но лица особо не разглядывают. Оденем парня в нашу форму, шапкой войлочной прикроется. А кто-то из нас останется в его камере — накроется тряпкой, будто спит. Оно, конечно, может и не удастся, а попробовать все же стоило бы.

Павел Андреевич знал, что Престон, не питая к русским любви, вынужден был относиться к ним с уважением — хотя бы внешним. Дело в том, что губернатор Кейптауна охотно приглашал капитана «Артемиды» в свою резиденцию на обеда и даже на бал по случаю дня рождения принца Уэльского.

— Егорыч, если вместо Якоба в тюрьме останусь я, Анки нечего будет бояться — при мне Престон не посмеет применить к ней силу. Кроме того, я потребую аудиенции у коменданта и стану добиваться, чтобы девушку выпустили — она арестована без всяких оснований. Если комендант не прислушается — дойду до губернатора. А Якоб в это время сможет заниматься подвозом воды. Только решать надо быстрее — скоро полдень.

В полдень моряков обычно отпускали в город. В это же время ворота крепости отворялись для тех, кому удалось избежать суда, или тех, кто отсидел небольшие сроки вместо уплаты штрафов. Предложение Павла Андреевича обсудили и не без труда убедили Якоба оставить сестру под защитой капитана.

Когда во дворе тюрьмы появился лейтенант Престон со своим верным помощником сержантом Бринксом, русские моряки уже столпились неподалеку от ворот. Павел Андреевич, накрывшись с головой, лежал в комна-

тушке, где ночевали Якоб и Анки. Девушка сжалась в углу и тихо напевала — протяжно и печально.

Мрачный, уставший сержант Бринкс рассеянно пересчитал команду «Артемиды» и повел их мимо караульной к воротам крепости. Когда солдаты заперли тюремную решетку, из караулки вышел Престон, толкая перед собой давешнего пьяного голландца, которого Якоб назвал Ганцом.

— Эй, Бринкс! Прихвати эту шваль. Он еще не проспался, но пусть убирается, пока я добрый!

Сержант даже не посмотрел на голландца, а тот хлопал глазами и жмурился от дневного света. Русские моряки поддержали его и повели к выходу. Неожиданно Ганц остановился и что-то прокричал Престону. Но его увлекли дальше.

— Бедный Ганц сходит с ума от пьянства, — пробормотал Якоб, прикрытый с двух сторон русскими моряками, — все рассказывает о своих сокровищах.

Но Егорыч не понимал по-голландски, и потому успокаивающе ответил:

— Не переживай, парень, наш капитан не даст Анки в обиду!

Обед в тюрьме был скудным. Под присмотром сержанта Бринкса солдаты раздавали немногим оставшимся заключенным нечто смахивающее на помои. Анки принесла две миски, но ни она, ни Павел Андреевич есть похлебку не стали — ограничились хлебом. Капитан понял, что морякам удалось вывести Якоба благополучно, и настроение его улучшилось. Он попытался развлечь разговором Анки, но девушка отвечала односложно и неохотно. С наступлением вечера она забеспокоилась и вся дрожала. Капитан предположил, что она боится Престона, и старался ее успокоить, но Анки покачала головой:

— Нет, кэп Пауль, я боюсь, чтобы Якоб не натворил чего-нибудь. Он такой безрассудный!

После шести часов вечера сменялись охранники. Лейтенант Престон выглянул из своей комнаты, расположенной напротив караулки, пошутил с солдатами, а потом приказал Бринксу самому принять смену.

Сумерки сгущались, и Павел Андреевич рискнул прогуляться по двору. Охранники играли в кости перед тюремной решеткой и не следили за заключенными. Вот-вот из города должна была вернуться команда, и когда скрипнула решетка, капитан подумал, что охранники запускают матросов. Факелы еще не зажигали, и он подошел ближе, чтобы встретить товарищей. Однако увидел, как в чуть приоткрытую решетку проскользнула сестра Якоба.

— Куда ты, Анки! — закричал Павел Андреевич и бросился за ней, но солдат, прижав створку, вежливо, но настойчиво попросил капитана отойти.

Анки не оглянулась, а вошла в комнату лейтенанта Престона.

— Прошу вас, остановите ее! Анки, не ходи к нему!

На шум вышел из караулки сержант Бринкс. Он очень удивился, увидев русского капитана, и подошел к решетке.

— Сэр, как вы здесь оказались? Ведь ваша команда еще не вернулась.

— Сержант, откройте решетку, пожалуйста! Вы же понимаете, что я никуда не убегу из крепости!

Бринкс приказал выпустить Павла Андреевича, но неотступно следовал за ним в покои Престона.

Капитан резко распахнул дверь — она не была заперта — и чуть не сбил с ног Анки, застывшую на пороге. В дальнем углу на спине вытянулся во весь рост лейтенант Престон. Из груди его торчала рукоять ножа, поразившего англичанина точно в сердце.

Павел Андреевич понимал, что помешать сержанту Бринксу он никак не сможет, поэтому молча пропустил его к телу начальника. Он оттащил Анки в сторону, а сержант, едва взглянув на Престона, поднял тревогу. Сухо попросил капитана вернуться в камеру, а девушку приказал оставить в караульной.

— Зачем? — возмутился Павел Андреевич. — Вы же не думаете, что она могла убить его?

— А кто ее знает? — покосившись на Анки, процедил сержант. — Эти дикие люди на все способны. И потом, мы все равно должны ее допросить. Не беспокойтесь, сэр, вреда ей не причиним.

Один из солдат сжал локоть девушки и приказал идти в караулку. Другой встал возле двери, охраняя место преступления.

Павел Андреевич, оттягивая время возвращения в камеру, оглядел комнату Престона. Обычное помещение для офицера не самого высокого чина. Только одно нарушало аскетичную обстановку: небольшой голландский шкафчик для посуды. Но вместо посуды Престон хранил в нем коллекцию холодного оружия. Дверцы шкафа были распахнуты, но перевернуто ничего не было. Ножны от «криса» Якоба тоже лежали на полке.

Небольшое окошко выходило в тот же проход, что и дверь — тюрьма находилась в самом сердце старой крепости, и до выхода в город нужно было пройти через множество английских постов. Павел Андреевич неоднократно замечал, что окно у лейтенанта всегда открыто, что неудивительно — оно было единственным источником воздуха. И сейчас створки его были открыты.

Он осторожно подошел к телу Престона и наклонился над ним.

Сержант Бринкс, отдавший солдатам приказ осмотреть все закоулки крепости, не сводил глаз с капитана. Он нервничал: с одной стороны, надо бы отправить того во внутренний двор тюрьмы, но Бринкс испытывал почтение к знати, а то, что капитан «Артемиды» — вельможа высокого ранга, знали все в Кейптауне. На самом деле Павел Андреевич принадлежал к не-

богатому дворянскому роду, но матросы шлюпа старательно поддерживали слух, что их капитан — сын приближенного самого императора.

— Сэр, вам бы к себе пойти, — почти заискивающе сказал сержант, — нам следствие провести надо...

— Понимаю. А еще я хочу понять, что на самом деле произошло.

— А чего тут понимать? Я, сэр, не идиот. Вы остались в тюрьме, стало быть, кто-то вместо вас вышел. Я, конечно, сейчас проверю, но догадываюсь, что Якоба нет на месте. Он из тюрьмы вышел, а потом затаился где-то в крепости и дожидался удобного момента, чтобы подобраться к лейтенанту.

— Простите, сержант, я не понимаю, о чем вы толкуете. Я плохо себя чувствовал с утра, вот и остался. Вы моих матросов пересчитывали, ошиблись — бывает. За это вам перед начальством ответ держать. А где Якоб, я знать не знаю. И матросы мои — тоже.

Бринкс, обидевшись, попросил капитана вернуться в камеру и из вежливости лично проводил его.

Как раз в это время из города вернулась команда. Павел Андреевич вызвал к себе боцмана Егорыча, рассчитывая получить сведения о Якобе.

Егорыч, узнав о гибели Престона, перекрестился, но обеспокоенности не выразил, пока капитан не объяснил ему, при каких обстоятельствах был убит английский офицер.

Рассказ боцмана о действиях Якоба и команды в городе был прост: матросы частью расположились неподалеку от площади, а частью отправились чистить судно. Якоб забрал из укромного места свою лодку и подвез им пару бочек с водой. На это понадобилось время, пришлось отвлекать охранников в порту, чтобы они не заметили подозрительное суденышко, подошедшее к русскому шлюпу со стороны бухты. С наступлением сумерек англичане потребовали, чтобы матросы вернулись в город, что те и сделали. Лодка Якоба затерялась среди множества других мелких судов в гавани, и больше моряки парня не видели.

— Что же вы думаете, Пал Андреич? Что Якоб пробрался в крепость и заколол Престона?

— Понимаешь, Егорыч, Якоб угрожал Престону вчера. Однако времени у него было немного — часа полтора, не больше. Мог ли он за это время добраться из гавани до крепости?

— Тут недалече, а Якоб к тому же все лазейки знает. Да и горяч парень не в меру. За сестру свою, думаю, любого убьет, не задумываясь.

— Так складывается, что все против него. Есть еще одна деталь, хотя англичанам сообщать об этом не стану: убил Престона человек невысокий.

Боцман удивился, как это можно было понять, и Павел Андреевич попросил его встать.

— Ты, Егорыч, такого же роста, как Престон — высокий, мощный. А я... пониже буду, как Якоб. — Он взял со стола складную подзорную трубу и резким движением продемонстрировал удар снизу вверх в сторону боцмана. — Видишь? Вот так был заколот Престон — снизу. И угол наклона рукояти кинжала об этом говорит. Удар был сильный и точный, лезвие вошло почти целиком. Такого буйвола, как Престон, нужно было сбить одним ударом. И все-таки... Все-таки что-то меня беспокоит.

Павел Иванович задумался, еще раз мысленно перебирая обстановку комнаты лейтенанта. В свете факелов он заметил, что во внутренний двор пропустили Анки, и подошел к ней.

— Как ты? С тобой хорошо обращались?

— Они думают, что Престона убил Якоб, — передернула плечами девушка. — Они говорили быстро, но я поняла. Сказали, что никого чужого в крепости не нашли. Бринкс отправил солдат в город — искать брата.

— Скажи, Анки, зачем ты пошла к Престону? Ведь Якоб запретил тебе с ним разговаривать.

Она попыталась проскользнуть в свою комнатушку мимо капитана, но тот удержал ее.

— Я обещал Якобу, что помогу тебе! Но как, если ты не доверяешь мне?

— Якоб слишком самонадеян, он отказывается понимать, что наша жизнь никогда не будет прежней. Англичане не уйдут из Каапстада. Вы сбежите — раньше или позже, — а мы останемся. И Якоб все равно когда-нибудь попался бы. Если бы я стала подружкой Престона, брат спокойно мог бы заниматься контрабандой. Я решила, вот и все. Охранник пропустил меня к Престону.

— Бедная Анки, ты была в отчаянии! Прости, я не подумал, что лишь на время могу защитить тебя от посягательств Престона! — Павел Андреевич от бессилия сжал кулаки. — Но хотя бы это тебе больше не угрожает. Скажи, ты веришь, что Якоб мог убить лейтенанта?

Анки смотрела мимо капитана полными слез глазами.

— Что мог бы убить — верю. Но знаю, что не убивал. Не думайте, что я говорю, как его сестра. Понимаете, Якоб действительно мог убить Престона, но он ни за что не оставил бы «крис». Кинжал... Не знаю, как сказать. Он, как сам Якоб, часть его самого. Я пыталась объяснить это англичанам, но они не стали меня слушать.

— Должно быть, у него не было времени вынуть кинжал из груди Престона — пришлось бежать. — предположил Павел Андреевич.

— Но ведь он все равно рисковал, разве нет? Если Якоб пришел, чтобы убить Престона и забрать «крис», то какой смысл бросать нож? Сейчас вернуть его будет намного сложнее. Раньше брат, по крайней мере, знал, где находится кинжал, а теперь?

— Разумно. Я поговорю с комендантом и постараюсь донести до него то, о чем ты сказала.

— А почему вы не думаете, что я могла убить Престона? — невесело улыбнулась Анки. — Англичане, например, меня тоже подозревают.

— Но это невозможно! Ты такая хрупкая! А удар нанесен с такой силой. Нет, Анки, ты нарочно на себя наговариваешь.

— Я только кажусь хрупкой, но очень сильная, кэп Пауль. Уверена, что вас-то смогу победить в драке. И ножи метать могу. А уж убить Престона... Я бы с радостью, и больше минуты на это мне бы не понадобилось!

Капитан хотел возразить, но внезапно передумал и повел девушку к ее камере с той церемонностью, с какой галантный кавалер провожает знатную даму к роскошной карете.

Павел Андреевич боялся, что с убийством Престона команду больше не отпустят в город, но утром его вызвал к себе комендант крепости и был настолько любезен, что лично расспросил его о вчерашнем происшествии и даже поделился с ним некоторыми выводами. Как и полагал Павел Андреевич, вина Якоба практически не вызывала сомнений. Вопросы о том, как контрабандист сумел остаться незамеченным в крепости, и почему Престон при виде врага не поднял тревогу, позволил юноше схватить кинжал и подпустил его к себе на расстояние вытянутой руки, коменданта в тупик не поставили.

— Ах, эти дикари — они на все способны. Ловкие, знаете ли, как кошки. Бедняга Престон, наверное, даже не успел понять, что происходит.

Рассказ русского капитана о том, как Якоб дорожит своим «крисом», доверия тоже не вызвали.

— Сержант Бринкс доложил мне, что Престон добивался сестры этого контрабандиста, а у местного народца свои представления о чести. Дикие, разумеется, но что делать? Мы должны принимать их такими, как есть. Так что причина у него была серьезная, а кинжал... Да он себе десять новых раздобудет!

Но зато комендант и не думал лишать русских моряков возможности выхода в город. На то у него были свои причины — содержать команду «Артемиды» обязаны были их тюремщики. На питание военнопленных выделялись средства, и комендант крепости заключил сделку с хозяевами трактиров. Те кормили русских за полцены, получая взамен особое покровительство коменданта, а разница в сумме должна была способствовать его более комфортному будущему.

Потому в полдень, как обычно, сержант Бринкс, временно исполняющий обязанности Престона, отправил моряков в город. Теперь он проверял их более внимательно — подозревал, что они попытаются вывести из крепости и Анки.

Отправив часть команды на шлюп под началом штурмана, Павел Андреевич и Егорыч заглянули в тот трактир, где два дня назад во время встречи с Якобом были втянуты в драку. Боцман сомневался, что Якоб вернется туда, к тому же моряки не могли не заметить, сколько в городе солдат. Но капитан и не думал искать здесь Якоба. Его друзьями он не знал, но вспомнил, что пьяный голландец, сначала арестованный, а потом отпущенный Престоном, был знаком с юношей и мог бы помочь.

— Я утром спросил у Анки, где может быть Якоб, но она ответила, что не знает. Боюсь, она не сказала правды: то ли не доверяет нам, то ли боится, что сержант Бринкс устроил за нами слежку.

— Жаль девчонку, — вздохнул Егорыч, — прямо сердце разрывается.

— А между тем, она намекнула мне вчера, что могла убить Престона.

— Да это чтобы от Якоба подозрения отвести, Пал Андреич! Такая девчушка — как бы она смогла?

— Но Анки очень старалась меня в этом убедить, хотя кое-что она упустила. Время — вот ее слабое место. Я не стал с ней спорить — пусть пока думает, что я поверил ей, может, выведет на брата. Подозреваю, что сейчас Анки старается убедить в своей вине Бринкса с комендантом. Думаю, она могла убить Престона за пару минут, но... Только если бы уже шла к нему с кинжалом в руке. У нее не было времени на то, чтобы искать «крис» брата в шкафчике Престона. А именно там он и находился. Оттуда его взял убийца.

— Почему, Пал Андреич? А если его достал сам Престон? Рассматривал, к примеру.

— Хм, пожалуй, что и так могло быть. Но тогда тем более Анки его не убивала, согласен?

— А как же, — довольно усмехнулся Егорыч, — ведь тогда ей пришлось бы вырвать кинжал у Престона! Но вы ведь и без того не думали, что это могла быть Анки?

— Разумеется, нет. Но на всякий случай неплохо приберечь убедительное объяснение, почему она этого не делала — если англичане вдруг поверят ей. Ох, Егорыч, а ведь я упускаю что-то важное!

Капитан и боцман сидели за столиком перед трактиром, с удовольствием вдыхая свежий воздух. И тут увидели того самого Ганца Рюца. Пошатываясь, он подошел к трактиру и попытался зайти, но хозяин вытолкнул его, крича, что не собирается обслуживать африканера в долг. Голландец бурно протестовал, назревал скандал, и Павел Андреевич дал трактирщику монету, приказав принести кувшин вина. Егорыч усадил Ганца за стол и налил ему полный стакан. Ганц что-то забормотал по-голландски, широко при этом улыбаясь.

— Как бы расспросить его о Якобе? Я голландский не одолел. А Ганц, судя по всему, не говорит по-английски, — задумчиво проговорил Павел Андреевич, — но надо попытаться.

— А если он знает, что Престон убит и что ловят Якоба? Может подумать, что мы стараемся для англичан!

— Ты не упоминай имя лейтенанта, а то он и вправду решит, что мы с ним друзья.

В этот момент Ганц одним глотком допил вино, грохнул стаканом по столу и совершенно внятно произнес по-русски:

— Престон — сволочь! — Потом посмотрел на ошарашенных моряков, вытер рукавом грязной рубахи губы и, по-нижегородски растягивая «о», жалобно пропел: — Братцы, угостите ишшо, помираю!

Павел Андреевич и Егорыч не сразу пришли в себя. А «Ганц» выпил еще и, вздохнув, сказал:

— Ох, а я-то давеча думал, приснилось мне, что наши туточки. А вы и впрямь свои! Радость-то какая!

— Да кто же ты есть, браток? Как тебя занесло в Кейптаун? — первым опомнился Егорыч.

— Сидоровы мы, Матвей Петров. Служил матросом на судне. Такая уж доля моя несчастная, вспоминать страшно. Отстал я от своих... потерялся в одном порту. Вернуться уж не смог, служил у голландцев на разных судах, так и попал в Кейптаун. Да тут голландцы меня и бросили.

— Что же ты сразу нам не открылся? — спросил Павел Андреевич. — Еще когда нас всех в тюрьму забрали?

— Когда это, барин?

— Третьего дня. Ты что же, не помнишь? Драка была, солдаты из крепости прибежали, матросы мои тебя на себе несли.

Матвей задумался, а потом затряс головой:

— Не, барин, не помню. То есть, помню, как выехал из саванны, как добрался до Каапстада. День не скажу — мне оно без надобности. Ну, город-то я знаю, жил тут при голландцах пару лет. Кабаки мне хорошо знакомы, вот я и загулял крепко, да не просто так, а с поводом. Вот дальше — ничего не помню. А что со мной было-то?

Павел Андреевич поведал Ганцу-Матвею о событиях последних двух дней. Егорыч добавил, что прошлого дня, выйдя с командой «Артемиды» в город, «голландец» остался в первом же трактире и отмахнулся от матросов, предлагавших пойти с ними. Несчастный тер лоб и тряс буйной головошкой, но так и не смог восстановить хотя бы крупицу событий, произошедших с ним. Павел Андреевич спросил Матвея и о Якобе. Оказалось, тот был знаком с контрабандистом и его сестрой и даже нанимался к нему несколько раз на работу в «небольших предприятиях», а потому место, где Якоб может прятать лодку, обещал показать.

С Престоном Матвей тоже сталкивался неоднократно, и преследование лейтенантом бродяги и пьяницы «Ганца» послужило причиной тому, что тот ушел в глубь страны. С тем, что Якоб мог заколоть Престона, он согласился и безжалостно добавил, что с радостью посодействовал бы столь благому делу.

— Эх, Матвейка, — покачал головой Егорыч, — а ведь Престон вчерась великодушие проявил — отпустил тебя. Даже в камеру не бросил, продержал ночь в караулке, да и выгнал.

Матвей вдруг насупился и начал загибать пальцы на левой руке, что-то бормоча. Боцман и капитан переглянулись.

— Братцы, а я в забытии что-нибудь говорил? — выдавил из себя Матвей.

— Якоб сказывал, ты о богатстве своем талдычил по-голладски.. А что с тебя взять-то — лыка не вязал.

— Но это правда! — со всей силы стукнул кулаком по столу Матвей. — Я чего в Каапстад-то воротился? Понимаете, золотишко у меня завелось, и немалое.

Павел Андреевич и Егорыч не поверили, но Матвей, неожиданно протрезвев, рассказал им историю о том, как взялся хозяйствовать на берегах Лимпопо, завел огородик, в котором однажды нашел россыпь золотого песка. Такое уже случалось прежде — находили фермеры, но всегда понемногу. Матвей же набрал песка изрядно — полный кожаный кошель. Впервые в жизни ему улыбнулась удача. И отправился он в город, чтобы обменять песок на деньги. Но прежде решил отпраздновать, и... больше ничего не помнил.

— Я, братцы, признаться, уж подумал, что привиделось мне золото. Вчерась все пытался понять — было, али не было. Но вот вам крест, — Матвей истово перекрестился, — с золотишком я приехал. А только теперь его нет.

Павел Андреевич вдруг замер, глядя прямо перед собой. Потом вскочил и хлопнул ладонью по столу:

— Я все понял! Это же... Я должен был сразу увидеть!

— Что с вами, Пал Андреич?

— Смотри, Егорыч! Рост убийцы, ножны в шкафчике, порядок в комнате. А еще Якоб переводил слова Ганца, когда всех арестовали. И то, что ты назвал «великодушием Престона». И то, что вам удалось так легко вывести Якоба из тюрьмы. Ты понимаешь?

Егорыч сдвинул шапку на затылок и присвистнул:

— Да, кажись, становится яснее...

— Скажи, сколько сейчас бочек с водой на шлюпе?

— Пять. — Егорыч посмотрел на бухту и покачал головой: — Маловато будет, Пал Андреич.

— Продержимся. Другого такого случая может не быть. Смотри — ночью будет небольшой шторм. И Ганца Сидорова не забудь — пропадет без нас.

— Да я сам от вас тепереча никуда, барин!

— Слушаюсь, господин капитан! — одновременно ответили боцман и Ганц-Матвей.

Если сержант Бринкс и удивился, когда команда «Артемиды» в полном составе вернулась в тюрьму задолго до наступления сумерек, то виду не подал. Дел у него было по горло — помимо расследования убийства Престона надо было выполнять обязанности лейтенанта. Потому он очень неохотно согласился встретиться с русским капитаном. И еще более неохотно проследовал за ним в комнату Престона.

— Что вам угодно, сэр? — сухо спросил сержант.

— Мне угодно немедленно вызвать сюда господина губернатора. Иначе моя команда поднимет бунт.

— Хорошо, но я должен буду объяснить его превосходительству столь необычное приглашение. Потрудитесь обосновать его, сэр.

— Я должен рассказать ему, как погиб лейтенант Престон. Именно здесь, чтобы привести доказательства.

— Какие доказательства? — облизнул губы Бринкс.

— Доказательства, что ни Якоб, ни, тем более, его сестра не могли заколоть Престона. Только один человек мог это сделать — вы, Бринкс! Престона убил человек нашего с вами роста, лейтенант совершенно не боялся его и подошел к нему близко. Все знают, что вам он поручил заботиться о его коллекции, поэтому кинжал в ваших руках не просто не пугал его, а выглядел вполне буднично. Меня сразу насторожило, как это Якоб вошел к Престону и нашел «крис». Ведь ему надо было осмотреть комнату, открыть дверцы шкафчика, достать кинжал из ножен, ничего не сдвинув на полке, положить их обратно... И все это время Престон спокойно наблюдал за ним?

— Вы с ума сошли, капитан! Зачем мне убивать своего начальника? Пока я заменяю его, но меня могут и отправить в отставку раньше времени — разбирательства мне не избежать!

— Полагаю, отставка вас не сильно огорчила бы, Бринкс. Ведь не с пустыми руками вы намерены покинуть службу. Золото — то самое, которое привез в город Ганц. Вы стояли рядом с нами, когда Якоб перевел слова Ганца о богатстве. И вы сообщили об этом Престону. Он нашел золото и забрал его себе. Поделится ли он с вами? Наверное, кинул кость, но это были лишь жалкие крохи. А ведь именно вы догадались о золоте! Престон перешел грань, и ваше терпение лопнуло. А теперь я собираюсь предъявить доказательства губернатору.

Глаза Бринкса бегали, лоб его покрылся бисеренками пота.

— Нет, даже не думайте! Вам не удастся избавиться от золота. Вы же носите его с собой — другого выхода у вас нет. А кошель Ганца — веское доказательство, не так ли?

— Чего вы хотите, капитан? — хрипло спросил сержант. — Я сделаю все что угодно.

— Наш разговор становится более приятным. Сейчас вы выведете нас из крепости — мою команду и Анки — и сопроводите к шлюпу. Насколько я помню, береговая охрана на ночь от «Артемиды» уходит. И учтите — у нас есть письмо к вашему губернатору. Если со мной вдруг что-то случится, мои матросы вас не пощадят.

— А вы отпустите меня?

— Зависит от обстоятельств. Но вы же понимаете: если нам удастся выйти из гавани, снести с вашим начальством будет несколько затруднительно. Действуйте, сержант! Ваши подчиненные не должны усомниться в правомерности ваших поступков.

Заметно потухший Бринкс приказал вывести русских матросов из тюремного двора, а когда один из охранников переспросил, свирепо гаркнул:

— Приказ коменданта! Выполняйте!

Чтобы сержант в темноте не попытался сбежать, матросы окружили его плотным кольцом. Пока добирались до порта, Бринкс что-то злобно бормотал, и Павел Андреевич, прислушавшись, усмехнулся:

— А! Сержант надеется, что мы не сможем добраться до шлюпа на рейде. Его ждет большое разочарование.

Ветер усиливался, зарядил дождь, и Егорыч радостно выкрикнул:

— Самое оно — погодка-то, братцы!

До порта добрались быстро — он находился в четверти часа ходьбы от главной площади Кейптауна. В порту не было не только береговой охраны, которая забралась в сухую караулку, но даже патрулей, обязательных в военное время. Но порт не был безлюден — русских моряков встретило около десятка небольших суденышек, храбро сопротивляющихся прибою.

— Сюда, кэп Пауль! — раздался крик с одного из них.

Анки, которая до сих пор тихо шла рядом с Павлом Андреевичем, побежала на зов и легко, как птичка, перепрыгнула в лодку брата.

— Загружайтесь, братцы! — рядом с Якобом стоял веселый и совершенно трезвый Ганц-Матвей.

Пока матросы рассаживались по суденышкам кейптаунских контрабандистов, Егорыч обыскал сержанта и нашел во внутреннем кармане его мундира кожаный кошель.

— Нехорошо брать чужое... Сэр, — укоризненно покачал головой боцман.

Перевода Бринкс не потребовал. Его силком усадили в лодку Якоба, но связав ему руки на всякий случай. Капитан обещал, что Якоб, выведя шлюп из гавани, высадит его в предместьях Кейптауна. Лодки дружно двинулись к «Артемиде». Удивительно, как слаженно действовали контрабандисты, как уверенно вели суденышки — в шторм, в темноте, под дождем!

— Павел Андреевич, если по правде, так надо, чтобы Якоб очистил свое имя от обвинений. Отдать бы ему ваше письмо, чтобы губернатор рассмотрел все дело беспристрастно. Тогда золото надо предъявить как доказательство.

Якоб, ловко управляющий парусом, выкрикнул:

— Ничего не получится! Губернатор все равно прикажет меня повесить. Кто я для них?

— Это верно, — согласился Павел Андреевич, — к тому же золото принадлежит нашему Ганцу. И по закону, и по правде.

— А пес с ним, с Бринксом, — сплюнул Егорыч, — все одно перед Божьим судом окажется — там, чай, не забалует.

Перед подъемом на борт Павел Андреевич попрощался с Якобом и его сестрой. Матвей придерживал веревочную лестницу для капитана.

— Будь осторожен, Якоб, не попадайся больше англичанам.

В темноте сверкнула белозубая улыбка.

— Они не знают наш Каапстад, а я тут родился, кэп Пауль.

Егорыч по-отечески обнял брата и сестру:

— Храни вас Бог, ребяташки! Эх, Пал Андреич, надо им золото Матвейкино отдать! Ведь он пропьет-прогуляет. Не доведет оно его до добра.

— Это хозяину решать. Что скажешь, братец? — прокричал капитан Матвею.

— Прав Егорыч, барин, — махнул тот рукой. — Без него я работать стану, а с ним...

Боцман вложил в руку Анки кошель под зубной скрежет связанного сержанта Бринкса.

Русские матросы, оказавшись на шлюпе, работали как один человек — рубили якорные цепи, ставили паруса. Темнота, дождь и ветер сейчас были их лучшими друзьями, скрывавшими выход шлюпа в открытый океан. А там... Они не знали, что ждало впереди, какие трудности встретят их на пути домой, сколько дружеских гаваней надо посетить и сколько вражеских обойти стороной. Но сейчас они были счастливы, борясь со штормом.

Павел Андреевич, зайдя на капитанский мостик, сколько мог, высматривал лодку Якоба, пока она не исчезла среди волн. Потом он подставил лицо струям дождя и крикнул, что есть мочи:

— Поднять Андреевский флаг!

Когда небольшое полотнище заколыхалось на ветру, Матвей Сидоров широко перекрестился и выдохнул:

— Спасибо Тебе, Царица Небесная! □

Елена Чулкова

КАРУСЕЛЬ СЛАДОСТЕЙ

Дракон и вертолет, нарядные принцессы, шляпки и туфельки, птицы и райские цветы...

Более 150 неповторимых тортов испекла за время кондитерской практики Любовь Кононенко, уроженка станицы Селивановской Ростовской области.

КАК КРЕМ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СКАЗКУ

Интерес к кулинарии возник у Любы в ранней юности. Сладкое в детстве, как правило, все любят, и она не исключение. Пробовала готовить разные блюда, но больше всего нравилось печь. Часто наблюдала, как мама стряпает, и переняла от нее кое-что. В школьные годы на каждый свой день рождения пекла пироги и торты, чтобы угостить ими одноклассников. Пригодилось и умение рисовать со школьных лет. С возрастом желание заниматься выпечкой возрастало. Любимое хобби сказалося на выборе профессии. После школы она, не раздумывая, поступила в профессиональное училище и

успешно закончила обучение в 2004 году по специальности повар-кондитер 4 разряда. Практику проходила на местной Селивановской хлебопекарне, где и работала по окончании училища. Выпекала сдобу, а затем и торты в цехе по их изготовлению вместе с коллегой Натальей Горшковой, которая делилась зна-

ниями, показывала, как украшать изделия.

— Очень благодарна Наталье за ее советы, — рассказывает Люба. — Мы и сегодня общаемся, обмениваемся опытом, рецептами, выпекая на дому. Тем более, что мне всегда был

интересен процесс превращения обычного сливочного или белково-заварного крема или мастики в удивительные сюжеты. Хотелось все делать своими руками, экспериментировать. Вдохновляет поддержка родных в реализации новых идей.

На досуге она составляет стильные букеты из конфет, сладкие икебаны. А еще занимается бисероплетением. Предмет гордости хозяйки

и любимец ее двухлетней дочери Софии — яркий павлин из пластика, украшающий двор. Но, освоив кондитерское ремесло, Любовь буквально «заболела» тортоманией. Ее фантазия беспредельна, и идей — громадье. Нашла себя в кропотливом, хлопотном, но приятном деле, а значит, мечта детства сбылась.

— Украшать торты, придумывать композиции на изделиях — моя сла-

Поначалу Люба радова-
ла вкусеньким близких,
пекла в подарок кумовь-
ям, крестным и крестникам,
коллегам, соседям. Готови-
ла не только торты, но и де-
серты, кексы, куличи, пи-
рожные, другие сладости.
Сегодня ни один день рож-
дения дома не обходится
без Любиного тортика, с
которым сначала все фото-
графируются, а уж потом
пробуют. Недаром говорят,

бость, — признается кулинар со стажем из сельской глубинки. — Продукты использую традиционные, домашние, свежие. Рецепты как опробованные, проверенные, оцененные родными, так и новые, оригинальные. Какие-то идеи черпаю из Интернета и книг. Их у меня собрано немало в домашней библиотеке. С коллегами по цеху также обмениваемся опытом. Но стараюсь придумывать что-то особенное.

что самый лучший подарок тот, который сделан с любовью в домашних условиях своими руками, с заботой и теплом. Для нее такое занятие не в тягость, а, наоборот, возможность отдохнуть.

Со временем к ней стали обращаться друзья, знако-

мые с просьбой сделать необычный тортик на семейный праздник, и Люба никому не отказывает.

— Представляю, как радуются люди при виде таких неожиданных сюрпризов, особенно детки, — говорит она. — Да и какое настроение без праздничного торта, уместного по любому случаю? Поэтому хочется угодить имениннику. А когда полученный результат доставляет окружающим радость, на сердце теплеет.

Ее шедевры, разнообразные по форме, цвету, весу, и глаз радуют, и

по вкусу приходятся всем, кто их отведал. Судя по отзывам в соцсетях, люди искренне благодарят мастерицу, восхищаются работами. Наивысшая похвала — душевные слова от окружающих, которые творческому человеку всегда приятно слышать, они, к тому же, придают уверенности в работе.

Каждый ее торт по-своему хорош. Самый объемный — многоэтажный свадебный торт с лебедями. Это настоящее произведение искусства весом 16 с половиной килограммов и высотой около полутора метров! Не менее интересны и другие свадебные торты с женихом и невестой, кольцами, с шикарными цветами для невесты, а также приготовленные

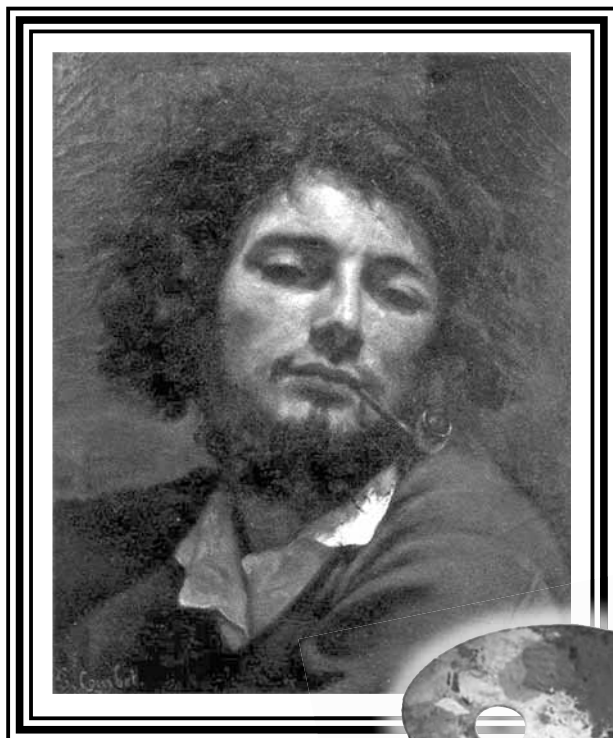

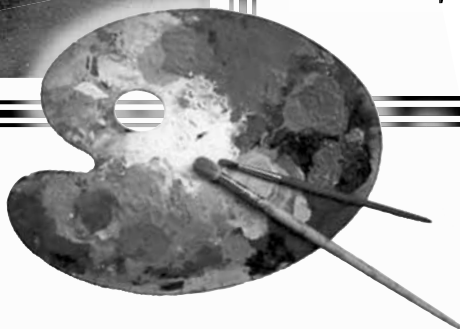
к деревянной, серебряной, золотой или изумрудной свадьбе. Самый миниатюрный в ее практике — торт-цветок — весил два килограмма. Еще меньше — куклы в роскошных платьях весом чуть больше килограмма.

Но торты хозяйка мастерит не только к свадьбам, но и к именинам, крестинам, ко Дню влюбленных, накануне Дня танкиста, к 23 февраля и 8 марта, в преддверии первого и последнего звонка, для первокурсников и выпускников, для призывников и отслуживших. Знаменательных дат, отраженных на тортах, не счесть. О дате свидетельствуют цифры. Какой повод, такое и название работы. Среди тортов не найти одинаковых. Не похожи друг на друга шоколадные тувельки для романтических и мечтательных натур из се-

рии «Для Золушки», сумочки, корзинки, дамские шляпки, роскошные букеты, почтовые конверты. К примеру, торт для землячки-швей в виде швейной машины не отличить с первого взгляда от ее реального прообраза. Как настоящая смотрится и яркая сладкая гармошка, из-готовленная к 30-летию народной фольклорной группы «Горница». А еще на тортах изображены разные персонажи: человечки и животные, птицы и насекомые, божья коровка, зайки, мишки и даже дракон. Удивляет и чудо-техника: самолеты, вертолеты, автомобили, трактора, паровозы, парусники, веселые карусели. Люба, конечно, учитывает предпочтения и пожелания виновника торжества относительно сюжета, но многие полагаются на ее вкус и кулинарный талант. □

*Гюстав Курбе.
Автопортрет*

Скандалист КУРБЕ

и его шедевры

Всю жизнь этого художника сопровождали скандалы — и тогда, когда он показывал свои картины публике, и тогда, когда занимался политикой. Уж такой он был человек — резкий, дерзкий, эпатажный, не признающий никаких авторитетов и ценивший лишь свой талант. Пьяница, неотесанный мужлан, способный на откровенную грубость, но при этом красавец, пользовавшийся любовью дам. Звали его Гюстав Курбе. В 1851 году он выставил на всеобщее обозрение грандиозное полотно «Похороны в Орнана», вызвавшее настоящую бурю эмоций и в душах высококолых критиков, и в среде простых любителей искусства.

Курбе родился в 1819 году в Орнана, небольшом городке в восточной части Франции, в семье состоятельного землевладельца Элеонора Режи Курбе, всю душу вкладывавшего в свои виноградники. Мсье Курбе мечтал, что его единственный сын (у Гюстава было четыре сестры) окон-

чит Политехническую школу, станет серьезным человеком, но тот думал только о карьере художника и, уехав в 1839 году в Париж, тут же поступил в художественную школу — Академию Сюисса. Однако очень скоро стало очевидно, что Гюставу практически нечему там учиться —

его представления о том, как писать картины и что изображать, уже фактически были сформированы в годы учебы в Орнани, в местной художественной школе мэтра Флажуло, где юного Курбе называли «королем красок». Живя в Париже, он создал свои первые шедевры — кстати, часто писал себя, любимого, и на этих портретах перед нами предстает очень симпатичный молодой человек с горящими глазами и буйной

шевелюрой. Он был очень хорош, недаром имел успех у девушек.

Узнав о кончине деда (с материнской стороны) мсье Жана-Антуана Удо, Гюстав тут же поехал в Орнан проводить его в последний путь. Дед был участником революции 1789 года и сохранил свой бунтарский дух до конца дней. Они, дед и внук, много проводили времени вместе, старый Удо рассказывал о своей бурной молодости... Он ока-

зал сильное влияние на Курбе, и недаром Гюстав называл себя «республиканцем по рождению». И вот теперь его не стало...

Похороны деда стали сюжетом одной из самых знаменитых и — самых скандальных картин Курбе. Работая над этим гигантским полотном (3,14 x 6,65 м!), в мастерской, оборудованной для него отцом на чердаке в доме Удо в Иль-Басс, Курбе и не подозревал, какой шум

и возмущение вызовет это его творение. «Историческая картина одного погребения в Орнате» — так он сам назвал этот шедевр, подчеркивая его подлинность, документальность. Впоследствии картину стали называть короче — «Похороны в Орнате».

На «Похоронах в Орнате» изображено около 50 человек в натуральную величину, половина из них — родственники, друзья и знакомые

художника. Попозировать ему сочли за честь почти все жители городка. Некоторые его земляки даже готовы были обидеться, если Гюстав не планировал поместить их на картину.

В письме своему другу, писателю и критику Жюлю Шанфлери Курбе рассказывал:

«Уже позировал мэр, весящий сто шестьдесят килограммов, мировой судья, крестonosец, нотариус, помощник мэра Марле, мои друзья, отец, мальчишки-служки, могильщик, два старика — современники революции... собака, покойник и те, кто несет гроб, церковные сторожа (у одного из них нос, как вишня, но длиной в тринадцать сантиметров и соответственной толщины), мои сестры, другие женщины и т. д. Я, правда, хотел обойтись без причетников, но ничего не вышло: меня предупредили, что они обижаются — мол, из всех, кто связан с церковью, я обошел только их. Они горько жаловались, уверяя, что не сделали мне ничего худого и не заслуживают такого пренебрежения».

Итак, вот герои картины:

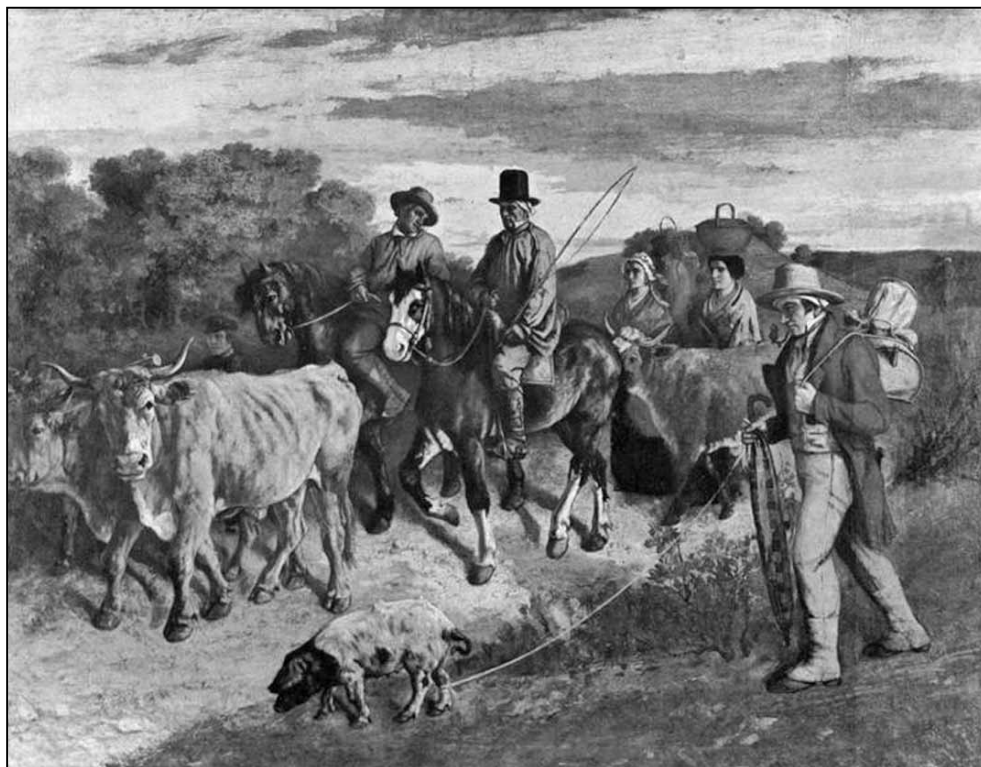
Священник читает заупокойные молитвы, могильщик (это Антуан Джозеф Кассард, сын сапожника), положил куртку и шапку на края ямы, которую только что вырыл, и ждет, когда поднесут гроб, который держат четыре носильщика в черных одеждах (сапожник, владелец фермы и друзья Курбе, музыкант и землевладелец. В левом углу холста за носильщиками Курбе изобразил деда

Удо — он как бы следит за своими похоронами, чтобы все прошло как следует. Тут и два церковных служки с красными физиономиями, явно уважающие спиртные напитки. (Многие критики обвиняли Курбе за эти красные лики священников в клевете на церковь.)

На картине и известный в Орнане богатый винодел, и мэр города Просперс, и бывший жандарм, и богатый мельник, и местный адвокат, друг Курбе. В память о деде-бунтовщике на картине появляются два революционера — они в одежде, типичной для участников Великой французской революции. Конечно, есть и дамы — мать, три его сестры и даже маленькая кузина Гюстава.

И вот картина закончена. Вместе с другими пятью полотнами — «Дробильщики камня», погибшие во время Второй мировой войны в Дрездене, «Флажейские крестьяне возвращаются с ярмарки», «Автопортрет с трубкой», «Апостол Жан Журне, отправляющийся на завоевание мировой гармонии» (Курбе любил такие длинные названия) и портрет Берлиоза — она предстала перед парижанами на Салоне, открывшимся 30 декабря 1850 года. И вызвала всеобщее возмущение, даже гнев! Да что это такое! Как он посмел! Разве это похороны? Двадцать метров густо записанного полотна, пятьдесят пьяных рож, гигантизм безобразия! Как это уродливо! Да это пасквиль на французский народ! Критики были просто в ярости. «Критик Виньон писал: «Огромное

*«Флажейские
крестьяне
возвращаются
с ярмарки»*

черное полотно, занимающее много места, сразу же привлекает к себе внимание... В самом деле, это удивительно безобразно. Представьте себе полотно размером в восемь или десять метров, которое кажется вырезанным из другого полотна в пятьдесят метров, потому что все персонажи, выстроившиеся как по линейке на переднем плане картины, находятся в одной плоскости и как бы представляют эпизод огромной декорации. Нет перспективы, расположения, композиции, все правила искусства опрокинуты и облиты презрением. Можно увидеть черных мужчин, фигуры которых наклеены на фигуры черных женщин, а позади причетники и могильщики с гнусными физиономиями...» Теофиль Готье с присущей ему иронией заметил: «А может это

вообще мистификация? Неясно, следует плакать или смеяться. Что хотел сделать автор — карикатуру или серьезную картину?.. Фигуры женщин как будто настраивают на серьезный лад, но два причетника с пылающими рожами, пьяным видом, красными мантиями и расширяющимися кверху колпаками столь комичны, что им может позавидовать Домье... Есть еще головы, напоминающие своим странным рисунком и цветом вывески табачных лавок и зверинцев...»

Курбе как мог оправдывался, и оправдание его было весьма своеобразным:

«Они не были красивы, и я не мог сделать их красивыми». «Уверю Вас, я взираю на людей с любопытством, как на лошадь, дерево или какой-нибудь иной объект природы — не

«Купальщицы»

Справа:
«Здравствуйте,
господин Курбе!»

больше. Поэтому я уже давно перестал сердиться в этом смысле: уверяю Вас, я обрел спокойствие. Более того: этим людям суждено сделать меня счастливым, ибо, внимательно изучая их, я все больше различаю среди них всевозможные разновидности, и это наполняет меня радостью, ибо означает их превосходство над лошадьми». Реалист...

Критики слагали эпиграммы о творчестве художника. Но у Курбе оказались и заступники. Эти люди увидели в полотне революционность, свежий взгляд и художественное мастерство. Они сражались за него, не жалея времени и сил. И Кур-

бе, поначалу растерявшийся от такой реакции на его «Похороны в Орнана», снова обрел уверенность в себе. «Я — реалист, то есть искренний друг подлинной правды», — говорил он. — «Похороны в Орнана» — это похороны романтизма, это манифест демократического реализма. Я преодолел традицию, как хороший пловец переплывает реку. Академики в ней тонут».

Но ему очень хотелось, чтобы его картины нравились. И для Салона 1853 года он написал «Купальщиц». Может, его красавицы придутся по нраву парижанам больше, чем красноносые служки из Орнана. Однако

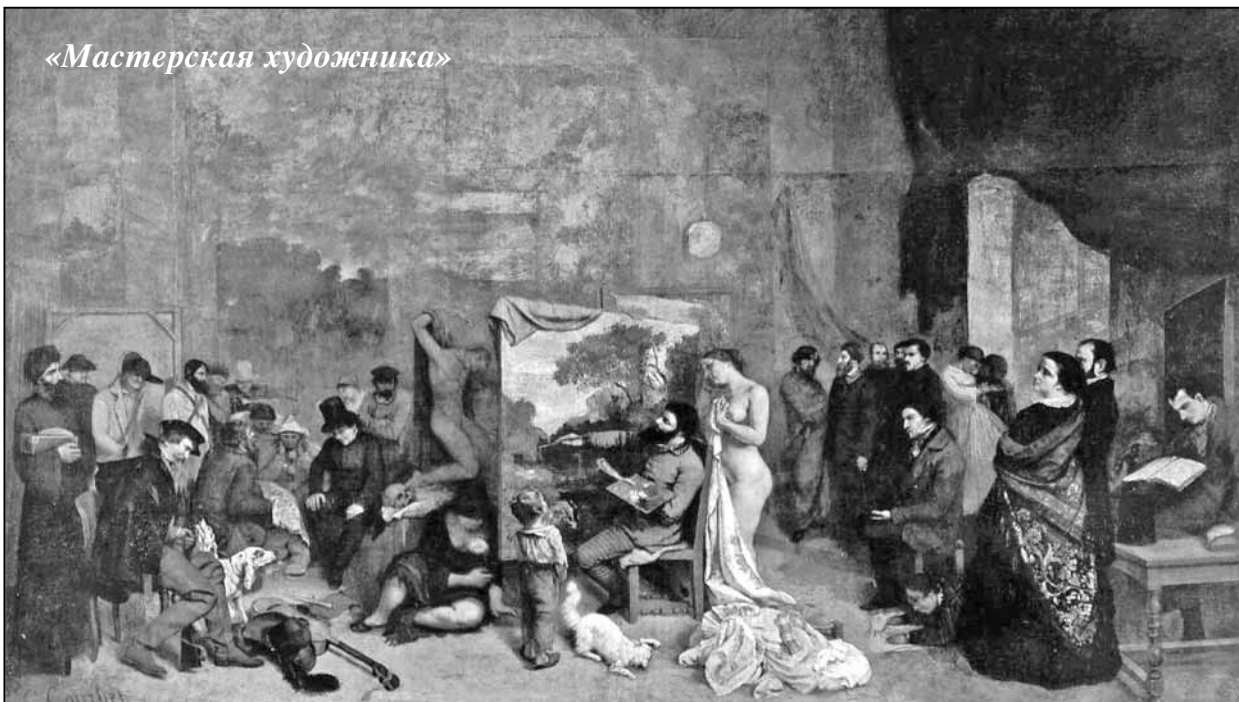
его очаровательная пышнотелая купальщица вызвала очередной скандал. Рассказывали, что перед открытием Салона император ударил хлыстом по картине, императрица, похвалив мощные кобылки крупы на картине Розы Бонер «Продажа лошадей», взглянув на картину Курбе, сказала: «А это что — еще одна ломовая лошадь?»

Картина, так не понравившаяся императору и его супруге, очаровала Альфреда Брюя, мецената из Монпелье, и он купил ее. С тех пор началась большая дружба между Курбе и этим замечательным, искренним и очень добрым человеком, сыграв-

шим большую роль в жизни художника и поддерживавшим его на протяжении многих лет. Курбе изобразил Брюя на знаменитой картине «Здравствуйте, господин Курбе!»

А осенью 1854 года он приступил к работе над еще большим полотном, чем «Похороны» — «Мастерская художника, реальная аллегория, характеризующая семилетний период моей жизни». На этой картине он, конечно же, изобразил себя, любимого, за мольбертом, покойного деда Удо, приятелей детства музыканта Промайе и поэта Макса Бюшона, своих друзей философа Прудона, Бодлера и Брюя, и обнажен-

«Мастерская художника»

ную натурщицу — видно, была в его жизни такая красавица-натурщица, может, и не одна... А еще тут самая разнообразная публика, от попрошайки до банкира.

Конечно же, и это творение Курбе было осмеяно, и только Делакруа сказал: «Салон отверг одну из самых замечательных работ нашего времени».

И «Похороны», и «Мастерская» не были оценены правительством — их не взяли в отдел французской живописи на Всемирной выставке изобразительного искусства. И тогда оскорбленный Курбе с помощью верного Брюйя построил помещение, по сути барак, прямо рядом с официальной выставкой, назвал его «Павильоном реализма» и вывесил там 40 своих полотен. «Быть в состоянии выразить нравы, идеи, облик эпохи в соответствии с собственной оценкой, быть не только худож-

ником, но и человеком, одним словом — творить живое искусство — такова моя задача. Я никому не подражаю, и, если хотите знать, кто я — я курбетист, вот и все!» — написал он в каталоге своей выставки.

В 1870 году в Париже была провозглашена республика. Конечно же, бунтарь Курбе, внук своего деда-революционера Удо, встал на сторону коммунаров. Его, уже признанного живописца, избрали на высокую и почетную должность — президента Комиссии изящных искусств и главы федерации художников. И тут случился еще один скандал, связанный с его именем — он предложил убрать Вандомскую колонну, символ войн и тирании, как полагал художник. Правительство Коммуны пошло еще дальше — было принято решение разрушить памятник тирании и деспотизма французских монархов.

Когда Коммуна пала (уже в мае 1871 года), Курбе, как одного из основных деятелей революции, арестовали. Ему пришлось отсидеть в тюрьме 6 месяцев, к тому же заплатить штраф — 1500 франков. Выйдя на свободу, он попал в госпиталь — здоровье его было весьма подпорчено всем пережитым. Подлечившись, Гюстав уехал в свой родной Орнан. Но власти в Париже не забыли, что он был инициатором разрушения Вандомской колонны. Так считалось, хотя Курбе на самом деле просто предлагал убрать колонну куда-нибудь подальше. В общем, его сделали ответственным за все, подвергли всяческим нападкам, а затем арестовали его имущество, продали его мастерскую и выставили счет на оплату восстановления колонны, причем немалый — 323 000 франков! Но самое отвратительное то, что власти начали войну с его картинами — их изымали из музеев и частных собраний! Его работы тоже оказались врагами народа. Курбе вынужден был просить друзей спрятать какие-то полотна, а 60 картин, которые не смог пристроить, сжег! «Я продам свои поля и виноградники, но им не достанутся мои картины!» — восклицал он.

В 1873 году друзья помогли Курбе бежать из Франции — другого выхода не было, новое правительство не позволило бы ему спокойно жить. Он уехал в Швейцарию и снова писал картины — в основном пейзажи... Однако бурное прошлое и неуемность во всем — в работе, в образе жизни

(сын винодела, он выпивал в день до 12 л вина!), в страстях — дало о себе знать. Великий французский художник Гюстав Курбе скончался 31 декабря 1877 года на руках своего отца.

Он умер, но нападки на него продолжались. Его ненавистники не могли успокоиться и после его смерти. «Самое лучшее, что можно сделать по отношению к Курбе, это его забыть!» — восклицал один из ведущих парижских критиков. Курбе называли деревенщиной в живописи, тщеславным нахалом, «сосудом глупости». Как только не оскорбляли уже ушедшего в мир иной художника! А правительство цинично жаждало вытащить из его наследства как можно больше денег на восстановление Вандомской колонны. И тогда Жюльетта Курбе, сестра художника, сделала жест, ставший прекрасной мезью всем ненавистникам ее брата. 8 декабря 1881 года она принесла в дар Лувру «Похороны в Орнане» с лаконичной запиской: «Мадемуазель Жюльетта Курбе, которая небогата, дарит эту картину Государству». Картину, где он честно, без прикрас, изобразил свой народ таким, каким он его видел.

Сегодня полотна Курбе, столь часто становившиеся причиной громких скандалов, украшают лучшие музеи мира. Сегодня он — гордость Франции, когда-то изгнавшей не только его со своей земли, а самые его главные картины, и среди них «Похороны в Орнане», «Мастерская художника» и «Происхождение мира», висят рядом в музее Орсе. □

Юрий Прокопчук

Даешь стране угля!

Небольшой ярославский городок Данилов, что расположился на пути из Москвы в Вологду, не избалован вниманием туристов. Между тем, в его неспешно-тихой провинциальности есть свое очарование, особый уют и шарм. Гуляя по старинным даниловским улочкам, незаметно погружаешься в прошлое нашего Отечества. А там... оказывается столько всего интересного и удивительного!

*Рудознатец
Григорий Григорьевич Капустин*

Хотя официально статус города Данилов получил в 1777 году, при Екатерине Великой, село Даниловское было известно еще со времен средневековья. А сколько, оказывается, связано с Даниловым известных людей! Причем не только на региональном уровне, а в масштабах всей страны.

А знаете ли вы, к примеру, что именно из Данилова был родом Григорий Григорьевич Капустин, легендарный русский рудознатец эпохи

Петра Великого? Ведь именно с именем даниловского уроженца Капустина связано начало угледобычи и интенсивного промышленного освоения Донбасса.

Григорий был геологом-самоучкой: еще в юном возрасте, во многом благодаря отцу, смысленный парнишка увлекся розыском руд вблизи родного села. Но затем поднаторел в этом искусстве и вскоре был вызван в столичный Санкт-Петербург, где, с одобрения

Сената, встал под начало Василия Лодыгина, руководителя профессиональной команды рудознатцев. В течение пяти лет (1715–1720) Капустин производил розыски железных руд и иных полезных российской державе минералов в Устюжне Железнопольской, Бежецке, Костроме, Вологде и Ярославле. А на излете петровской эпохи, в 1721–1725 годах, Григорий Капустин вместе со своей командой по поручению Петра Великого провел серию геологоразведочных работ и доказал наличие на Донбассе огромных запасов каменного угля.

Экономика созданной Петром Великим империи остро нуждалась в модернизации промышленности: для бурно растущей отечественной металлургии с каждым годом требовалось все больше и больше горячего топлива. И потому скорейшая замена повсеместно применявшегося тогда древесного угля на каменный была более чем актуальна и востребована.

По легенде, впервые Петр I познакомился с каменным углем в 1696 году, в ходе второго Азовского похода. Тогда юный царь смог перерубить турецкий замок, запиравший для России выход к Азовскому и Черному морям. Взяв тогда в свою огромную лапищу черную внушительную каменюку, дававшую, как говорили, при горении сильный жар, царь-плотник изрек ставшие пророческими сло-

ва: «Сей минерал нам зело полезен будет».

Так что геолого-минералогические розыски команды Григория Капустина в Воронежской губернии (а именно к ней относилась тогда большая часть нынешнего Донбасса) пришлось как нельзя более кстати. Выехав осенью 1721 года на юг страны, в районы, расположенные по течению Дона и Северского Донца, подъячий Капустин вскоре обнаружил вдоль течения реки Кундрючьей (приток Дона) большие залежи горюч-камня (так на Руси издавна называли каменный уголь). И уже в начале следующего, 1722 года возвратился в столицу с докладом о счастливой находке.

Обрадованный открытием месторождения, сулившего для России большие перспективы, российский император вскоре издал указ:

«На Дон, в Казачьи городки и в Оленьи горы, да в Воронежскую губернию, под село Белогорье, для копания каменного угля и руд, которые объявил подъячий Капустин, из Берг-коллегии послать нарочного, и в тех местах, того каменного угля и руд в глубину копать сажени на три и больше и, накопав пуд по пяти, привезть в Берг-коллегию и опробовать. И в оном компании руд и угля, о вспоможении к губернатору Измайлову послать указ».

Практическое исполнение данного указа легло...правильно, на плечи Григория Капустина. Вскоре он вновь отправился на юг россий-

ских земель, то бишь на Дон в Казачьи городки (район современных городов Шахты Ростовской области и города Лисичанска Луганской области). Согласно заданию Берг-коллегии, столичному рудознатцу было поручено: «производя разведки, должен копать шурфы глубиной в 9 сажен и больше и отбирать образцы, испытания которых должна производить в Москве Берг-коллегия». Кроме того, Капустин вместе со своей командой должен был собрать и привезти в Москву по пять пудов угля из каждого(!) открытого шурфа.

Уже находясь на Дону, столичный геолог получил дополнительное указание: разведать «земляное уголье» близ слободы Бахмут (ныне город Бахмут Донецкой области), о залежах которого сообщили в Берг-коллегию проживавшие там казаки Изюмского слободского полка.

Отобранные Капустиным пробы каменного угля с бассейна реки Северский Донец, были направлены проживавшему в России «кузнечному мастеру» голландцу Марку Рееру. Для вынесения итогового вердикта, так как иностранец считался большим докой в этом деле. Он и сказал, как припечатал: обнаруженный на Донбассе Капустиным уголь никуда не годится. Вообще. Совсем. Ни для отопления, и уж тем более для производственных целей:

«Иноземец, кузнечный мастер, Марк Реер сказал: который де зем-

ляной уголь дан ему пробовать, который взят в Воронежской губернии в донских городках, сысканной доносителем подъячим Григорием Капустиным, и он Реер тот уголь пробовал, и по пробе явилось, что от одного угля действия никакого не показалось, только оный уголь в огне трещит и только покраснее, а жару от него никакого, и как вынешь из огня, будет черно как впервой, разве де в том месте, где оный уголь бран, выкопать того места глубже и не будет ли лучше, каков годной голландской уголь».

Сказать, что Григорий Капустин был сражен подобным вердиктом буквально наповал — значит, не сказать ничего. Ведь он был твердо убежден в высоком качестве найденного им на Донбассе каменного угля. А ему, именитому рудознатцу, мало что Берг-коллегия не выплатила абсолютно никакого вознаграждения за тяжелый многомесячный труд в полевых условиях, так еще и...арестовали, надуманно обвинив в «утаивании письма о злоупотреблениях уездных чиновников». Хорошо, что ненадолго.

А на самом деле донбасский уголь был превосходного качества. Голландец Реер просто-напросто, наплевав на все правила приличия, понятия морали и профессиональной чести, совершил банальный подлог. Деньги ведь не пахнут, а Марк Реер был тайно связан с крупными нидерландскими торговыми конторами, выгодно торго-

вавшими «годным голландским углем» и старавшимися воспрепятствовать развитию его добычи в России. Бизнес, просто бизнес, ничего личного.

Однако уверенный в своей правоте Григорий Капустин не сдался, так как был твердо убежден: обнаруженный им донецкий уголь превосходнейшего качества и прекрасно подходит как для металлургических заводов, так и для кузнеч-

ли и сказывали, что от него великой жар, а в Санкт-Петербурге по пробе иноземцы подписались, что будто жару от них нет, знатно, не сущую пробу чинили».

На счастье российского рудознатца, истовый патриот Отечества Петр Великий был кровно заинтересован в обнаружении и промышленном освоении отечественных запасов каменного угля, а не в по-

По легенде, впервые Петр I познакомился с каменным углем в 1696 году, в ходе второго Азовского похода. Тогда юный царь смог перерубить турецкий замок, запиравший для России выход к Азовскому и Черному морям. Взяв в свою огромную лапищу черную, внушительных размеров, каменюку, дававшую, как говорили, при горении сильный жар, Петр изрек ставшие пророческими слова: «Сей минерал нам зело полезен будет». Так что геолого-минералогические розыски команды Григория Капустина в Воронежской губернии оказались как нельзя более кстати

ных цехов. Тогда по личному почину и за собственный кошт он отослал образцы донецкого угля в Тулу на пробу к знаменитым мастерам кузнечного дела, а итоговый вердикт сообщил в Берг-коллегию: «З каменного угля, взятого в казачьем городке Быстрианске, и в Туле, и в Москве пробы чинили. Делали кузнецы тем каменным одним углем топоры и подковы новые, и они, кузнецы, то уголье похвали-

кушке дорогого сырья, порою весьма сомнительного качества, за границей. Император решил лично разобраться в сложном и запутанном вопросе и в итоге высоко оценил служебное рвение и затраченные Григорием Капустиным усилия по открытию каменного угля на Дону и Северском Донце.

11 сентября 1723 года, находясь в доме Якова Вилимовича Брюса, президента Берг-коллегии, стро-

гий, но справедливый правитель Российской империи повелел: «Туда, где приискал подьячий Капустин уголья, послать нарочных для осмотра и сыска каменного угля».

В самом конце 1723 года, по именному указу Петра I, Григорий Капустин должен был вновь отправиться на Дон, туда же, где был два года назад, чтобы еще раз все с толком перепроверить. Однако экспедиция была отложена: включенному в ее состав рудознатцу из Голландии Самуилу Ронталлеру путешествовать на юг показалось слишком холодно. По сути это был чистой воды саботаж.

Через какое-то время сформировали новый состав экспедиции, в который включили специально приглашенных с берегов Туманного Альбиона «угольных мастеров». Правительство Великобритании всячески затягивало отправку в «варварскую Московию» профи своего дела и в итоге дало добро на выезд лишь малограмотным авантюристам и откровенным пройдохам. Правда, с галантными манерами и умеющими красиво пускать пыль в глаза, в том числе угольную. Руководство экспедицией было возложено на англичанина Грегори Никсона, а распоряжение деньгами — на унтер-офицера А. Маслова.

Летом 1724 года сформированная таким образом команда отбыла на Донбасс. Прибыв на место, британские «суперпрофессионалы своего дела» начали откровенно

саботировать рабочий процесс. Дело доходило даже до отказа в разведочном бурении!

На исходе 1724 года руководитель экспедиции, англичанин Грегори Никсон, отправился в Бахмутский уезд, осмотрел месторождения каменного угля и отправил в Берг-коллегию донесение следующего свойства: «Оное уголье не такой доброты как те, которые мне в Москве показаны». Однако на сей раз очковтирательство иностранцев не сработало.

На исходе петровской эпохи на Донбассе в районе Бахмута уже вовсю велись крупные разработки каменного угля. Так, еще в 1723 году управитель слободы Бахмут Никита Вепрейский и капитан Семен Чирков доносили, что в 25-ти верстах от Бахмута разрабатываются месторождения каменного угля: «Оное уголье окопывано в горе по мере и длину 15 сажень в вышину 10 сажень, и оное земляное уголье употребляется ныне на Бахмутские соляные заводы, в казенные кузницы на латание солеваренных сковород и на прочие поделки».

В ту пору на угольных разрезах вблизи Бахмута трудилось свыше двух сотен человек. А Вепрейский и Чирков просили прислать из центральной России еще несколько сот работников для расширения работ по добыче угля.

Григорий Капустин сумел добиться ревизии изысканий Грегори

Никсона и его команды. По поручению все той же Берг-коллегии влиятельный придворный Иван Телепаев перепроверил деятельность английских лже-профессионалов и убедился в справедливости замечаний и выводов рудознатца Капустина: донецкий уголь был отменного качества! Разгневанный русский царь, которого британские горе-профессионалы попросту водили за нос, приказал тут же выслать их за пределы российского Отечества.

А в начале 1725 года Петр Великий покинул сей мир, и геологические изыскания на Донбассе под началом Капустина были прерваны. Взошедшая на престол императрица Екатерина I повелела лишь «заметить» до лучших времен те места, где производились разведки, и больше не организовывать экспедиций без ее личного указания.

Лучшие времена пришли спустя почти полтора столетия. Но именно разведка в конце петровской эпохи команды Григория Капустина каменного угля на Дону и Северском Донце стала отправной точкой для активного поиска угольных месторождений и мощного будущего толчка промышленного освоения Донбасса, который через два с половиной века стал крупнейшим индустриальным центром России.

В советское время памятники Григорию Капустину были установлены во многих шахтерских го-

родках и поселках Донбасса, а его именем названы улицы ряда донецких и российских городов. □

Памятник русскому рудознатцу, первооткрывателю Донбасса Григорию Григорьевичу Капустину

ЖИЗНЬ на кончиках пальцев

1

Я догадываюсь, зачем она приехала. Но напрасно старалась. Я отвоевал-ся. Все, точка. У человека, как и у металла, тоже есть свой запас прочно-сти. Гнет, гнет тебя жизнь, ты держишься, сопротивляешься, борешься, но в один прекрасный момент хрясь! — и готов. И медицина бессильна. Вот этого я боюсь, поэтому в авантюры не влезаяю. Живу тем, что изредка помогаю Климу перевозить бочки с килькой в Симферополь и в сезон сдаю свою, так сказать, дачу, отдыхающим. На еду хватает, а больше мне и не надо. Веду здоровый аскетический образ жизни, по-прежнему увлекаюсь круглогодичным плаванием в море и горами. Это намного безопаснее и полезнее для здоровья.

Но вот Анна, по-моему, намерена поставить крест на моей затянувшейся эйфории. Всю зиму и весну звонила из Москвы, намекала, что хочет провести лето в Судаке. Я ей тоже намекал, что по прогнозам вода будет ледяной и грязной, потому что в километре от берега затонула баржа, в море вылилась нефть, и ей лучше провести лето где-нибудь на Багамах, тем более что ей как сотруднице преуспевающей столичной торговой фирмы это вполне по средствам. Я, конечно, поступил не поджентельменски, солгав насчет прогнозов и затонувшей баржи, но больше нечем было удержать Анну от себя на дистанции.

— Ты как будто не рад, — сказала она, появившись ранним утром на пороге моей квартиры. Протянула сумку, подставила щеку для поцелуя. — Извини, что так неожиданно, но меня скоростно выгнали в отпуск.

Мы не виделись с того дня, как простились на Ленинградском вокзале осенью прошлого года, вернувшись из Лимы. Она мало изменилась, даже каким-то чудом сохранила на лице бронзовый приамазонский загар.

Я не стал лицемерно суетиться, изображать бурную радость, отвел ее на дачу, расположенную под Портовой башней старой крепости и показал ей на крышу, хорошо замаскированную плотными зарослями винограда:

— В домике, к сожалению, уже занято, но там тоже хорошо. Когда ты привыкнешь, тебя с крыши силой не стащишь.

Одно из немногих качеств, которое мне нравилось в Анне, — это то, что она умела быстро приспособливаться к любым неудобствам.

— Да-да, конечно, — говорила она, осторожно поднимаясь по ступеням вверх по прогнившей лестнице, — здесь тоже неплохо. Вид замечательный. Крепость как на ладони, горы... На раскладушку я могу рассчитывать?

Я затащил вверх раскладушку и натянул на арматурном каркасе большой кусок полиэтиленовой пленки на случай дождя и сказал:

— Через несколько дней мужик с сыном уедут, и можешь поселиться в домике. Душ и туалет внизу, кухня на веранде. Газа, правда, нет, так что пользуйся электроплиткой. За все — полдоллара в день.

Я старался не смотреть ей в глаза. Анна же не сводила с меня взгляда и покусывала дужку очков.

— Говоришь, за все — полдоллара? Ну, хорошо.

Я спускался по скрипучим ступеням и думал о том, что все, что с нами было — в далеком прошлом. Не хочу об этом говорить, не хочу вспоминать. Прошло, былем поросло, мхом покрылось. Баста!

Два дня мы не встречались. Мне стало известно, что Анна нашла себе подружку из пансионата железнодорожников, и они с утра до вечера пропадали на пляже под Соколом, а когда темнело, спускались на набережную и подолгу шлифовали ее, попутно сворачивая к белым столикам открытых кафе. Я был занят работой, и почти не думал об Анне. Рыбаки засекли косяк кильки и каждый вечер сгружали на причал полные бочки слабосоленой рыбы. Отдыхающих было еще мало, и на набережной торговля шла вяло. Зато у Клим не было конкурентов. Он быстро договаривался с рыбаками насчет цены, покупал несколько бочек, и я вез их на симферопольский вокзал.

Клим регулярно докладывал мне, чем заполняет свой досуг Анна. Такая роскошная леди не могла остаться незамеченной им. Он мне завидовал и предлагал переселить ее в его лодочный гараж, говоря при этом:

— Послушай, Кирилл, тебе должно быть стыдно, что девушка живет у тебя в таких условиях.

— Она очень любит черешню, — ответил я. — И вообще, она сначала собиралась жить в гамаке на дереве. У многих богатых москвичей бывают причуды.

— Я видел ее с подружкой на «Горке», — докладывал он мне вечером. «Горка» — это открытое кафе на набережной. Ты стремительно теряешь шансы, по-моему, к ней уже приклеились мужики.

Если бы он знал, какое прошлое связывало нас с Анной!

Я испытывал ее терпение. Конечно, она ждала удобного случая, чтобы поговорить со мной наедине, но меня трудно было поймать в поселке днем и вечером. Лишь однажды, после захода солнца, я встретил ее вместе с подругой Ириной на набережной. Подруга была эффектной девушкой со стрижкой каре, которая очень шла ее загоревшему лицу. Анна представила нас, я раскланялся, спросил, хорошая ли сегодня водичка и, делая вид, что страшно занят, поспешил распрощаться. По утрам же, когда я приходил на дачу кормить кур, Анна еще спала на раскладушке под пленкой, словно парниковый цветок, так что мы с ней не общались.

Но в одно прекрасное утро сын моего постояльца, которого я мысленно называл «мальчишом-плохишом», подложил мне свинью. Набрав на берегу камней, он, едва рассвело, организовал охоту на моих кур, и довольно метко обстреливал их, спрятавшись в зарослях винограда. Когда я появился с ведром размоченного хлеба во дворике, куриный визг достиг своего наивысшего накала и, долетая до моря, наверняка заглушал шум прибоя. «Мальчиш-плохиш» ничуть не испугался меня, и даже попытался забросить несколько камней мне в ведро, как в баскетбольное кольцо. Я сунул ребенка под мышку и понес чадо отцу, который все еще крепко спал. А вот Анна проснулась, что, в общем-то, было неудивительно. Не успел я высыпать корм курам, как она тихо подкралась ко мне:

— Ку-ку, хозяин, я хочу заплатить тебе за три дня проживания.

— Разве ты уже уезжаешь? — Кажется, в моем голосе предательски прозвучала надежда.

— Об этом даже не мечтай.

— Тогда заплатишь за все дни сразу, — ответил я и пошел к калитке.

— Кирилл! — позвала она меня уже совсем другим тоном, в котором не было веселых нот, и я, понимая, что разговора, которого так не хотел, все-таки не избежать, остановился и повернулся. — Кирилл, мне нужна твоя помощь.

— У меня сейчас очень много работы... Что ты от меня хочешь?

Я откровенно, чуть ли не прямым текстом посылал ее.

Она коснулась рукой моих плеч, провела по груди, легко постучала костяшками пальцев и усмехнулась:

— Броня. Не достучишься, не пробьешь. Ничего мне от тебя не надо, Кирилл. Корми своих глупых кур и ничего не бойся. Иди-иди, колхозник, тебя заждались!

Есть одна неоспоримая истина, подумал я, и заключается она в том, что ты, Кирилл Андреевич, превратился в трусливое, жалкое созданище, и место твое, в самом деле, в курятнике.

2

Она, наверное, решила поиздеваться надо мной.

— Алло! — раздраженным голосом кричал я в трубку, уже третий раз реагируя на звонок. На другом конце провода опять молчали, я слышал лишь частое дыхание, нечто похожее на приглушенный голос, затем связь обрывалась короткими гудками. В четвертый раз, подняв трубку, я, не церемонясь, сказал громко:

— Иди к черту! — и положил трубку на стол. Теперь пусть названивает, сколько душе угодно.

Семь утра. Для отдыхающих, конечно, это время завтрака и выхода к морю. Для меня, если я не занят перевозкой рыбы в Симферополь, это время самого крепкого сна. Но после идиотских звонков диван со смятой постелью уже не казался привлекательным. Я выпил стакан кефира, кинул в свой пронзительно-оранжевый рюкзак с вышитыми на клапане инициалами «В.К.А.» моток пестрой альпинистской веревки, похожей по окраске на южноамериканскую болотную гадюку, дюжину титановых карабинов, мешочек с крючьями, канифоль, скальный молоток, взвалил рюкзак на плечи и вышел из квартиры.

Каждый сезон под Соколом или же в ложбине на Караул-Обе останавливались лагерем альпинисты. Там вполне приличные скальные стенки. Как только я замечал у нас приезжих с тяжелыми бухтами веревок на плечах, со связками карабинов и крючьев на поясе, так сразу же вытаскивал из-под дивана свое скромное снаряжение для скалолазания и шел знакомиться. Обычно приезжали одни и те же люди, и я встречал старых знакомых.

Чтобы случайно не встретиться с Анной, я пошел не по шоссе, а краем поселка по холмам, изредка поросшим низкорослым можжевельновым деревом с извивающимся крепким стволом. От быстрой ходьбы у меня немного заныла печень. Тропическая малярия, которую я подхватил в сель-

ве, привела в замешательство врачей нашей местной больницы. Врачи собрали консилиум и очень долго не могли решить, что со мной делать — я оказался первым пациентом в истории больницы с этим диагнозом. Иногда еще побаливала спина — в том месте, куда мне всадили пулю из винтовки М-16 американского производства. Но об этом я не очень люблю вспоминать. Во-первых, потому что меня лечили в ла-пасском госпитале за счет российского консульства, а оставаться вечным должником не в моих правилах. А во-вторых, потому что меня, истекающего кровью, вывезла с плантации Анна. Я был без сознания, и судить об этом мог только с ее слов. Но слишком много в этой истории было натяжек, чтобы я полностью верил Анне.

С этой симпатичной феминисткой мы познакомились полтора года назад в самолете, летящем в Боливию. Мы оказались в одной туристской группе, правда, Анна летела развлекаться на карнавалах, а у меня были несколько иные цели. Потом она поссорилась со своим дружкой Гошей и, оставив группу, примкнула ко мне. Я ничего ей о своих делах не рассказывал, пока мы вообще не потеряли друг друга почти на полгода. Я думал, что Анна вернулась с группой туристов в Россию, и, увлеченный охотой на главного наркодельца Волка Августино и его дочь Валери, совсем забыл о ней.

Я был уверен, что в смерти моего друга Бориса виновата Валери — ее почерком была подписана бандероль на его имя, в которой оказалось взрывное устройство, и я шел к ней, чтобы привести свой приговор в исполнение. Ворвался в ее комнату ранним утром, когда она только встала и принимала душ, и нетвердой рукой связал петлю. Тогда я думал, что мои чувства к ней навсегда угасли...

Мимо меня, дребезжа разбитыми дверцами, оставляя за собой шлейф омерзительного выхлопа, проехал желтый «Москвич». Мне посигналили. Я поднял голову и увидел сверкающую улыбку Клима. Он остановил машину, высунулся в окошко и кивнул на рюкзак:

— Куда это ты собрался?

— Нервишки лечить, — ответил я. Объяснять Климу ничего не надо было, он все знал о моих увлечениях.

— Нервишки лечить, черепушку ломать. Садись, снежный барс, пока-таю. Тебе под Сокол?

Я не заставил себя долго упрашивать, тем более что Клим очень оживился, встретив меня. Я не ошибся — ему хотелось поговорить об Анне.

— Ну, отвечай, — сказал он, со второй попытки трогаясь с места. — Надумал или нет?

— О чем ты? — Я сделал вид, что не понял его, и высунулся из окошка, подставляя лицо горячему ветру.

— Прекрасно знаешь, о ком, — поправил он меня. — Я тебе вот что хочу сказать. Смотри, проворонишь девушку. К тому же, пока ты хлопал ушами, ее уже приласкал какой-то тип. На «вольво», между прочим, каталась.

— На какой еще «вольво»?

— На темно-синей. Ладно, чао! Думай, Кирилл, и принимай решительные меры, пока не поздно.

Клим ударил ногой по акселератору, машина взревела, отравляя заповедную экологию, и скрылась за уступом скалы. Я смотрел на сизое облачко, оставшееся от машины, и зачем-то подтягивал и ослаблял лямки рюкзака. На Анну это совсем не похоже, думал я. Вряд ли она начала здесь флиртовать, позволяя незнакомому мужчине катать себя на автомобиле. Но Клим, похоже, не врет. Не нравится мне все это.

Я старался не думать о ней, но не так-то просто было совладать с самим собой. Уже пробравшись через реликтовые заросли к палаточному городку, я все еще нес на лице выражение рассеянности и озабоченности, и Князев, радиоинженер из Питера, с которым я был знаком уже без малого четыре года, пожав мне руку, вопросительно вскинул брови. Мне нечего было ему ответить, и я спросил первое, что взбрело мне в голову:

— А где Григорий?

Князев молча кивнул на стену. Я задрал голову и не сразу разглядел на огромной высоте подвешенный на крючьях гамак с человеком. Напарник Князева по скалолазанию, его бессменный партнер Гриша, очевидно, провел ночь на стене, приковав себя страховочными крючьями.

Князев тронул меня за плечо и протянул мне бинокль. Я сел между палаткой и мерно гудящим примусом и стал рассматривать стену. Гриша, кажется, уже не спал, ворочался с боку на бок, а потом я разглядел, что он снимает петли гамака с карабинов и сворачивает его. Белая сетка, свернутая в рулон, вдруг полетела вниз, и я от неожиданности вздрогнул, и где-то в животе образовалась холодная пустота. Я досчитал до двенадцати, пока гамак не шлепнулся на камень, откуда съехал к подножью горы.

Князев закрыл мне весь обзор, встав передо мной и протягивая пластмассовую чашку с кофе. Тут запищала портативная радиостанция у него на поясе.

— Да, — прижав ее к щеке, коротко бросил он.

— Шчч-щщч-чиуу-шшш, — ответила радиостанция.

— Хорошо, — сказал Князев, почесал короткую бородку, посмотрел на меня и кивнул на стену. Я уже научился понимать его без слов и сказал:

— Сейчас пойдём. Хочешь первым?

Пока я готовил страховочную обвязку, мимоходом подумал о том, что в нашем поселке ни темно-синей, ни какой либо другой «вольво» ни у кого нет, а это значит, что Анну «приласкал», как выразился Клим, чужой. Тот факт, что она проехала с кем-то на авто, сам по себе ни о чем не говорил. Но вероятность того, что какой-то крутой мужик зарулил к нам в поселок с целью познакомиться с девушкой, нашел ее на крыше под пленкой от дождя и повез кататься, показалась ничтожной. Видимо, она встречалась со знакомым и, думаю, эта встреча носила деловой характер.

Князев, тем временем, воспользовался двумя веревками, которые Гриша закрепил на стене и сбросил концы вниз. Он поднимался при помощи зажима, который скользил по веревке только вверх — удобно, как по ступеням. Я ждал, когда он поднимется на достаточную высоту и забьет первый крюк, который будет страховать меня.

Князев свистнул сверху и кивнул головой. Я даже не заметил, как он забил крюк и навесил на него мою веревку. Я ухватился руками за ствол карликовой сосны, которая каким-то чудом выросла на голых камнях, отыскал ногой уступ и сделал первый шаг к вершине. Теперь на стене одновременно работали три человека...

... Это была наша последняя встреча с Валери. Она не умоляла меня пощадить ее, не клялась в вечной любви — все это, наверное, не вызвало бы во мне никаких сентиментальных чувств. Я привязал к карнизному крюку веревку, связал петлю и, подергав, проверил на прочность — точно так же, как и здесь, на Соколе, проверил надежность страховки. Тогда меня поразила ее выдержка. Она смотрела на меня глазами, полными любви, и говорила о дочери, нашей с ней дочери, родившейся на вилле отца. Я обезумел от непреодолимого желания немедленно увидеть девочку и, едва не выломав собою дверь, побежал к выходу. Анна, дожидавшаяся меня в холле, ничего не поняла из моего путаного объяснения, и побежала за мной следом, тщетно пытаясь предупредить меня об опасности. Когда мы сели в машину, со второго этажа коттеджа, где помимо других находилась и комната Валери, грянул выстрел. Пуля со смещенным центром тяжести разворотила мне спину и едва не задела сердце. Анна сумела довести меня до небольшого боливийского поселка, откуда санитарным вертолетом меня доставили в ла-пасский госпиталь. Я потерял сознание сразу же, как получил ранение, и до сих пор не понимал, как удалось Анне прорваться через многочисленные посты охраны. Впрочем, она сама не могла толком объяснить это, утверждая, что на нашем пути не оказалось ни одного вооруженного человека.

Не известно мне до сих пор, кто стрелял — Валери или же кто-то из ее телохранителей, и в равной мере можно предположить оба варианта: Валери умеет обращаться с оружием не хуже стрелка-профессионала...

Князев снова свистнул, на этот раз уже снизу. Увлечшись воспоминаниями, я не заметил, как взобрался выше его. Он постучал пальцем по голове, затем — по стене, что означало: включи мозги и забей крюк. Он был прав, стоило позаботиться о своей безопасности. Несколькими сильными ударами я вогнал стальной лепесток в тонкую щель, навесил карабин, пропустил через него веревку, завинтил муфту и, подняв голову, посмотрел на Гришу. Из-под его кроссовок сыпался щебень. Прижавшись всем телом к скале, он медленно поднимался к козырьку. Князев страховал его, выбирая веревку. Несколько минут я мог отдохнуть и, опершись ногами в стену, стал покачиваться из стороны в сторону. Вдруг снизу до меня долетел пронзительный вой. Я опустил голову, глядя между ног на шоссе. На обгон рейсового автобуса стремительно шла легковая машина. Не притормаживая, она входила в виражи, свистела шинами и, не переставая, подавала сигнал. Автобус, тем не менее, скорости не снижал, продолжая занимать середину полосы. Я не слишком хорошо разбираюсь в марках машин, потому как своего авто у меня никогда не было и вряд ли когда будет, но «вольво» я распознал сразу. Сверху что-то прокричал Гриша, но я не мог оторвать взгляда от шоссе. На очередном повороте автобус прижался левым бортом к белому оградительному бордюру, и в это мгновение «вольво» пошла на обгон, срезая поворот по встречной полосе, легко взлетела на подъем, завизжала шинами об асфальт и, победно сигналив, помчалась впереди автобуса. Я провожал машину до тех пор, пока у самого Нового Света она не нырнула вниз.

— Ты что, уснул? — орал Гриша.

Только теперь я поднял голову. Флегматичный Князев сочувствующе смотрел на меня. Подошла моя очередь идти вверх, а Князева и Гриши — страховать. Я машинально ухватился руками за крохотный выступ, повис на одних пальцах, все еще прокручивая в голове только что увиденную картину. Гриша продолжал орать сверху, кажется, он давал мне какие-то советы, но я думал о своем. Жаль, что нельзя было рассмотреть водителя «вольво». Куда он поехал? В Новом Свете дорога заканчивается, оттуда никуда не уедешь, кроме как назад, в Судак.

Я еще раз убедился в истинности правила: альпинизм не терпит совмещения. Или — или. Нога неожиданно сорвалась с опоры, я почувствовал в животе пустоту, в ушах засвистел ветер, и я, расставив в стороны руки,

полетел вниз. Уже через секунду веревка натянулась, меня как следует трянуло, и полет прекратился.

Я снова поднял голову вверх. На меня смотрели две пары глаз.

— Все в порядке, до земли не дотянул! — крикнул я.

Князев сплюнул и зевнул. Гриша, будучи человеком излишне эмоциональным, обложил меня матом. Следующие четверть часа я целиком посвятил себя альпинизму и довольно ловко поднялся на один уровень с Гришей.

К полудню мы поднялись на вершину, посидели на ржавой геодезической треноге, любуясь открывшейся панорамой. К голубой поверхности моря приклеились белые треугольники яхт. При большом желании можно было разглядеть прогулочные катамараны и моторные лодки, которые, подобно кометам, оставляли за собой конусовидный след. Странно, но даже на такой высоте мы отчетливо слышали рокот моторов, мерный шум прибоя и даже визг детей на пляже. Гриша, вытирая коричневую лысину платком, стал готовиться к спуску. Он пропустил веревку через витиеватую стальную «улитку», встал к обрыву спиной и, отталкиваясь ногами от стены, заскользил вниз. Князев посмотрел на меня и слегка склонил голову, показывая, что теперь мой черед последовать за Гришей, хотя я не слишком торопился покинуть вершину.

Спускаться с Сокола на веревке, регулируя скорость скольжения — одно удовольствие. В отличие от Гриши, который семенял по стене, я делал огромные прыжки, сильно отталкиваясь обеими ногами и пролетая по десять-пятнадцать метров. Конечно, при таком способе я не был застрахован от удара о какой-нибудь выступ, но ощущение полета стоило того, чтобы немного рискнуть...

3

Больше всего на свете я не люблю мух и ранние телефонные звонки. Крылатые насекомые выводят меня из себя по причине своей наглости и неуязвимости, а ранние звонки обычно прерывают мой сон в самый сладкий момент.

Пять часов утра! Я даже застонал от обиды, зарылся головой под подушку, но телефонный звонок достал меня и там. Можете хоть удавиться на телефонном проводе, но трубку не возьму, подумал я, продолжая лежать с закрытыми глазами. Прошла минута, мои нервы уже гудели, как ЛЭП, а телефон все надрывался, и казалось, что звон, как тонкое сверло, буравит мне череп.

Второй минуты я не вынес и, опрокидывая на ходу стулья, кинулся к телефону, схватил трубку и, едва ли не заглатывая микрофон, прохрипел:

— Ну, вот я, вот я! Слушаю очень и очень внимательно!

Треск, шорох, чье-то дыхание.

— Пожалуйста, еще раз! — сквозь зубы процедил я. — Если вы нечаянно проглотили свой язык, тогда можете что-нибудь промычать или прохрюкать, я постараюсь понять.

Эта Анна, подумал я, ужасно неприятная девушка. Дура, змея, хитрая и мстительная бестия.

— Все? Поговорили? Вы счастливы теперь? Блеск остроумия, нечего сказать...

Мне показалось, что в трубке раздался звук, напоминающий скрип двери, и тотчас побежали короткие гудки.

Я швырнул трубку на аппарат, но, вместо того чтобы упасть на диван и попытаться уснуть, стал быстро натягивать на себя джинсы. Дура-змея-хитрая бестия больше полугода, пока я в поисках Валери шатался по сельве, работала в паре с Альфредом Шраером, одним из туристов нашей группы, оказавшимся впоследствии шавкой, состоящей на службе у наркомафии. Если верить Анне, никто из охраны Августино даже не заподозрил, что она всего лишь мастерски шпионит, чтобы в нужный момент спасти меня. Если даже латиноамериканцы, преуспевающие в наркобизнесе и контрабанде золота, не раскусили ее, то можно представить, сколько лицемерия, фальши, игры и коварства заложено в душе у этой миловидной девы, живущей на крыше моей дачи.

Майку я натянул уже на ходу и в домашних тапочках выскочил из квартиры. В такой ранний час на улицах не бывает ни машин, ни отдыхающих, и я, сняв тапочки, побежал босиком по прохладному асфальту в сторону своей дачи.

Калитка оказалась запертой на шпингалет, я громко клацнул им, как автоматным затвором, но был уверен, что никого не разбужу этим звуком — мужчина с сыном вчера съехали.

Я поднялся по деревянной лестнице на крышу лишь для очистки совести. Естественно, Анны там не было. На раскладушке лежало скомканное одеяло, примятая подушка с золотой нитью ее волоса. На стопке кирпичей — маленькое зеркальце, расческа, пухлая косметичка и банка с торчащими из нее увядшими цветами. Под раскладушкой — зеленая сумка, резиновые тапочки.

Мне вдруг стало стыдно за этот невольный обыск и, опасаясь, что Анна вот-вот нагрянет, я быстро спустился во двор и сел за стол. Я еще не знал, что скажу ей, но разговор у нас, по всей видимости, будет не очень приятным. Ей нужна моя помощь. Какая именно? Я прикидывал варианты, но мой мозг не мог придумать ничего более или менее правдоподобного.

Это связано с сельвой? Значит, она намерена просить не о каком-то пустячном одолжении, она хочет, чтобы я снова ухватился за нити, концы которых до сих пор не обрублены, и потянул на себя жуткий клубок, в котором сплетены наркотики, бесчисленные убийства, моя дочь и мои чувства к Валери. А этого, как ни стыдно признаться, я боялся больше всего.

Я невольно глянул на часы. Анны все не было, возможно, она решила искупаться перед завтраком.

Было бы глупо ждать, тем более, отыскивать Анну на пляже. Злость, которая вытолкнула меня из квартиры, улеглась. Собственно, я выяснил, что звонит по утрам действительно Анна, и делает она это, по-видимому, из хулиганских побуждений, чтобы досадить мне и таким глупым способом отомстить за нежелание помочь ей.

Я вернулся домой. Открывая дверь, услышал, как трезвонит в комнате телефон. Богатый сегодня день на звонки, подумал я, и если это опять Анна, то придется высказать ей все, что я о ней думаю. Поднял трубку, но не стал первым что-либо говорить, и лишь молча слушал тишину. Анна — а я был уверен, что это она — тоже молчала. Я слышал тихое дыхание, шорох, словно трубку переключали из руки в руку.

И вдруг, совершенно неожиданно, — осторожный мужской голос:

— Алло?..

Я настолько опешил, что не знал, что сказать.

— Вы меня слышите?

Голос показался мне незнакомым. Я кашлянул и, наконец, ответил:

— Да-да, слушаю.

— Простите, а с кем я говорю? — спросил голос.

— С автоответчиком, — ответил я. — А хозяин квартиры спит. А с кем имею честь...

— Я ваш доброжелатель, — ответил голос. — Простите, что потревожил вас в такое время, мне трудно было найти подходящий аппарат, так что приходится звонить с этого... Словом, Вацура, я хотел бы вас кое о чем предупредить. — Вас хотят по крупному подставить. Будьте осторожны в эти дни. Обеспечьте себе железное алиби.

— Я не понял! Кто меня хочет подставить? О каком алиби вы говорите?

— Я вам сказал то, что знаю.

— Кто вы?

— Все, разговор закончен. Здесь посторонние.

— Прошу вас, не кладите трубку! — крикнул я. — Всего секунду! Я должен сказать что-то очень важное и для вас...

Кинув трубку на стол, я пулей выскочил из квартиры и помчался к санаторию, где при входе в бювет находился единственный в округе работающий телефон.

У меня был небольшой шанс отыскать незнакомца. В том, что это человек приезжий — я почти не сомневался. Мои знакомые, имеющие домашние телефоны, вряд ли говорили бы в столь таинственной форме. А приезшему неоткуда позвонить, кроме как из санаторного автомата.

Бегаю я неплохо, но минуты полторы все же прошло, пока добежал до центрального входа в санаторий. Там перешел на шаг, глядя во все стороны, но санаторная аллея, разделенная строем пальм и обрамленная пышными клумбами с белыми розами, в этот час была безлюдной.

Как ни странно, у телефона стояла молодая женщина в ядовито-желтом сарафане на тонких бретельках. Трубку она держала так, словно пыталась согреть микрофон своим дыханием, и произносила, преимущественно, только вопросы:

— Да шо ты говоришь? Да ты шо? Батюшки! Да ты шо?

Не снижая темпа, я подошел к ней и прервал разговор, ударив рукой по рычагу. Женщина, все еще не отпуская трубку, отшатнулась от меня, но телефонный провод не позволил ей уйти слишком далеко.

— Прошу прощения, — сказал я, вытирая со лба пот. — Дело особой важности. Вы должны мне помочь. Только что отсюда звонил мужчина. Вы видели его? В какую сторону он пошел?

Испуг на лице женщины сменился выражением любопытства. Она сразу же забыла про трубку, которую я осторожно извлек из ее руки и повесил на рычаг, и, повернувшись, махнула рукой в сторону моря:

— По аллее. К кортам. Ну, где корпуса.

— Точнее! — потребовал я. — В какой корпус он пошел?

— Да я откуда знаю? Я не смотрела долго, — пожала плечами женщина.

— А как он был одет?

— В трусы. Ну, в трусах, таких, красных, спортивных. Для бега. Он каждое утро бегают по той дороге вверх и обратно. А вы его разыскиваете, да?

— Об этом пока никому ни слова. Ясно? — улыбнувшись, подмигнул я ей.

— А вы мне даже договорить не дали! И жетона у меня больше нет.

Я порылся в карманах джинсов, хотя знал, что телефонных жетонов у меня из-за ненужности никогда не было, и развел руками:

— Можете позвонить из моего дома.

— А вы здесь живете?

— В четырехэтажке. Где продуктовый магазин. А вы случайно не слышали, о чем он говорил?

— Кто?

— Ну, этот, в красных трусах.

— Я не разобрала. Он говорил тихо.

— И вы заметили, что он каждое утро бегает по этой дороге?

— Каждое, — кивнула женщина. — Я встаю и на балконе загораю. Давно за ним наблюдаю, как приехала сюда.

— А в каком он корпусе живет?

— Нет, не знаю.

— Может быть, знаете, за каким столом сидит в столовой?

— В нашей смене его нет. А может, он вообще не из санатория.

Я вздохнул, вынул из кармана ключи, протянул ей со словами:

— Дом третий, первый подъезд, квартира четвертая. Звоните, сколько вам надо. А я должен осмотреть парк.

Я спустился по дорожке мимо теннисного корта и открытой танцплощадки к корпусам, раздумывая над тем, что сказал мне по телефону незнакомец. У меня были все основания относиться к его предупреждению достаточно серьезно, тем более что он назвал меня по фамилии. Моя недавняя жизнь была настолько тесно связана с криминальными элементами, как говорят юристы, что было бы верхом легкомыслия относиться к анонимному звонку как к розыгрышу или ошибке.

Внезапно я остановился, будто налетел на дерево. Стоп, дружище! Так если это звонила не Анна, то где же она могла быть в пять часов утра?

Я добрал до пляжа, поднялся на первый ярус солярия, осмотрел топчаны, уже частично занятые отдыхающими, и пошел обратно. Не нравится мне все это, думал я, бредя к своей даче. Анна со своими намеками, какой-то ухажер на «вольво», анонимный звонок и предупреждение об опасности.

Второй раз за сегодняшнее утро я отворил калитку дачи и вошел во двор.

Домик по-прежнему был закрыт на замок, и на крыше — никого. Анна, похоже, так и не появлялась здесь. Несколько минут я вышагивал по дворику, как арестант на прогулке. Надо разыскивать этого козла в красных трусах, возможно, он же и есть водитель «вольво». Предположим, что Анна, потеряв надежду втянуть меня в свои проблемы, попросила своего ухажера припугнуть меня по телефону, что он и сделал после утренней пробежки... М-да, бред сивой кобылы.

Интересно, а где она ночует? — продолжал я умственные упражнения. С ним, в одном из номеров санатория? Зачем тогда надо было затевать весь этот спектакль с крышей и раскладушкой?

Я не нашел ничего лучшего, как пройти на кухню, подогреть воды и приготовить себе кофе. Но чем сильнее разгорался день, тем все большее волнение охватывало меня...

4

Ирину разыскать было непросто, потому что я видел ее всего пару раз. Мне пришлось дважды обойти пляж, переступая через полотенца и панамы, пока не понял, что Ирины здесь нет. Конечно, можно было бы осмотреть берег повнимательнее, но я не стал усердствовать, тем более что шел уже одиннадцатый час, и солнце при полном штиле жарило особенно сильно. Я быстро скинул джинсы и майку и бросился в воду. На глубине несколько раз нырнул, доставая до дна и хватая первые попавшиеся под руку камни и ракушки, потом полежал на поверхности воды, глядя, как надо мной, заслоняя крыльями солнце, планирует в небесной лазури чайка, и поплыл вдоль берега.

— Эй-ей! Осторожнее! — крикнул кто-то над самым моим ухом.

От неожиданности я глотнул воды, перевернулся, и только тогда увидел, что едва не таранил головой надувной матрац, на котором лежала девушка в темных очках, с прической каре и золотым крестиком на цепочке. Я тотчас узнал ее. Ирина!

— Это вы? — на выдохе спросила она и съехала с матраца в воду. — Приветик! Я не ожидала вас здесь увидеть... Бррр, какая холодная! Цепляйтесь за матрац, а то утонете.

— А я вас как раз ищу, — ответил я.

— Что вы говорите! — наигранно воскликнула она, сдувая капельки воды с верхней губы. — И для чего же вы меня ищете?

— Я хотел поговорить с вами об Анне.

— Со мной? — искренне удивилась Ирина. — Кажется, вы знаете ее намного больше, чем я.

— Да, я знаю ее больше, чем вы. Но дело в том, что Анна пропала.

— Вот как, — протянула она и, помолчав, добавила: — А с чего вы взяли, что она пропала?

— Она не ночевала на даче.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

— Вы правы, конечно. — Ирина начинала меня нервировать. — Но я, предоставивший ей жилье, в какой-то мере несу за нее ответственность. Мало ли что с ней могло случиться? Может быть, она утонула.

— Она не утонула, — уверенно ответила Ирина. — И отдайте матрац! Что вы вцепились в него, словно сами тонете?

— Вы знаете, где она?

— Может быть, и знаю, — многозначительно посмотрела она на меня.

— Вы говорите загадками. Это что, такая манера общения, или вы не хотите отвечать мне?

— Я не совсем уверена в том, что знаю точно, а вы же хватаете за горло, как прокурор.

Ей нужно было время, чтобы подготовить ответ, и Ирина, сделав глубокий вздох, с головой ушла под воду. Без всякого сомнения, она что-то знает, думал я, глядя на пузырьки, выпрыгивающие из глубины на поверхность. У женщин, конечно, бывают свои тайны, но разве Ирина и Анна настолько близки, чтобы так свято хранить секреты друг друга?

Она вынырнула, откинула назад волосы, провела ладонью по лицу, снимая воду.

— Я думаю, что она на пару дней уехала в Джанкой. Там у нее родственники. Тетка, кажется. Она что-то говорила про Джанкой. Это, по моему, недалеко.

Я сразу понял, что она лжет.

— Уехала в Джанкой на темно-синей «вольво», — добавил я.

— «Вольво»? — Ирина часто заморгала и уставилась на мой локоть. — Не знаю ни про какую «вольво».

Вдруг меня осенило, и я едва не рассмеялся.

— Послушайте, милая! Я не знаю, что рассказывала вам Анна про наши с ней отношения, но, уверяю, мне наплевать на ее любовников, и ваша преданность совершенно бессмысленна, как нелепа и смешна ваша беспомощная ложь.

Ирина подняла на меня свои очаровательные глазки, краешек ее губ дрогнул..

— Думайте, что хотите.

Я промахнулся. Версия с любовником, похоже, была далека от истины.

Ирине надоело мерзнуть в воде, и она, сверкнув глянцевитой кожей, выскользнула из нее и легла грудью на матрац, представ перед моими глазами во всей, так сказать, красе. Может быть, она хотела таким образом поставить точку в нашем разговоре? Я же спокойно разглядывал ее порозовевшую, покрытую «мурашками» озноба кожу и думал о том, что Бог слепил Ирину неплохо, хотя и не без изъянов. Лодыжки, например, немного толстоваты, плечики — воробьиные, узкие и слабые, а это не в моем вкусе.

— А вы наглец, — неожиданно сказала она и плеснула мне в лицо воды.

— Должен заметить, — ответил я, отворачиваясь и протирая глаза, — что вы сами запрыгнули в поле моего зрения. Но я успел заметить, что фигура у вас, как у богини, — солгал я. — Десять лет живу в поселке, но такой ни у кого не видел.

— А знаете, вы мне надоели, — вдруг изменившимся голосом сказала Ирина и отвернулась от меня. — Оставьте меня в покое. Я вам все сказала, и нам больше не о чем разговаривать.

— Очень жаль, — ответил я и, опустив лицо в воду, поплыл обратно к пляжу.

Выбравшись на берег, я оделся и кинул взгляд на Ирину – она медленно плыла вдоль берега, наблюдая за мной. Заправляя на ходу майку, я вышел на тропу, но повернул не в сторону поселка, а влево, к Новому Свету. Ирина не могла этого не заметить. Бодрым шагом я поднимался все выше и выше, пока меня не скрыли заросли можжевельного дерева. Тут я остановился у большого камня, собрался присесть и вдруг почувствовал, что коснулся плечом чего-то мягкого.

Ойкнув, от меня отпрянул гражданин в голубой рубашке навыпуск, белой кепке и сандалиях поверх синих носков. В руках он держал бинокль.

— Простите, — сказал он, смущенно пряча бинокль в кожаный футляр. — А я здесь за дельфинчиками наблюдаю... Удобное место, правда? А вы тут, простите, отдыхаете? В пансионате или так, дикарем?

Я заглянул за камень. Поверхность моря, отсвечивая солнце, ослепительным светом резала глаза, но я все же разглядел, что Ирины на матрасе уже нет.

— Дайте-ка мне бинокль, — попросил я гражданина, и он, приняв меня за единомышленника, с охотой выполнил просьбу. Я приткнулся к окулярам, навел резкость. и быстро нашел Ирину. Она стояла на коленях, давила обеими руками обмякший матрас, выжимая из него остатки воздуха, и время от времени кидала взгляды в ту сторону, куда я ушел. Потом скрутила матрас в рулон, подвязала его бечевками и, сунув под мышку, стала подниматься по тропе. Она то пропадала, то появлялась опять, с каждой минутой все ближе и ближе...

Отдав бинокль гражданину, я бегом рванул в сторону шоссе и стал искать какой-нибудь выступ в скалах, откуда мог бы незаметно проследить за Ириной, но как только сделал первый шаг, чтобы перебежать на другую сторону дороги, как вдруг из-за поворота выскочил хорошо знакомый «Москвич» и пошел мне наперерез. Только его здесь не хватало!

Машина остановилась рядом, как вкопанная.

— Что ты носишься, как чумной? — крикнул Клим, высунувшись из окошка.

— Давай, рули дальше, — махнул я рукой. — Не до тебя!

— А я видел твою кралю, — сказал он.

— Какую кралю, черт тебя возьми? — Я обернулся. Ирина вот-вот поднимется на шоссе.

— Ну, эту, как ее? Анютку!

Я просунул руку в окошко и схватил Клима за плечо:

— Где?!

— Ишь, ты, как всполошился! А ведь я предупреждал, что ее уведут.

— Да не трави душу, говори, где ты ее видел!

— Ну, не так, чтобы лично Анюту видел, — поправил себя Клим, — а «вольво», на которой ее хахаль катал. В Новом Свете, на стоянке у бывшего мидовского санатория жарится. Только что мимо проезжал... Так-то, братишка.

Среди деревьев мелькнула салатовая майка Ирины. Я хлопнул ладонью по горячему капоту:

— Все, проваливай! — И метнулся к скалам.

Клим, к счастью, не стал выяснять, с чем связано мое странное поведение, и тотчас переключился на Ирину. Он проехал вперед метров пятьдесят и, поравнявшись с ней, остановился. Ирина прыгнула на переднее сидение, «Москвич» лязгнул коробкой передач и быстро растаял за облаком выхлопа.

Я поднялся из-за своего укрытия и оглянулся в надежде, что меня подберет какая-нибудь попутка, но шоссе, как назло, было пустынным. Не тратя больше времени на бесполезные раздумья, я побежал вслед за «Москвичом» и, поднявшись на перевал, увидел, как машина, стреляя выхлопом, медленно ползет вниз по серпантину.

Проклиная в уме Клим, раскаленное солнце и весь этот сумасшедший день, который для меня начался в пять утра, я побежал по высушенным холмам, стараясь не упускать из виду «Москвич». Бежать уже не было сил, но, к счастью, необходимость этого отпала. Когда я, высунув язык, вывалился на шоссе, машина стояла рядом с улочкой, ведущей к моей даче. Ирина вышла из машины, и, пока она с натянутой улыбкой прощалась с Климом, я переводил дух, сидя в тени пыльного кипариса. Наконец «Москвич», отравляя атмосферу, покати́л дальше, а она, оглянувшись, свернула в проулок. Когда Ирина скрылась за домами, я покинул свое убежище и, уже не торопясь, пошел следом.

Из-за ствола тополя я увидел, как она приблизилась к калитке дачи, в очередной раз посмотрела по сторонам, привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до защелки, открыла дверь и юркнула во двор. Я поторопился за ней, чтобы не упустить самое интересное.

Во дворе Ирины не было, в палисаднике тоже. Оставалась крыша. Я встал перед лестницей, не зная, как подняться по ней бесшумно. Осторожно поставил ногу на нижнюю ступеньку — деревянная доска прогнулась, но не скрипнула. Поставил вторую... и вдруг услышал тихий шипящий звук, будто вспыхнула спичка, и над крышей поплыл серый дымок.

По-моему, самое интересное уже началось, а, может быть, уже прошло. Рискуя обломать своей тяжестью прогнившие ступени, я взлетел вверх, сильно стукнувшись головой о ветку ореха.

Ирина сидела на раскладушке с перекошенным от испуга лицом. Думаю, что она не закричала только потому, что вовремя закрыла ладонью рот. На полу, у ее ног, тлел кусочек бумаги. Я придавил его подошвой.

— Это вы? — с трудом произнесла она, пытаюсь вытянуть губы в улыбке. — А я думала...

— Ну, хватит! — выкрикнул я. — Ты что, решила поджечь мою дачу?

Ирина фальшиво рассмеялась, потом провела ладонью по лбу и опустила глаза:

— Простите, Кирилл. Сама не знаю, что на меня нашло. Умоляю вас, уведите меня отсюда, мне надо чего-нибудь выпить.

Я понял, что, если она не расскажет всего сейчас, то уже через несколько минут, когда я поведу ее «что-нибудь выпить», возьмет себя в руки, и я снова ничего от нее не добьюсь.

Ирина взяла себя в руки намного быстрее, чем я ожидал. Вскинула на меня глаза и уже другим тоном спросила:

— Что ты следишь за мной, как ищейка?

— Ирина, я повторяю свой вопрос: где Анна?

— Я не знаю, где твоя Анна.

— Что ты здесь делала?

— Искала свою помаду в косметичке. Позавчера одолжила, сегодня забираю. Что, нельзя? Можешь так сильно не волноваться, я ничего не украла с твоей дачи.

Я поднял с пола полуобгоревший бумажный уголок. Похоже, это была визитная карточка. Я с трудом разобрал остатки слова, может быть, фамилии: «РОВ», и ниже, более мелким шрифтом, «тор».

— Что это?

— Не знаю, — коротко ответила Ирина и отвернулась, делая вид, что рассматривает Портовую башню.

— Не принимай меня за идиота! Ты пришла сюда для того, чтобы сжечь эту визитку. Кто такой этот «РОВ»? Какое отношение он имеет к Анне?

— А ты случайно в полиции не работал? — томным голосом спросила Ирина. — Из тебя бы получился хороший мент. — Она поднялась с раскладушки. — Ладненько, я пошла... Ой, черешни сколько! Угостил бы, что ли.

Ну что с ней делать? — думал я, глядя, как Ирина, ухватившись одной рукой за арматурный каркас, свешивается с крыши и тянется к тяжелым ветвям, усыпанным крупной желтой черешней. Не получился бы из меня мент. Ни хороший, ни плохой.

5

Я плелся по жаре домой, машинально хлопая себя по карманам в поисках ключей, и только когда вывернул их наружу, вспомнил, что сдуру отдал ключи женщине в желтом сарафане, чтобы из моей квартиры она позвонила по телефону.

Да, Кирилл, сказал я себе, в последнее время у тебя что-то с головой. Женщины крутят тобой, как хотят.

Подойдя к двери, я нажал кнопку звонка, но мне никто не открыл. Я позвонил еще раз, потом постучал. Эта женщина, вроде, на воровку не похожа, подумал я, прислушиваясь к тишине за дверью. Да и воровать у меня нечего. Может быть, она давно ушла, но куда в таком случае дела ключи? Я немного подумал, спустился вниз и посмотрел на свой балкон. Как хорошо, что ей не взбрело в голову закрыть балконную дверь — почти круглый год я держу ее открытой. Во-первых, в квартире всегда свежий морской воздух, а во-вторых, случайно забывая ключи, легко проникаю в квартиру через балкон.

На этот раз я так и сделал. Упражнение для начинающего скалолаза — сначала на бетонную плиту, служащую навесом над подъездом, с нее, по газовой трубе, держась за подоконник на втором этаже — на перила балкона соседа, а оттуда уже легко дотянуться до моего. Раз-два, и я в комнате.

Я ожидал увидеть все, что угодно, но только не это. Кадр из детективного фильма! На стуле, как раз напротив меня, сидела та самая глуповатая женщина в желтом сарафане. Голова ее была безвольно опущена на грудь, глаза закрыты, но, слава Богу, она была жива, и при каждом вздохе опоясывающие ее тело веревки врезались в кожу, оставляя на ней красные полосы. Рот завязан кухонным полотенцем, веревочная петля, стянувшая шею, соединена узлом с руками, заведенными за спину, из-за чего женщина не могла ни пошевелить ими, ни опустить их ниже. Ноги несчастной двумя поясными ремнями были прижаты к ножкам стула. Компактно, аккуратно и надежно. Профессиональная работа.

Услышав мои шаги, женщина открыла глаза, и из них выплеснулся безмолвный крик. Она не узнала меня в первое мгновение, приняв, должно быть, за своего мучителя. Должен признаться, что у меня не шевельнулось в душе ни малейшего сострадания к ней — может быть, потому, что сам факт присутствия в моей квартире связанной женщины, оказавшейся здесь совершенно случайно, был невероятен, и я еще не воспринимал его достаточно серьезно. Поэтому я не кинулся развязывать ей руки, а с выражением глубочайшего недоумения на лице обошел вокруг моей странной гостьи, заглянул во вторую комнату, затем в коридор, на кухню и снова вернулся в комнату.

Дверки платяного шкафа были раскрыты настежь — отсюда вытащили ремни, из кухонного стола выдвинули ящик, нарочно или в спешке бросив его на пол. Я собрал с пола вилки и ножи, вставил ящик на свое место.

Но это все были мелочи. Самая главная потеря — унесли золотого дракона инков с изумрудным глазом, которого я привез из Южной Америки. Вещица дорогая, и не только потому, что золота в ней почти на два кило, но и как память о моем авантюрном путешествии. Я никогда не прятал дракона от посторонних глаз, потому что определить его подлинность и ценность мог только специалист, а этнографы, специализирующиеся на культуре древних инков, пока еще у меня в гостях не были. Друзья же, в том числе и Клим, воспринимали дракона как дешевую латунную безделушку, которую я купил на рынке у цыган, торгующих бижутерией и гипсовыми статуэтками чертей.

Я взял табурет и сел напротив женщины, внимательно глядя ей в глаза, молящие о помощи. Что-то не нравится мне весь этот спектакль...

Два года назад я был очень доверчивым человеком, и на мои уши совсем несложно было навесить лапшу. С лапши и началось мое знакомство с Валери, тогда еще будущей матерью моей дочери. Эта красивая, умная и хитрая метиска возглавила группу мошенников, и они моими руками ограбили инкассатора казино «Магнолия». Впрочем, инкассатором потом оказался сводный брат Валери, но, тем не менее, я глубоко заглотнул приманку, подкинутую мне ею. Дочь перуанца, крупного наркобарона и литовской артистки драмтеатра, она научила меня иначе смотреть на жизнь. Благодаря ей я стал неисправимым скептиком и познал одну очень важную житейскую мудрость: наша жизнь — затянувшийся спектакль, где каждый играет ту роль, которая в наибольшей степени скрывает его истинную суть...

Я молча смотрел на тихие страдания женщины и, прежде чем развязать ей рот и выслушать ее, попытался в общих чертах разгадать, что же произошло. Без всякого сомнения, ее связал кто-то другой, сама она никак не могла связать свои руки за спиной. Предположим сообщника, вместе с которым она решила очистить мою квартиру. Сообщник звонит мне по утрам, чтобы создать атмосферу таинственности, а также вывести меня из себя, затем в очень лаконичной форме предупреждает о какой-то опасности. Нетрудно просчитать, что я тотчас побегу к единственному телефону-автомату в поселке в надежде найти анонимщика, но встречаю легкомысленную гражданку, щебечущую по телефону. Разумеется, она видела какого-то мужчину в красных трусах и хорошо запомнила, куда он пошел, но у нее больше нет жетончика, а так срочно надо позвонить. Я, как нормальный человек, предлагаю ей ключи от квартиры, а сам иду искать муж-

чину в красных трусах, звонившего мне, хотя он вовсе не в красных трусах и давно стоит у подъезда моего дома, ожидая женщину с ключами. Затем они быстро очищают квартиру, мужчина, обеспечивая женщине алиби, связывает ее и завязывает ей рот полотенцем, а сам скрывается...

Я встал, поднял с пола нож, лежащий рядом со стулом, разрезал веревки, развязал ремни, а полотенце, которым был перетянут ее рот, не развязывая, стянул на шею на манер пионерского галстука. Резать жалко, пусть мучается с узлом сама.

— Это ужасно! — произнесла она первую фразу и, точно следуя предсказанному мною сценарию, принялась плакать. Слезы были натуральные, и она вытирала их кончиками «пионерского галстука». Я проявил железное терпение и позволил ей проиграть эту «мокрую» сценку до конца. Когда слезки иссякли, женщина посмотрела на меня и тихо попросила:

— У вас нет какой-нибудь воды?

Готовится к монологу, подумал я и принес ей воды из-под крана. Она выпила весь стакан с такой жаждой, что, уверен, легко справилась бы и с трехлитровой банкой.

— Ну, — сказал я, закидывая ногу на ногу и скрещивая на груди руки, — теперь можно и поговорить. Начинайте! Про то, как в квартиру неожиданно ворвался незнакомец в очках, как он ударил вас, а потом связал.

— А вы откуда знаете? — выпучив на меня глаза, полушепотом спросила она.

— Да такое у меня свойство. Про Вангу читали? Так вот, я ее дальний родственник. Закрою глаза и вижу, что происходило там, где меня не было. Так что я жду. Говорите только правду и в подробностях.

Она вдруг прижала к груди руки и быстро-быстро заговорила:

— Клянусь вам, я думала, что это вы, и не стала спрашивать, но только дверь приоткрыла, он сразу ногу просунул, телом надавил — куда там мне с таким конем справиться! Я бы полицию позвала, но он, паскудина такая, сразу за горло схватил, к лицу какой-то дезодорант подсунул, а потом на стену толкнул. Я только за вашу куртку успела схватиться, да так с ней и отлетела, там, кажется, петелька оторвалась — я сейчас пришью. У меня от неожиданности, знаете, прямо-таки горло свело, я стою, глазами моргаю, ничего сказать не могу, а он — рукой за лицо и повторяет одно и то же, как заведенный: где, мол, Вакула, куда он спрятался...

— Вацура, — поправил я и подумал, что они молодцы, учли даже такой тонкий момент, как преднамеренное искажение фамилии.

— Извините, я не помню точно.

— Естественно, — закивал я головой. — И что было дальше?

— Ну, я не буду повторять, что он мне говорил — там все с матом, очень грубо, потом толкнул меня на стул, достал из кармана веревку и связал, как колбасу, — чтоб он удавился на этой веревке! У меня руки и ноги затекли, я до сих пор пошевелить ими не могу.

— Ну-ну, а дальше? Он стал обыскивать шкафы...

— Нет, — покачала головой женщина, — он ничего не обыскивал, а только полез вон туда за ремнями, да на кухню сходил за ножом — ему концы надо было обрезать. А когда уже уходил, тогда только снял какое-то украшение на стене — я не разобрала, что это было, чеканка, что ли?

— И вы потеряли сознание, — довершил я ее рассказ.

— Если б потеряла, — вздохнула она. — А так все эти три — или сколько там часов прошло? — дышать боялась. Все думала, что он сейчас вернется и саданет ножом по горлу.

— Вот видите, как хорошо, — сказал я и улыбнулся. — Вы отделались легким испугом, даже синяков на лице не видно. Только вы забыли сказать о самом главном.

— О чем же? — насторожилась женщина.

— О том, что этот страшный человек и есть тот самый мужчина в красных трусах, который звонил из санаторного телефона сегодня утром.

— Нет, это был не он, — медленно покачала она головой.

Вот так прокол! Я даже расстроился и удивленно развел руками:

— Как же, милая! Как же вы запомнили? Без всякого сомнения, это был именно тот мужчина! Сначала он позвонил мне домой, выясняя, на месте ли я, а затем пошел меня грабить, но, к несчастью, на моем месте оказались вы, и не смогли оказать злодею достойного сопротивления.

Женщина снова уставилась на меня пустыми глазами и снова покачала головой:

— Не, вы меня не путайте. Не тот это был. Тот, что в трусах, я его хорошо запомнила, он каждое утро под моим балконом пробегает. Высокий, рыжий, худощавый, руки и ноги бледные. А этот, что в квартиру вломился, роста чуть пониже вашего, темноволосый, нос с горбинкой, борода черная, какие моряки носят.

Зачем так усложнять легенду? — подумал я, и тут в душу ко мне закралось сомнение: а вдруг она говорит правду?

У меня вдруг нестерпимо разболелась голова. Надоело, подумал я, надоело придумывать загадки и самому их разгадывать. Звонки по телефону? Так мало ли кто может ошибиться номером, мало ли кто решил меня разыграть? Собственно, а почему я исключил Клима? Весной он толкнул меня с пирса в воду, естественно, в одежде. Подобные шутки

в его репертуаре. Голос не его? Так голос несложно изменить при помощи кусочка фольги или газеты, скрученной в трубку.

Остается сегодняшняя кража без взлома. Почему я так уверен, что вокруг меня одни идиоты, не способные отличить золото от латуни? Кто-то из моих друзей где-то ляпнул, кто-то услышал, кто-то вспомнил, что я недавно вернулся из Южной Америки — вот и логическая цепочка, вот и основание для кражи. Два кило золота висят на стене у чудака, который, уходя из дому, даже не закрывает балконную дверь — иди и бери.

Женщина с тревогой смотрела, как я расхаживаю по комнате и тру рукой лоб.

— Ни о чем не беспокойтесь, — сказал я ей. — Я позвоню в полицию, приедут следователи и во всем разберутся. У вас есть при себе какие-нибудь документы?

— Есть, — кивнула она. — Карта гостя. Вот.

Она достала из кармана сарафана потрепанную карточку и протянула мне. Мищук Мария Богдановна. Корпус третий, комната двадцать восемь.

— Хорошо, идите, — кивнул я, возвращая ей карту. — Если что — вас найдут.

Женщина поднялась со стула, на котором просидела полдня, переминаясь с ноги на ногу, попрощалась, извинилась, снова попрощалась и неслышно вышла из квартиры.

6

Разумеется, я не стал вызывать полицию. Что я скажу им? Что у меня украли слиток золота, который я контрабандным путем вывез из Перу? Начнутся расспросы, почему я отстал от группы, чем занимался в Приамазонии почти год, почему, в конце концов, живу здесь без прописки, и отчего моя покойная бабуся забыла написать на меня завещание. Если я расскажу все, то у них волосы встанут дыбом, и меня моментально передадут в службу безопасности.

Однако я не был намерен так просто расстаться со своей реликвией. Человека, который вломился ко мне, можно просчитать, если, в самом деле, составить цепочку, по которой слух о золотом драконе просочился в среду «домушников». И в этом деле никого нельзя сбрасывать со счетов. Даже Клима.

Я прекрасно выспался следующей ночью, хотя проснулся где-то около шести, никто мне не звонил, не советовал готовить себе алиби, и хорошее настроение подпортила только голая стена с одиноким гвоздем, на котором еще вчера висел золотой дракон.

Я взял ведро с размоченным хлебом и отправился на дачу. За художественным музеем свернул налево и пошел вниз. Когда сравнялся с проульком, мое внимание привлек человек, бегущий по серпантину в мою сторону. Точнее, не сам человек, а его ярко-красные спортивные трусы, горящие, как люминесцентный светильник. Рыжеволосый, кудрявый, с бледной, слегка порозовевшей кожей. Э, да это тот самый тип, который, если верить словам Марии, звонил мне вчера утром!

Я застыл со своим ведром на обочине дороги, не зная, что предпринять. Как заговорить с бегущим человеком? О чем спросить его? Времени на раздумья у меня не было, человек приближался с каждой секундой.

Я закинул ведро в кусты, отвел руки за спину и стал прохаживаться от одного края дороги к другому. Бегун вильнул в сторону, чтобы не налететь на меня. Я понял по его безразличному лицу, что он меня не знает и никогда раньше не видел. Я сделал широкий шаг и махнул рукой:

— Стой! Стой!

Наверное, у рыжего были неважно отрегулированы тормоза, и он все-таки задел меня плечом, чертыхнулся, хотел было побежать дальше, но я крепко схватил его за влажное запястье. Он вытаращил на меня глаза и, брызгая слюной, крикнул:

— Ты что хватаешь? Взбесился? А ну, отпусти руку!

— Я — старший егерь судакского лесхоза Бодунко. Еще вопросы есть?

— Ну и что? — Рыжик все еще дергал свою руку, но уже не столь агрессивно. — А что я такого сделал?

— Щит перед подъемом видели? Читать умеете?

— А что там особенного? — зашлепал он мясистыми губами.

Убедившись, что он не станет убегать от меня, я отпустил его руку и, расхаживая перед ним, монотонным голосом пояснил:

— На щите написано: «Государственный ботанический заказник «Новый Свет». Посещение леса, разбивка палаток, разжигание костров строго воспрещается». Так?

— А я что, разжигал костры?

— Нет, вы посещали лес.

— Да я только по дороге...

— Ай-я-яй! — покачал я головой. — Зачем вы обманываете? Все говорят, что только по дороге, а сами в лес ходят. Вот и вы тоже. У вас же кроссовки в глине.

— Да я только на обочину сошел. Там даже трава не росла.

— На обочину, — опять покачал я головой, с удовольствием играя роль егеря. — Да у нас обочина — до самого моря обочина. Здесь экология, а она у нас одна. А вот вас, приезжих, — как собак нерезаных. Каждый

сойдет на обочину, и через два года леса не станет. Ясно? Придется жаловаться на вас администратору санатория. Вы ведь из «Сокола»?

— Да, — ответил рыжик, погрузнев.

— И штраф с вас полагается.

— А у вас есть какие-нибудь документы? — насторожился рыжик.

— А зачем мне документы? Меня начальник санатория знает, как облупленного. Сейчас сходим к нему, составим акт — копию, кстати, вышлем по месту вашей работы — а потом уже уплатите штраф. Не знаю, какие меры к вам начальник применит. Одного такого марафонца в прошлом году досрочно выгнал из санатория. Гербарий собирал, ботаник хренов.

— А может быть, обойдемся без начальника? Я уплачу вам штраф, и на этом поставим точку?

— Все вы ищете какие-то пути, чтобы увильнуть от закона, — вздохнул я. — Ладно. В порядке исключения. У вас деньги с собой? — спросил я, хотя было совершенно очевидно, что в трусах спрятать деньги невозможно.

— К сожалению, нет. Если вам не трудно — здесь недалеко.

— Ну, идемте, только быстрее, — поморщился я.

Я конвоировал рыжика по санаторной аллее, мы зашли в жилой корпус, я громко поздоровался с дежурной, которую видел первый раз в жизни, и, не давая ей опомниться, быстро затащил рыжика в лифт.

— Какой этаж?

— Пятый.

Дверки лифта разъехались в стороны. Холл с пальмой в ящике, балкон с открытыми настежь дверями. В конце коридора, с пылесосом в руках над ковровой дорожкой склонилась уборщица. Дверь в подсобку, заставленную пустыми бутылками, вениками, швабрами и ведрами, открыта. Пока уборщица поравняется с подсобкой, пройдет не меньше пятнадцати минут.

Я резко толкнул плечом рыжика в подсобку, но он успел отреагировать и расставил руки в стороны, упираясь в стенку. Слабый аргумент, его руки несложно было вернуть на прежнее место легким ударом в солнечное сплетение. Рыжик негромко вскрикнул, но я уже втолкнул его в подсобку, мягко закрыл за собой дверь и использовал швабру в качестве запора.

— Вы... вы... — пытался он озвучить свой испуг и вялое возмущение. — Я сейчас закричу! Вы ничего не сможете со мной сделать! Я сейчас...

— Тише, — перебил я его, — я не причиню вам вреда, если вы ответите на мои вопросы. Отвечаете — и мы расходимся. Все ясно?

— Что вам надо? Я вас не знаю! Я отказываюсь говорить в этом месте!

— Вы меня не знаете, но, тем не менее, звоните мне по утрам и пытаетесь запугать какими-то глупыми угрозами. Вы думали, что я вас не найду, и ваше хулиганство пройдет безнаказанно?

Вот только сейчас он по-настоящему испугался, и у меня отлегло от сердца: звонил он, в этом можно было уже не сомневаться.

— Бога ради, простите меня! — взмолился он. Я совсем не желал вам зла. У меня и мысли не было угрожать вам. Я только хотел предупредить вас... то есть не я, а один молодой человек...

— Говорите спокойнее и внятнее. Вас только на митинги выставляли.

— Я вас не знаю, — начал он, как ему показалось, с самого главного, — а так часто звонил потому, что мне все время мешали. Один раз я звонил из кабинета заместителя по финансам, но не успел ничего вам сказать, так как мне помешали, во второй раз я звонил из библиотеки, но там нельзя было говорить громко...

— Вы больной? Маньяк? У вас навязчивые идеи? — совершенно серьезно спросил я.

— Да нет же! Как вы не понимаете? Мне до вас вообще никакого дела нет! Я не по своей воле звонил вам. Меня попросили об этом, ну, как не оказать небольшую услугу.

— Кто вас просил?

— Один молодой человек. Я совершенно его не знаю, мы повстречались на пляже. Он попросил позвонить вам и сказать, чтобы вы проявляли осторожность и обеспечили себе алиби.

— И все?

— Клянусь — ни слова больше!

— Он вам назвал мою фамилию?

— Да. Вацура, если не ошибаюсь?

— А телефон?

— Телефон он мне продиктовал, чтобы я записал номер своей рукой.

— А почему вы согласились выполнить такую странную просьбу?

Рыжик замялся, и я помог ему:

— Он вам заплатил.

— Да. Простите меня, ради бога! Я думал, что этот звонок вам во благо.

— Как он выглядел?

— Молодой, не больше двадцати пяти. Крепкий, коренастый.

— Особые приметы?

Рыжик задумался, наморщил лоб.

— Вы знаете, у него было настолько типичное лицо, что я вряд ли узнал бы его даже сейчас. Короткая стрижка, голова низко посажена. Крупный нос.

— С горбинкой?

— Нет, нос обычный, картошкой.

— Наколки на руках, груди?

— Не припомню. По-моему, не было.

— А почему он выбрал именно вас? Что, на пляже больше никого не было?

— Да он, собственно, меня и не выбирал. Это я к нему подсел. Рядом с ним место свободное было.

— Он был один?

— Да. Сидел на полотенце, смотрел на море. Спросил о какой-то ерунде, вроде, нет ли у меня спичек? А я ведь не курю.

— А как он потом перешел к своей просьбе?

— Поинтересовался, в «Соколе» ли я отдыхаю? Я ответил, что да, в «Соколе». Он сказал что-то вроде того, что очень хороший санаторий, он тоже в нем отдыхал, и вообще любит море, но сегодня уезжает, а до своего дружка, мол, дозвониться не успел, а сообщить ему надо нечто очень важное. И спросил, не могу ли я завтра позвонить по местному телефону? Ну и тут же портмоне раскрыл, достал двадцать долларов. Мне, знаете, так стыдно стало...

— Ладно, хватит, мне все ясно, — сказал я, почему-то испытывая к рыжему не самые добрые чувства.

— Только из лучших побуждений, — еще раз заверил он меня. — Так что примите меры и готовьте, так сказать, алиби...

— Я это уже слышал, — перебил я его и вытащил швабру из дверной ручки.

Мы вышли из подсобки и, когда дошли до лестничной площадки, рыжик вдруг улыбнулся:

— А ловко вы меня насчет штрафа надули. Я в самом деле поверил, что вы егерь.

Я уже не слышал, что он там бормочет. Коренастый, нос картошкой, голова низко посажена, мысленно повторял я словесный портрет человека, который предупредил меня об опасности.

7

Вернувшись к тому месту, где тормознул рыжика, я вытащил из кустов ведро с куриной едой и пошел на дачу. Прежде чем зайти в полисадник и накормить озверевших от голода кур, поднялся на крышу. Все, как было. Раскладушка, тапочки, косметичка, на полу — черный след от сожженной визитки. Анна здесь так и не появлялась.

Снова в душу закрался холодок тревоги. Ирина, само собой, говорила неправду. Не похоже на Анну, чтобы вот так неожиданно, не предупредив, она сорвалась с места на несколько дней то ли к родственнице в Джанкой, то ли с любовником в Новый Свет. Я нехорошо усмехнулся неожиданно пришедшей в голову мысли: Анна пропала, обеспечивая себе алиби. «Вольво» — в Новом Свете. Ей и ее любовнику — или кто он там? — нетрудно будет доказать, что в момент ограбления они находились далеко от поселка. Я даже чертыхнулся от досады: как же мог забыть, что на сегодняшний день единственный человек, который знал, что именно висело у меня на стене, — это Анна?

Я глянул на часы. Через минут десять от «пяточка» рядом с кафе «Встреча» отойдет автобус на Новый Свет. Почему бы не прокатиться, не посмотреть на эту «вольво», если, конечно, Клим не соврал?

Желтая занавеска трепыхалась на сквозняке и все время норовила дать мне пощечину. Пришлось связать ее узлом и конец отправить за окошко. Водитель, по-моему, не любил пользоваться тормозами, и автобус, ни разу не снизив скорости, ужом скользил по серпантину. Справа возвышалась серая громада Сокола, слева — густая синева моря; на очередном крутом вираже они менялись местами, под колеса автобуса кидался живописный обрыв, и иногда трудно было сказать с уверенностью, едем ли мы или летим.

В Новом Свете я бывал часто, хотя этот поселок, отстроенный в реликтовом лесу, меньше всего был предназначен для зарабатывания или траты денег. Райское захолустье. Здесь не было ни одного ресторана, ни одного прибрежного кафе, если не считать тех, которые от посторонних глаз спрятаны в санаторных корпусах, ни одного развлекательного заведения. На весь поселок — единственный продуктовый магазин, иногда торгующий хлебом, кефиром и почти всегда — шампанским местного производства. Зато здесь чистейшая вода и безумно красивые бухты, где я часто охотился на камбал и любил блуждать среди каменных столбов горы Караул-Оба.

Я спустился вниз по кипарисовой аллее, уже издали приглядываясь к крышам автомобилей на стоянке. Стоянка без ограждения, без охраны. А вот и «вольво» стоит в тени, под пышной акацией, стоит не первый день, это видно по высохшим листьям, упавшим на капот и крышу.

Я не спеша подошел к машине и сквозь затемненные стекла с любопытством стал разглядывать салон. На полочке под задним стеклом — атлас автодорог, аптечка, спортивная куртка, две крохотные колонки стереосистемы, словом, стандартный набор. А вот на заднем сиденье в диванной

складкей темнело нечто более любопытное — черная плетенка с нитками биссера и золотой стружки. Так и есть, это бархатная заколка Анны.

Я отошел на два шага, опустил глаза: две семерки, триколор. Машина с московским номерным знаком.

Толстопузый мужчина в белой рубашке наблюдал за мной из дверей в кафе. Мне надо было, чтобы он первым заговорил со мной, и я, снова приблизившись к машине, постучал ногой по колесу.

— Э! — рявкнул он. — Отвали от тачки!

— Это ты мне? — медленно повернув голову, уточнил я.

— Тебе, тебе! — С плохо скрытой угрозой на физиономии он двинул на меня.

Я перехватил его влажную руку, которой он намеревался взять меня за грудки, сжал покрепче, показывая, что моя рука работает не хуже его, и, глядя сквозь него, спросил:

— Разве хозяин машины не предупредил, что с его друзьями надо обращаться вежливо?

— Чего? — не понял толстопузый, глядя на мои стоптанные кроссовки.

— Сгоняй-ка за бутылочкой холодной пепси, а потом поговорим, — сказал я, небрежным движением вытаскивая двадцатидолларовую купюру — все, что я заработал за последний месяц на кильке, — и загнал ее в карман его рубашки. Толстопузый вытащил купюру, покрутил ее в пальцах и сказал:

— Щас сделаю.

Он вынес из кафе запотевшую бутылку пепси-колы с пластиковым стаканчиком на горлышке, протянул мне, и я, отпивая из горлышка, спросил:

— Когда они машину заберут?

— Обещали сегодня. Ждем-с. — Его физиономия расплылась в улыбке.

— А подруга его большую красную сумку с собой не несла? — Сумку я придумал на ходу, лишь бы что-нибудь спросить.

— Не было, — покачал он головой. — Ни большой, ни маленькой. За чем бабе сумка, когда у мужика бумажник толстый?

— Это точно, — подтвердил я, поставил недопитую бутылку на асфальт и поднялся на ноги. — Ладно, пойду поищу их, а то второй день найти не могу.

— Где ж ты их искать собрался? — выкатил глаза от удивления толстопузый. — Ну и друг! Они ведь на яхте уплыли. Иди на пирс, встречай.

— А что, это хорошая идея, — кивнул я и быстро пошел по парку вниз.

Двадцать баксов отдать только за то, чтобы узнать, что Анна с любовником уплыла на яхте! — мысленно проклинал я себя. Идиот, недоумок! На что, Кирилл Андреевич, теперь прикажете жить? И все-таки эти деньги я

потратил не совсем зря. С моих плеч словно камень свалился. Теперь у Анны было железное алиби, и я мог с уверенностью сказать, что к похищению дракона ни она, ни водитель «вольво» не имеют никакого отношения.

И что совершенно невероятно: во мне проснулось давно забытое чувство ревности.

8

Я проторчал у пирса часа три, ожидая появления яхты, а когда мне окончательно надоело заниматься частным сыском, поднялся на шоссе и на попутке вернулся в Уютное.

Когда солнце зашло, на землю опустилась блаженная прохлада, и во дворе, за деревянным столом собралась толпа доминошников, ко мне заглянул Клим. Был он на редкость немногословным, предупредил меня, чтобы через два-три дня я был готов закинуть в Симферополь три бочки кильки пряного посола, после чего выпил бутылку ледяного феодосийского пива и поплелся домой.

Спустя пятнадцать минут после его ухода я уже лежал на диване и почитывал скучнейший любовный роман. Как раз в том месте, где инфантильный Крис бросился в океан, чтобы свести счеты с жизнью, зазвонил телефон. Я решил, что это Клим: вспомнил что-то важное и не смог дождаться утра. Я поднял трубку и сразу бросил раздраженно:

— Ну, что еще?

Уже через несколько секунд я отчетливо понял, что это не Клим, и что сейчас начнется нечто любопытное: человек, позвонивший мне, молчал.

— Рыжик, это снова ты? — спросил я ласковым голосом. — Не робей, заяц-побегаец, выкладывай, что тебя еще беспокоит?

Мой абонент подал признаки жизни: громко засопел, затем кашлянул и вдруг незнакомым голосом сказал:

— Добрый вечер! Мне нужен Кирилл Вацура.

— Я у телефона.

Долгая пауза, шипение, щелчки. Затем:

— Я вчера не застал тебя дома.

— Простите, но я не ждал гостей. Ну, как вам понравилась моя квартира, а зеленоглазый дракончик, которого вы сняли со стены? А брючные ремни? Они были крепки, как бычья жила, и женщина...

— Слушай меня внимательно, — перебил он. — Нам все известно о твоих подвигах, ты хитрый, умный и смелый человек. Ты талантлив, но как последний торгаш зарабатываешь на спекуляции рыбешкой. Ты стоишь намного больше, и мы хотим предложить достойную тебя работу.

Завтра утром ты получишь аванс, немного позже — задание, которое должен будешь выполнить. Предупреждаю, что о нашем разговоре никто не должен знать, это в твоих же интересах. Женщину предупреди, чтобы она забыла о нашей с ней встрече. Сделаешь все, как я тебе скажу — получишь назад своего дракона плюс хороший гонорар...

Я вдруг понял, что слушаю магнитофонную запись. Монолог закончился, в трубке что-то щелкнуло, и побежали короткие гудки. Я где-то слышал, что, если не опускать трубку, то каким-то образом можно выяснить, откуда тебе звонили. Но как это сделать? Бежать на АТС? Или нужен аппарат с определителем номера?

Никуда бежать я сейчас не собирался, определителя у меня не было, и я швырнул трубку на аппарат. Час от часу не легче. Верно говорят: то пусто, то густо. Всю зиму и весну было так спокойно, что я чуть от тоски не умер. Хоть бы один анонимщик позвонил, хоть бы кто-то попытался дверь выломать. Дудки! А сейчас — на тебе! То Анна со своей поджигательницей тумана нагоняет, то какой-то двинутый рыжик за двадцать баксов чье-то предупреждение озвучивает, то какой-то горбоносый бородач в квартиру вламывается и уносит последние два килограмма золота, а потом звонит, говорит столько комплиментов, сколько я за всю жизнь не слышал, и предлагает работу.

Я вышел на кухню, порылся в своих запасах и вынул бутылку марочного «Сурожа». стакан осилил, а вот второй не потянул, вылил остатки пойла в раковину и лег в постель.

Ночью мне снилась моя дочь Клементина. Взрослая, темноволосая девушка с голубыми глазами тихо говорила мне: «Отец, зачем ты убил маму?»

— Ку-ку! — сказала Анна.

Она стояла посреди двора и энергично вытирала мокрую голову полотенцем. Три дня ее не было, а загорела так, словно мы не виделись месяц. На губах — осторожная улыбка, в глазах столько всяких чувств, что их выражение не поддается дешифровке. Кажется, она хотела понять, как я отношусь к ее самовольной отлучке. А я никак не отношусь. Мне нет никакого дела до ее прогулок на машинах, яхтах, до ее шизанутых подруг и любовников с толстыми кошельками.

— Здравствуй, — ответил я как можно сдержаннее и прошел в палисадник.

Анна неслышно, как тень, проследовала за мной, и пока я снимал с са-райчика решетку и выпускал живность на свободу, не сводила с меня глаз.

— Ты на меня обиделся? — спросила она.

— Вот еще! — усмехнулся я. — Других проблем нет, что ли?

— Ты не подумай ничего плохого, у меня была обычная деловая поездка.

— Меня совершенно не волнуют твои дела... Кстати, комната освобо-
дилась, так что можешь переезжать вниз.

— А я тебе привезла бутылку мускатного шампанского.

— Спасибо, но я не пью. Подари лучше своему приятелю.

Анна постояла еще минуту, наблюдая за мной, и тихо удалилась. Так-то
лучше, подумал я.

По дороге домой я встретил Клима. Он по-прежнему был хмурым, вдо-
бавок, под глазами набухли мешки.

— Что это ты так плохо выглядишь? — заботливо спросил я его.

— Какой-то придурок вчера поздно вечером звонил, я так и не понял,
что ему надо было, — криво усмехнулся Клим.

— Надо же! — покачал я головой. — Кстати, Анна вернулась. Можешь
забирать ее к себе, причем бесплатно.

— Да ну ее на фиг! — махнул он рукой.

— Разонравилась?

— Не до баб сейчас. Готовься бочки везти.

— Всегда готов! — Я отдал пионерский салют.

— Куда это ты торопишься? Опять нервишки лечить, черепушку ло-
мать?

— Йес, сэр! — признался я и поторопился распрощаться с Климом, по-
тому как время бежало стремительно, а мне еще надо было собрать снаря-
жение. Дома я постарался не задерживаться надолго: выпил кружку кофе,
оделся соответственно предстоящему занятию и выволок из-под дивана
штурмовой рюкзачок. В нем уже лежали бухты веревки и репшура метров
на сто, но мне показалось этого маловато, и я вышел на балкон — там на
крючьях, которые я вогнал в стену, висела еще пара мотков старой, но впло-
не пригодной итальянской веревки. На балконе у меня, конечно, не всегда
царит идеальный порядок, но посторонний предмет под ногами я заметил
сразу. Это был газетный сверток, перетянутый обычной черной резинкой,
которая используется на бигудях. Я присел возле свертка на корточках,
внимательно осмотрел, не прикасаясь, затем осторожно взял в руки.

С недавних пор подобные штучки стали мне сильно не нравиться. Мой
несчастный друг Борис позапрошлой осенью, после своего вояжа на бе-
рега Пянджа, получил маленькую бандерольку, вскрыл ее и тотчас от-
правился к праотцам.

Я взвесил на ладони сверток. Если он начинен тротилом, то, судя по
весу, его там слишком мало, чтобы разорвать меня в клочья, но достаточ-
но, чтобы сделать меня беспалым или одноглазым. Ножницами, которые

принес из комнаты, я перерезал резинку и осторожно стал разворачивать газету, стараясь не переворачивать сверток кверху дном. Итогом напряженного труда, от которого у меня мучительно заныла спина, стали мятый экземпляр позавчерашней «Курортной газеты» и худая пачка долларов.

Я присвистнул, хотя за последнее время должен был отучиться чему-либо удивляться, быстро пересчитал купюры, самая крупная из которых была двадцатка. Вышло что-то около пятисот баксов.

Мне известны многие способы зарабатывания денег, но чтобы вот так, прямо с неба на голову — с таким я еще не встречался. Такой же резинки, что я порезал ножницами, у меня не нашлось, и тогда я обмотал сверток ниткой, положил его на прежнее место и прикрыл сверху ржавым чугуном казаном, в котором когда-то варил плов. Не видел, не брал, не считал. Если у этих денег есть хозяин, и их разыскивают, то я не буду этому препятствовать.

Ладно, подождем, последим за развитием событий, сказал я себе, снял с крюка бухту в полиэтиленовом мешке и, зайдя в комнату, закрыл за собой балконную дверь на запоры. Это я изредка делал даже зимой.

9

Конечно, меня не дождались. Когда я пришел в лагерь альпинистов, Князев и Гриша уже оторвались от грешной земли и шли траверсом по стене на высоте метров двухсот. Я сложил руки рупором и крикнул короткое приветствие. Альпинисты, знаю, не любят криков. Громкий голос способен сорвать на головы людей лавину или камнепад. Пятясь спиной, я предусмотрительно отошел подальше от стены и чуть не повалил палатку, наступив на растяжки. Еще три дня назад этой палатки здесь не было, значит, сезон набирает силу, народ с ускоряющимся темпом рвется к морю и солнцу.

— Я чуть было не лишил вас крыши над головой, — извинился я перед хозяином палатки, который высунул заспанное смуглое лицо наружу, и присел на корточки, укрепляя колышек камнями.

— Ну что вы, бросьте, я сам! — усмехнулся смуглолицый, почесал затылок, продемонстрировав великолепные бицепсы, потом провел влажным платком по гладкому лицу. — Кофейку не желаете?

Я согласился, хотя мне хотелось не кофе, а на стену, но я рассчитывал, что в процессе питья мы познакомимся ближе и, возможно, сходим на стенку вдвоем, в одной связке.

— Вы откуда? — спросил я его, кидая рюкзак под ноги.

— Кемерово, — быстро ответил он и протянул мне руку: — Джамалханг. Можно просто Джо.

— А меня просто Кирилл.

— Очень приятно. Садитесь, не стойте, в ногах правды нет.

Меня удивило, что он готовил не на примусе, как большинство туристов в Крыму, а на костре. Он пошел напролом через колючие заросли в поисках хвороста, и мне пришлось помогать ему. Когда мы сели в жидкой тени сосенки пить кофе, Князев и Гриша уже дошли до карниза и теперь готовили страховку, чтобы преодолеть отрицательный подъем.

— Завидуете? — спросил Джо, наблюдая, с каким вожделением я слежу за работой скалолазов. — Возьмите бинокль.

У него был неплохой вооружение, каким мог бы похвастаться не всякий альпинист. Пока он вынимал из рюкзака, сшитого из камуфлированной ткани, бинокль, я разглядел шикарный охотничий нож, топорик и мачете, а еще отличную портативную радиостанцию размером с пачку сигарет. Но вот скальное снаряжение у него было слабовато. Веревка — от силы пятьдесят метров, пяток крючьев и титановых карабинов, обвязка, ленточная лесенка, жумар и мешочек с канифолью. С таким снаряжением только на Сахарную Головку взбираться, где тренируются дети.

Однако я слишком поторопился с выводами. Джо поинтересовался, сколько метров в моей бухте, и предложил связать наши веревки в одну. Он сам взялся связывать, и я с удивлением увидел, что делает это он профессионально, затягивая один из сложнейших узлов грейпвайн.

В скалолазании я не считаю себя большим мастером, хотя совершенно определенно могу сказать, что нет в Крыму горы, на которую бы я не смог подняться. Я не боюсь высоты, умею разумно рисковать и верю в свои возможности. Но то, что вытворял на стенке Джо, заставляло мои внутренности сжиматься от страха, и часто казалось, что сердце перестает биться. Он брал высоту не мастерством и высокой техникой, а каким-то безумным авантюризмом. Собственно, страховка и я ему были не нужны, он свободно мог подняться на Сокол в одиночку. Джо начисто отвергал общепринятые нормы и правила скалолазания, зависал над пропастью на одной руке, делал жуткие прыжки в сторону, хватаясь за невидимый выступ в скале, вбивал крючья, повиснув вниз головой с закрепленными в трещине ногами. Он не пускал меня выше себя, оставаясь лидером, выбирал маршрут наиболее сложный и все время поторапливал меня. Каждую секунду я ждал, что он сорвется и с громким воем пронесется мимо меня, и я с ужасом думал о том, сумею ли остановить его падение при таком незначительном количестве крючьев, которые он загнал в стену, и большом расстоянии между нами. Словом, это был смертельный номер, и уже на середине стены я поклялся себе, что с этим самоубийцей в одной связке больше не пойду.

За полчаса мы догнали Гришу и Князю, которые молча проводили нас глазами. Князю остался внешне безразличным, а Гриша многозначительно постучал пальцем по голове.

Мы завершили траверс среди каменных столбов Сокола, откуда открывалась панорама Нового Света, и спустились на шоссе. Почувствовав под ногами землю, я, не снимая натершей мне ребра и бедра обвязки, лег навзничь, приходя в себя. Джо, не без иронии глядя на меня, сворачивал веревку в бухту и затем стягивал ее витками марки.

— А на рог слабо подняться? — спросил он.

Мне этот Джо разонравился. Трюк со скоростным траверсом был затеян только ради того, чтобы утереть мне нос. Ну, допустим, что ему это удалось.

— На какой еще рог? — В моем голосе уже не было прежней доброжелательности.

Джо махнул в сторону Голубой бухты, обрамленной с одного края Караул-Обой, напоминающей пьющего воду носорога. Я понял, что он имел в виду. Гигантский каменный круглый столб почти вертикально устремлялся в небо. Со стороны, противоположной от моря, подъем был относительно несложный — крутизна под семьдесят градусов и высота не больше пятидесяти метров. Но вот со стороны моря — почти полтора-ста метров отрицательного подъема по гладкой, отполированной морскими ветрами поверхности. Мне кажется, что этот рог вообще был непроходим.

— Что, прямо сейчас? — спросил я.

— Зачем сейчас? — покачал головой Джо. — Мы устали. Жарко. Можно выбрать и другой денек... Ну, так что?

— Пойду, — ответил я, совершенно не понимая, зачем соглашаюсь на эту авантюру.

Джо протянул мне свою крепкую волосатую руку и улыбнулся краем тонких губ:

— Ты живешь в Уютном?.. Я тебя найду.

У входа в подъезд меня окликнули. Я обернулся и увидел старшину Володю Кныша из нашего отделения полиции. Несколько раз мы с ним уже встречались — по разным, хорошим и плохим, вопросам, но, в целом, он был добрым малым и, учитывая мое афганское прошлое, неплохо ко мне относился.

— А я тебя жду, Кирилл, — сказал он, обмахивая лицо фуражкой. — Куда это ты с рюкзаком ходил?

Я не стал отвечать, потому что вопрос был дежурный и меньше всего интересовал старшину.

— Зайдем ко мне, что ли? — без особого энтузиазма предложил я, в душе надеясь, что Кныш откажется, но он согласился.

Мы зашли в квартиру, и я кивнул ему на кресло:

— Присаживайся. Чего пить будем?

— Я, сам понимаешь, на службе, — покрутил головой Кныш. — Ты тоже присядь. Я надолго тебя не задержу, но так будет лучше.

Не прогнозируя развитие события, я спокойно сел на диван, снял с себя мокрую майку и принялся вытирать ею грудь.

— Как дела с пропиской? — спросил старшина.

— Без изменений, — пожал я плечами.

— С новосветского завода на тебя жалуются, что занимаешь ведомственную жилплощадь, которая теперь принадлежит им.

— Она принадлежит мне, — спокойно ответил я, — и ты это хорошо знаешь. Я ухаживал за бабкой пять лет до ее смерти, весь поселок свидетель этому...

— Да я знаю! — махнул рукой Кныш. — Но почему, черт возьми, она тебя не прописала здесь?

— У старых людей своя логика.

— Логика, логика, — пробормотал старшина, поднялся с кресла и стал прохаживаться по комнате. — А как прикажешь мне эту логику к закону прищипандорить? Ты — наследник, в этом нет никаких вопросов. Бабкина дача — твоя, мебель — твоя, книги — твои. Но квартира должна уйти заводу, потому что сейчас в ней никто не прописан.

— Ну, так пропиши меня здесь — и все дела.

— Это вряд ли, — вздохнул старшина. — Вот было бы у тебя, скажем, десять тысяч долларов — так выкупил бы у завода эту квартиру, да еще б ванну шампанским наполнил бы! Ладно, я ведь пришел к тебе совсем по другому вопросу. Вчера было мое дежурство, и какой-то шутник подкинул в отделение магнитофонную кассету. Музыка здесь очень любопытная. Есть у тебя какой-нибудь магнитофончик?

Я принес из другой комнаты кассетник и поставил на стол перед Кнышем. Старшина вынул из нагрудного кармана кассету, вставил в гнездо и нажал на клавишу воспроизведения.

Сначала мы вслушивались в шорохи и шумы, потом отчетливо слышался звук наборного телефонного диска, а затем то, что я уже слышал: «Рыжик, это снова ты? Не робей, заяц-побегаец, выкладывай, что тебя еще беспокоит». — «Добрый вечер! Мне нужен Кирилл Вацура» — «Я у телефона»...

- Здорово! — воскликнул я.
— Будешь слушать до конца? — спросил Кныш.
— Нет, спасибо, я уже это слушал.

Он отключил магнитофон, вынул кассету, спрятал в карман и снова внимательно посмотрел на меня:

- Что это все значит?
Я пожал плечами.
— Ты думаешь, это розыгрыш?
— Думаю, да.
— А кто мог тебя так разыграть?

Я снова пожал плечами.

— Ну, хорошо, — сказал Кныш и напялил на голову фуражку. — Если снова будут звонить — ставь нас в известность.

— Ладно, — ответил я, провожая старшину до двери. — Но думаю, что доброжелатели проинформируют вас намного раньше меня.

10

Вот уже отчетливо вырисовываются три стороны, каждая из которых ведет свою игру, думал я, не спеша прогуливаясь по набережной. Первая: это те, кто предлагает мне работу. Вторая: кто предупредил о подставке. И третья: кто подслушал телефонный разговор и подкинул кассету с записью в полицию.

Стемнело. Загоревшие люди, кажущиеся в сумерках еще более темными, фланировали по набережной. Терпкий запах хвои стоял в прогретом воздухе. От асфальта тянуло жаром, накопленным за день. Море уснуло и спряталось в ночи, на его черном полотне горела и перемигивалась россыпь корабельных огней.

Я остановился напротив открытого кафе «Горка», раздумывая, подняться в него или не стоит. Пожалуй, стаканчик пепси-колы я мог себе позволить.

Подставить меня, насколько я понял, собираются как раз по поводу работы, думал я, поднимаясь по ступеням вверх. Значит, все встанет на свои места, как только я категорически и однозначно откажусь от услуг работодателя, если он позвонит мне в следующий раз.

Все столики были заняты, и пришлось сесть на бордюр, обшитый полированными рейками. Потягивая холодную водичку из граненого стакана, я стал размышлять и пришел к выводу, что пока не следует суетиться, бежать в полицию, посылать к черту голос магнитофонной записи. Это я всегда успею сделать, пока же надо спокойно ждать развития событий и смотреть, какую работу мне предложат.

За столиком, стоящим в дальнем углу площадки, началось какое-то волнение. Послышались оживленные голоса, потом крики, грохнулась и разбилась о бетонный пол бутылка, затем на пол упали стулья, звякнули стаканы... Неожиданно я увидел Ирину. Растрепанная, размахивая сумочкой, она выбежала из темноты, где разгорался скандал, под луч прожектора, установленного на крыше ларька, бегом пересекла площадку и кинулась, стуча каблуками, по ступенькам на набережную.

Я вскочил, чтобы догнать ее и выяснить, что произошло, но тут на освещенный пятачок площадки вышла Анна. Она направлялась тоже в сторону лестницы, но намного спокойнее, чем ее подруга, однако из темноты выскочил и догнал ее в три прыжка какой-то парень с короткой стрижкой, в широких черных брюках и черной рубашке, расстегнутой почти до пупка. Он схватил Анну за руку, рванул на себя и выдал из себя:

— Ну, стой, да? Куда бэжишь? Я дам тебе дэнег.

Анна стала вырываться, но ей это не удалось.

В это же мгновение к ним подошел долговязый юноша. В одной руке он нес два стакана, в другой — бутылку пепси-колы. Он что-то негромко сказал парню в черном, склонившись над его ухом.

— Я тебе отдыхать мешаю?! — вспыхнул тот и с короткого размаха ударил юношу по лицу.

Парень устоял на ногах, но бутылка и стаканы упали на пол и разлетелись стеклянными брызгами.

Тут уже явно подошла моя очередь. Я выскочил из своей засады со спины Анны и сразу же получил сумочкой по голове. Кажется, Анна хотела двинуть ею своего не очень воспитанного поклонника, но сделала слишком сильный замах. Впрочем, это стало своего рода отвлекающим маневром. Не отпуская Анну, чернявый взглянул на меня, подставляя лицо под мой кулак, и я двумя короткими ударами справа придал его уху малиновый оттенок. Его повело в сторону, но на этом дело не закончилось. Не успел он откатиться в сторону, как из темноты, откидывая ногами битые стекла, выбежали сразу три человека. Двое из них были так себе, а третий — бугай, вот с него я и начал.

Он легко принял мой пробный удар в грудь и задел меня кулаком по скуле, когда я разворачивался для второго удара. Едва я увернулся от очередной кувалды, просвистевшей над моей головой, как мне в живот, обжигая болью и сдавливая дыхание, въехала его голова. Удар был сильный, у меня на мгновение даже потемнело в глазах, и я огромным усилием воли устоял на ногах. Но бугай, недооценив мои возможности, не слишком быстро выпрямился, и я сумел достать его по лицу коленом. Он вы-

ругался, схватился обеими руками за лицо, попятился задом. В это время ко мне подскочил второй, но этого я без особого труда отбросил на стол. Потом на меня обрушился целый град ударов, и я даже не сразу сообразил, что меня мутузят с двух сторон сразу двое. Тут же мелькали руки Анны, которая пыталась помочь мне, но лишь мешала, вынуждая прицеливаться, чтобы ненароком не задеть ее. Кажется, мне уже расквасили нос, потому что над губой стало мокро и липко. Я озверел и немного потерял над собой контроль, работая во все стороны локтями, кулаками и коленями.

— Да угомонись же ты! — вдруг закричал мне кто-то на ухо, и только сейчас я разглядел подпухшее лицо Гриши. — Два раза мне по уху заехал.

Он заслонил меня спиной, расставил в стороны короткие волосатые ручки, растопырил пальцы и громко объявил:

— Все! Закончили! Кто подойдет — урою на месте! Господа отдыхающие, конфликт исчерпан! Банкет продолжается.

Недалеко в стороне я разглядел Князева, который что-то говорил бугаю. Тот прижимал к носу окровавленный платок, изредка выкрикивал междометья, но пыл его стремительно угасал. Краснолицая, растрепанная Анна подскочила ко мне, взяла под руку и потащила к лестнице. Я хотел высказать альпинистам слова признательности за своевременную помощь, но она не дала мне произнести ни слова.

Мы спустились на набережную, а оттуда — к морю. Анна открыла сумочку, достала платок, намочила его и принялась протирать мое лицо.

— У тебя из носа кровь шла, — сказала она. — А под глазом... ну-ка, посмотри на меня... Так и есть, фингал. Ну, теперь мы квиты.

— В каком смысле?

— Там, в сельве, я спасла тебя, а здесь — ты меня.

— Ну, здесь не в счет. Ерунда. Они плохо себя вели.

— Мне показалось, что ты знаком с теми мужиками, которые заступились за тебя.

— Да, это альпинисты из палаточного городка. Мы на Сокол вместе поднимались... Что-то выпить захотелось.

— Правда? — обрадовалась Анна и вскочила на ноги. — Тогда, если мое общество тебя устроит...

Мы шли по набережной, и вдруг у меня вырвалось:

— А почему ты сегодня без своего друга?

Анна ответила не сразу. Казалось, что она подавляет в себе желание ответить мне грубо.

— Кирилл, если ты чего-либо не знаешь, лучше спроси, ладно?

— Ладно, — легко согласился я.

Мы зашли в маленькое уютное кафе на три столика, отделанное изнутри красным драпом. Бармен подозрительно посмотрел на мою отбитую физиономию, но ничего не сказал. Анна взяла бутылку коллекционного новосветского шампанского и плитку шоколада. Мы молчали, не зная, с чего начать разговор. Анна занялась скатыванием шариков, я наполнил стаканы, поднял свой, приглашая выпить, и тут она неожиданно произнесла:

— Ну, спроси: кто этот молодой человек, с которым я плавала на яхте?

— Я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь.

— Это не моя личная жизнь, — сказала Анна тихо, не поднимая глаз. — Это касается нас обоих. Этот крест нам нести вместе. Давай уйдем отсюда, — неожиданно предложила она.

Мы вышли на набережную. Я взял Анну за руку и повел к морю. Мы сели на остывшем песке у самой воды.

— Первый раз они напомнили о себе зимой, когда я звонила тебе и говорила, что хочу отдохнуть в Судаке, — сказала Анна, пересыпая крупный кварцевый песок из ладони в ладонь. — Ближе к вечеру, когда до конца работы оставался час, пришел этот человек. Хорошо одет, волосы уложены, едва ли не за каждым словом — «извините», «пожалуйста». Я сначала подумала, что он из какой-нибудь торговой фирмы — к нам каждый день по пять-семь человек приезжают за оптовыми партиями — и приготовила бланк накладной. Но он покачал головой и протянул мне свою визитку. Я ни на фамилию, ни на имя не взглянула, а сразу — на должность. Референт генерального директора российско-перуанской фирмы «Гринперос». Как тебе это? Представляешь, о чем я подумала в первое мгновение? Достали-таки!

— И что, достали?

— К несчастью. Этот референт молча кивнул на дверь, мол, надо выйти и поговорить. У нас в комнате еще две девчонки сидят, поэтому особенно не посеCRETничает. Я вышла следом за ним в коридор, а у самой аж ноги подкашиваются. «Что вам угодно?» — спрашиваю. А он: «Мой шеф передает вам большой привет». Я говорю: «Сожалею, но с вашим шефом не знакома». «Нет, — отвечает, — знакомы. Только заочно. Во всяком случае, о вас он наслышан». Я спросила: «Как фамилия шефа?» «Серж Новоторов». — ответил он.

— Серж Новоторов, генеральный директор, — задумчиво повторил я.

— Тебе что, это имя знакомо?

— В некоторой степени, — ответил я. — Но об этом потом... И что было дальше?

— Он предложил мне встретиться в конфиденциальной обстановке, то есть поехать к Сержу за город, в его резиденцию.

— Ты, конечно, отказалась.

— Естественно, Кирилл! Я первый раз в жизни вижу этого прилизанного референта, впервые слышу о каком-то Новоторове, и должна ехать неизвестно куда, чтобы потом мой труп нашли где-нибудь подо льдом Москва-реки.

— А он объяснил тебе, зачем Новоторов ищет встречи с тобой?

— Он сказал так: «Это в ваших же интересах».

— Похоже на скрытую угрозу.

— И я так же подумала. В общем, я его отшила. Он улыбнулся, поклонился и вышел. У меня, сам понимаешь, всю следующую неделю на душе не то что камень, а гиря двухпудовая лежала. Каждую минуту в напряжении, все время ждала неприятностей.

— И через неделю он опять появился...

— Да. Подрулил на тачке прямо к дверям фирмы...

— На темно-синей «вольво»?

— На ней самой. Дождался, когда я выйду, бибикнул и открыл дверцу, предлагая сесть. Девчонки уставились на машину и, естественно, подумали, что это мой любовник. Что б ты провалился со своей машиной, подумала я, подошла к референту, но в машину не села. «Что вам от меня надо?» — спрашиваю. А он, по-прежнему улыбаясь, протягивает мне пачку фотографий.

— Компромат?

— Да какой компромат! — усмехнулась Анна. — На меня компромат собирать — безнадежное дело. Этот подлец переснимал на фото всех моих родственников, и про каждого рассказал: «Это ваша мама, живет она там-то и там-то. Это ваша младшая сестра, она учится в десятом классе такой-то школы. Это ваш папа, он работает инженером в таком-то учреждении». В общем, дал понять, что знает про них все, и причинить им зло не представляет большого труда.

— И тогда ты решила поехать?

— Я подошла к девчонкам и попросила их сообщить в полицию номер машины, если я не вернусь к завтрашнему дню. Референт засмеялся, когда я села в машину, посмотрел на меня в зеркальце и спросил: «За свою жизнь боитесь?» Ну, тут я в сердцах наговорила ему грубостей, вроде: «Давай, шестерка, извозчик, трогай с места и засунь свой поганый язык куда подальше». Ему это, конечно, не понравилось, но всю дорогу он молчал.

— Долго ехали?

— Не очень. Это где-то в районе Архангельского, на территории охраняемого коттеджного поселка. Подруливаем к особняку из бордового кирпича — домик, скажу тебе, шикарный. Встречают и сопровождают на второй этаж молчаливые «качки» в униформе. Я поднимаюсь по мраморной лестнице и готовлюсь к самому худшему: сейчас припомнят, как я хлопнула Шраера, как проводила тебя к дому Валери, а потом, раненого, вывезла за пределы плантации. Раскрылись передо мной тяжелые двери с золочеными ручками, и референт ввел меня в кабинет. За столом — мужчина лет пятидесяти в огромных очках в толстой оправе, кучерявый, лохматый — целая шапка нечесаных волос на голове. Он тут же встал, вышел мне навстречу, протянул руку, придвинул кресло, а референту сделал быстрый жест рукой, мол, выйди вон. Мы остались вдвоем. «Я — Серж Новоторов», — представился мужчина. Я кивнула головой, мол, догадалась. Он немного походил по кабинету, постоял у окна, затем резко повернулся и сказал: «Я думаю, вы человек умный, и вас незачем убеждать. Либо вы работаете на нас, либо... не работаете нигде. И вообще не живете». Снова сел, улыбнулся, придвинул сигареты и пепельницу. У меня в голове не мысли, а какой-то хаос, не знаю, что ответить. А Серж с меня глаз не сводит. «Вами, — говорит, — интересовался начальник охраны. Беспокоился, что вы внезапно пропали и не успели получить жалование за август».

— Неужели никого не удивило, что ты пропала при довольно-таки странных обстоятельствах? — спросил я.

— Позже я думала об этом. Мне кажется, что мне помогла проехать через посты твоя красавица Валери. Охранники пропустили машину, полагая, что я выполняю поручение начальства. На эту работу, оказывается, легче устроиться, чем уволиться с нее.

— Ты слишком много узнала, Анна. Этого-то они и боятся... Ну и чем закончился ваш разговор?

— Я сказала Сержу, что должна подумать. Соврала, что собираюсь замуж, а его предложение рушит мои планы на будущее. Он дал мне месяц. Через месяц — еще два. Я звонила тебе, очень хотела встретиться, чтобы нам вдвоем все обсудить, а ты ускользал как уж. Вот и пришлось к тебе приехать без приглашения.

— Ты сама сообщила Новоторову, что едешь в Крым?

— Да. Но он никак на это не отреагировал, лишь добавил, что тоже давно не был в Ялте.

— Ты сказала, что это наш крест. Что ты имела в виду?

— Понимаешь, в чем дело? Когда я сказала Сержу про Крым, он усмехнулся, мол, понимаю, к кому ты едешь, а потом произнес: «Я очень не

советую вам поддерживать какие-либо отношения с Вацурой. Этого человека уже давно не должно быть, и живет он пока только благодаря Валери, которая запретила его трогать. Не усложняйте свое положение контактами с ним. Найдите себе кого-нибудь другого».

— И что ты ему ответила?

— Я сказала, что сама буду решать, с кем общаться.

— Ты отважная девушка, — похвалил я Анну. — Только никак не могу понять, какого черта Ирина полезла в твою косметичку и с видом глубочайшей тайны сожгла визитную карточку Сержа Новоторова?

— С Ириной я познакомилась после того, как первый раз увидела на улице Судака «вольво» референта и поняла, что меня в любой момент могут насильно затащить в машину и увезти куда угодно. Ты наотрез отказывался разговаривать со мной, и надеяться на тебя я уже не могла... Оставалось найти себе подружку. Мы быстро сошлись с ней, так как я пообещала помочь с трудоустройством в Москве. И вот в один прекрасный день мы с Ириной возвращаемся с рынка, рядом с нами вдруг притормаживает «вольво» и из окошка высовывается референт: «Подвезти, девушки?» Мы садимся. Референт начинает трепаться: «Серж в Ялте — там один из наших филиалов, банк «Эспаньо», вот и решил совместить отдых с ревизией. Живет в «Ореанде», спрашивал, как ты себя чувствуешь, не надумала ли уже с решением?» Я молчу, а Ирина вытаращила на меня глаза, понять ничего не может. Когда мы вышли, пришлось рассказать ей тут же придуманную легенду, что Серж — это моя старая любовь, а ты — новая, и в доказательство показала ей визитку Новоторова. Она, конечно, все приняла за чистую монету. На второй или третий день своего появления в Судаче референт снова подкатил ко мне и сказал: «Новоторов хочет тебя видеть и требует твоего решения: да или нет?» Я решила поехать, а Ирине сказала лишь, что меня не будет три дня.

— А она, глупая, всю старалась, чтобы скрыть от меня твоего Новоторова и сохранить нашу, так сказать, любовь. Ладно, и чем вы говорили с Новоторовым?

— Сначала мы с референтом приехали в Новый Свет. Он оставил машину на стоянке у санатория и повел меня на берег моря. Там, у причала, стояла небольшая моторная яхта.

— И на этой белой яхте вы совершили увлекательное трехдневное морское путешествие, — резюмировал я.

— Кирилл! — сердитым голосом отозвалась Анна. — Мы плыли до Ялты четыре часа, и все это время я просидела одна на корме, потому что меня укачало, и мне было плохо. А референт пил водку в кают-компании и всякий раз, как вылезал на палубу, его шатало все сильнее и силь-

нее... В порту нас уже встречал «Мерседес» белого цвета. Я думала, что мы сразу поедem к Новоторову, но он был занят и встречу со мной перенес на следующий день.

— А где ты ночевала?

— Они забронировали мне номер в «Массандре». Референт устроил меня и сразу же поехал докладывать шефу. На следующее утро я встала рано, но ждала, когда за мной приедут, до обеда. Оказывается, Новоторов каждую ночь проводит в казино, а потом до обеда отсыпается. Подъехали мы к «Ореанде», поднялись в апартаменты Новоторова. Двухкомнатный номер с балконом и видом на море. Уютно и красиво. А вот Новоторов на этот раз разговаривал со мной жестко, почти грубо. Прямо с порога как залает: «Ну что, долго еще будем комедию разыгрывать? Отвечай, решила или нет?» Я спокойно говорю: «Вы еще не сказали мне, чем я буду заниматься. И вообще, если вы будете со мной разговаривать в таком тоне, мы ни о чем не договоримся». Он, как ни странно, взял себя в руки, успокоился, предложил сесть и сказал: «Вы будете заниматься тем, что позволят ваши способности. А они немалые. Во-первых, вам известны механизмы и особенности нашего дела. Во-вторых, у вас есть опыт работы в инофирме», — это он про кокаиновую плантацию на вилле Августино! Я чуть от смеха со стула не упала. «И в-третьих, вы в совершенстве владеете английским и испанским языками, что для нас особенно важно. Так что вам вполне по силам должность коммерческого представителя нашей фирмы в странах Европы. Несколько крупных филиалов нашей фирмы находятся в Германии, Нидерландах и Испании. В России будете жить реже, чем за границей». Я спросила у Сержа, что, мол, производит ваш «Гринперос»? Новоторов начал мычать, делать глубокомысленные движения руками, путано объяснять что-то насчет валютных операций, недвижимости и субсидирований в крупные отраслевые компании, в общем, мне стало ясно, что Новоторов и Августино ведают недвижимостью и предприятиями в Европе, на которых идет «отмывание» наркодолларов. Я спросила, сколько мне будут платить, каким процентом недвижимости я буду распоряжаться и прочую ерунду. Конечно, Новоторов наобещал мне золотые горы.

— Значит, ты подписала с ним договор?

— На словах — да, иначе, сам понимаешь, меня бы по частям вынесли из этой «Ореанды».

— Вы договорились о новой встрече?

— Да. Через пять дней он вылетает в Москву и уже на следующий день после прибытия желает видеть меня в своей резиденции.

— Обратнo тебя отвезли на той же яхте?

— Что ты! Новоторов велел референту нанять частную машину до Су-дака, а тот, жлобина, купил билеты на рейсовый автобус.

— А теперь послушай, что со мной тут творилось. — И я подробно рассказал Анне про телефонный звонок и совет готовить для себя алиби, про неизвестного человека, ворвавшегося в мою квартиру и унесшего с собой золотого дракона, про анонимного работодателя и пачку долларов, найденную на балконе.

— Да, — глубокомысленно протянула Анна. — У меня свои приключения, у тебя — свои.

— Ты считаешь, что здесь нет никакой связи?

— Во всяком случае, ее пока не видно. Но у меня такое чувство, что тебе грозит большая опасность, чем мне.

— Так и должно быть, — отшутился я. — Я ведь мужчина.

11

Только я сел завтракать, как пришел Клим. Возбужденный, с красными кругами под глазами.

— Запоминай, — сказал он с порога. — «ЗИЛ — сто тридцать первый» с кузовом под цемент. Будет стоять завтра в восемь ноль-ноль у развилки на Феодосию. Водитель в курсе, бензин оплачен. Хватаешь его и показываешь, как подъехать на пирс. Там шесть бочек кильки — прямо с баркаса грузишь и гонишь в Симферополь на вокзал. На приемке у грузового вагона — свой человек...

— Подожди, подожди, — поморщился я, — какой «ЗИЛ»? Номер, цвет? Как я погружу бочки — на своем горбу?

— Рыбаки помогут, — отмахнулся Клим.

— Рыбакам за это заплатить надо.

— Ну, заплати, черт подери! На этой сделке мы с тобой заработаем как минимум двести баксов. Полсотни — твои...

— Ты сначала дай мне полсотни, а потом я заплачу рыбакам.

— Дай! — передразнил Клим. — А где их взять-то? Мне бы кредит небольшой раздобыть, такое бы дело провернул!.. У тебя, кстати, в долг не будет долларов триста-четыреста?

— Что ты! — махнул я рукой. — На хлеб не хватает.

— Жа-аль, — протянул Клим, но без особого сожаления в голосе. — А то бы такое дельце провернули!..

Зазвонил телефон. Это могла быть Анна, и мне не хотелось при Климе говорить с ней. Я вышел на кухню — там был параллельный аппарат, плотно прикрыл за собой дверь и поднял трубку:

— Слушаю вас!

— Мне нужен Кирилл Вацура.

У меня от неожиданности даже мурашки побежали по спине. Знакомый абонент!

— Слушай внимательно, не перебивай и запоминай, я повторять не буду. Автовокзал, автоматические камеры хранения. Ячейка номер восемнадцать, шифр: «Д-семь-три-девять». Там лежит инструмент для работы и деньги на карманные расходы. Задание получишь в течение дня... — и он отключился.

Я кинул трубку и, чтобы не забыть, на газетном клочке написал карандашом: «18.Д739». Если это не блеф, значит, сегодня, вчера или несколькими днями раньше какой-то человек покупал у диспетчера жетон, открывал дверцу ячейки, клал туда предмет, устанавливал шифр. Ячеек на автовокзале немного, пользуются ими очень редко, словом, он вполне мог привлечь внимание. Шансов мало, но все же они есть. Елизавета Петровна — диспетчер автовокзала, могла запомнить человека, который пользовался ячейкой номер восемнадцать, и если я сумею раскрутить ее на откровенность, то можно будет начинать охоту.

Взволнованный телефонным звонком и предстоящим мне делом, я влетел в комнату и остолбенел. Клим стоял на балконе и держал в руке пачку долларов, обернутую газетой.

— А ты у нас, оказывается, подпольный миллионер, — сказал он, как-то странно глядя на меня. — Под ногами, понимаешь ли, баксы валяются, а говоришь, на хлеб не хватает.

Я не сразу нашелся, что ему ответить.

— Это чужие. Надо вернуть. — И протянул руку, чтобы взять сверток, но Клим молниеносно спрятал его за спину.

— Одолжи, — попросил он. — На три дня. Всего три дня, и я возвращаю тебе все до цента. Хочешь, расписку напишу?

«Какую еще расписку?» — подумал я и сквозь зубы процедил:

— Черт с тобой, забирай и уходи быстрее....

— О! Это дело! Это по-мужски! — засиял Клим, поглубже затолкал в карман сверток и протянул мне руку. — По гроб обязан. Через три дня — как штык.

12

В течение дня я должен получить задание, думал я о последнем монологе своего таинственного работодателя. Что мне будет предложено? Каким образом мне передадут информацию?

Автобус был переполнен, и жаркие человеческие тела сдавили меня со всех сторон. Я сказал Климу, что поеду на автовокзал, чтобы заказать билет на Феодосию — там, якобы, мне надо навестить бывших сослуживцев. Клим ехал со мной до рынка, там сошел, точнее, его выдавила толпа, вывалившаяся из автобуса. Он помахал мне рукой и пошел на площадку перед входом на рынок — там тусовались менялы.

До следующей остановки, где был автовокзал, я ехал уже сидя. Странно, думал я, что человек, намеревающийся передать мне задание, даже примерно не определил, где мне находиться. Ведь я могу до поздней ночи не вернуться домой, могу нажраться как свинья и остаться, скажем, у Клима. Одно из двух: либо сроки терпят, и он поставит мне задачу по телефону, как только застанет дома, либо постоянно следит за мной, готовясь передать задание в удобном месте и подходящее время.

Вокруг автовокзала царила вечная суэта. Подъезжали и отходили автобусы, растерянно крутили головами только что приехавшие курортники, белые, как пельмени, стыдясь, спрашивали, в какой стороне море, а им навстречу, с шумом, свистом, шли на штурм автобусов уже под завязку впитавшие в себя солнце, свежий воздух и морскую соль счастливые и немного грустные люди. Вокзалы вообще — место особое. Здесь можно крутиться, ходить из угла в угол, высматривать, наблюдать за кем-либо часами и ни у кого при этом не вызвать подозрения. Идет постоянная смена лиц — кому ты нужен в этом бурном потоке?

Я зашел в зал. Ячейки камеры хранения находились здесь же, занимая всю дальнюю стену, но я, кинув в их сторону быстрый взгляд, увидел лишь верхний ярус, где шли номера с первого по седьмой, а остальные заслоняла очередь.

Я открыл дверь с надписью «Диспетчер. Посторонним вход воспрещен» и быстрым шагом подошел к Елизавете Петровне — сухенькой седой женщине, зачем-то выкрасившей волосы в фиолетовый цвет. Когда-то она дружила с моей бабулей и до сих пор утверждает, что носила меня на руках. Нависнув над ней и заслонив собой солнечный свет, я сказал:

— А вы говорите, что носили меня на руках.

Диспетчер опустила микрофон на стол, короткий испуг на лице женщины сменился улыбкой.

— Кирилл? Напугал! Что тебе?

— Елизавета Петровна, а у нас камеры хранения работают?

— Камеры хранения? А куда они денутся? Вчера еще работали. А тебе-то зачем? Бабушкина квартира есть, дача есть, — засмеялась она.

— Да это я так! Вон, девчонки из Симферополя приехали, спрашивают, можно ли вещи сдать в камеру. А жетончики есть?

— А куда они денутся? — ответила диспетчер, выдвигая ящик. — Вчера еще были. Да, пяток наберется.

Облом! Значит, сегодня никто жетоны не покупал.

— Ясненько... Так я для чего к вам пришел — тут ко мне отдыхающие каждый день обращаются, а все места у меня уже заняты. Если не возражаете, я буду их к вам переправлять, у вас комнат больше, чем у меня.

— Только девочек, мне парней не надо! — ответила диспетчер. — Эти и дом спалют, и за проживание не заплатят. Девочек, и лучше ленинградок.

— Хорошо, будут вам ленинградки.

Я вышел из диспетчерской, пристроился в хвост очереди, незаметно сдвигаясь к камерам хранения. Вот она, восемнадцатая, третий ряд сверху. Ячейка не самая удобная, прежде чем что-нибудь положить туда, надо присесть на корточки. Значит, никто жетон не покупал. А как же, черт возьми, мой таинственный друг, вор поганый, камерой-то воспользовался?

Я стоял в очереди и не знал, что предпринять. Восемнадцатая ячейка, казалось, сама лезет в глаза, кричит мне, сигналист: открой меня, открой! А что я хочу там найти? Деньги? Ключи? Карту? Лопату? Очень любопытно, очень.

Передо мной оставалось человек пять. Если я не выйду из очереди в ближайшие десять-пятнадцать минут, то придется, в самом деле, брать билет на Феодосию. Ну, предположим, я открою ячейку. Есть ли в этом криминал? Нет. А если не открою, забуду о ней, не стану ли потом всю жизнь корить себя, что упустил уникальный шанс ввязаться в какое-нибудь авантюрное дело, сродни тому, которым я занимался в Южной Америке? К тому же, потеряв связь с этим человеком, я уже вряд ли когда-либо увижу своего дракона.

Я решительно покинул очередь, подошел к восемнадцатой ячейке, присел у дверцы, взялся за первый переключатель кода, как вдруг дверца с протяжным скрипом стала открываться сама. Я остолбенел, еще не понимая, что произошло. Потянул за ручку. Дверца открылась. Я заглянул в нишу. На металлическом дне лежал конверт. Я взял его, незаметно сунул под рубашку и вышел на улицу. Карта? Деньги? Записка с номером телефона или адресом, куда я должен прийти?

Я поднялся на пригорок и, пригнувшись, зашел за большой красочный щит, рекламирующий вина новосветского завода. В этом укрытии извлек

конверт из-за пазухи, надорвал его край и вытащил маленький лист бумаги, на котором принтером было отпечатано:

«ЗАВТРА, ОРИЕНТИРОВОЧНО В 5.00, ПО ТРАССЕ ГУРЗУФ-ЯЛТА В РАЙОНЕ ОСТАНОВКИ ТРОЛЛЕЙБУСА «НИКИТСКИЙ БОТАНИЧЕСКИЙ САД», В СТОРОНУ ЯЛТЫ ПРОЕДЕТ АВТОМОБИЛЬ МАРКИ «BMW» ЧЕРНОГО ЦВЕТА, НОМЕРНОЙ ЗНАК 555-85. В КАБИНЕ КРОМЕ ВОДИТЕЛЯ БУДЕТ НАХОДИТЬСЯ ОДИН ПАССАЖИР. ЕГО МЕСТО — НА ПЕРЕДНЕМ СИДЕНЬЕ. ОХРАНЫ И ОРУЖИЯ НЕ ИМЕЕТ. СТЕКЛА В МАШИНЕ ОБЫЧНОГО КАЧЕСТВА. ПАССАЖИРА – ЛИКВИДИРОВАТЬ».

Я трижды перечитал записку, затем мелко порвал ее вместе с конвертом и подкинул над головой, ветер тотчас подхватил обрывки.

М-да, не думал я, что мне предложат такое. Грустно, гражданин Вацура, что ваши способности так низко ценят. Но где же обещанные деньги и оружие? И почему ячейка была открыта?

Я вернулся к автовокзалу и пошел к рынку по тропе через пустырь. Мне было досадно. Я-то возомнил о себе бог весть что, когда мне сказали о моих способностях.. Оказалось, что от меня не требуется ничего более, кроме как расстрелять пассажира в машине — причем неизвестно чем. Злость переполняла меня, я невольно сжимал кулаки и бормотал под нос: «Ну, я тебя достану!» Увлеченный фантазиями на тему мщения, я не сразу заметил, что навстречу мне быстро идут двое полицейских, и один из них — Володя Кныш, второй был мне незнаком. Я хотел пройти между ними, взмахнув в знак приветствия рукой, но старшина загородил мне дорогу и, стараясь не смотреть мне в глаза, сказал:

— Секундочку! Остановитесь. Опустите руки. Где вы были?

— Ты обыщи его для начала, — сказал белесый, глядя на мои джинсы с таким страдальческим выражением, будто я предлагал ему их купить. Это был младший лейтенант, возможно, недавний выпускник полицейской школы. Он еще не привык к нашему климату, ему было жарко, и все на свете вопросы он хотел решить быстро. — Пусть вывернет карманы.

У Кныша явно что-то случилось с глазами. Выше моей груди они не поднимались.

— Что-нибудь случилось, Володя? — спросил я его. — Опять кассету подкинули?

— Вы были на автовокзале? — строго произнес лейтенант.

— Конечно, но кроме конверта ничего не нашел.

Кныш и лейтенант переглянулись.

— Что значит, ничего, кроме конверта? Где конверт? Что в нем?

— Конверт я выкинул. Там ничего не было. Предлагаю нам всем больше не реагировать на эти дурацкие шуточки.

— Что вам сказали по телефону? — спросил лейтенант.

— Наверное, то же, что и вам.

— Точнее! — поморщился он.

— Мне сказали, что в восемнадцатой ячейке меня ждет сюрприз.

— А там оказался только пустой конверт?

— Да. А вы думали — что?

— Вам придется пройти с нами на автовокзал.

— Причина?

— Поступило сообщение, — нехотя ответил лейтенант, — что в камере хранения для вас оставлены оружие и деньги. Мы должны проверить.

— К счастью, ни денег, ни оружия.

— Мы должны проверить, — настойчиво повторил он.

Мы повернули к автовокзалу. Кныш пошел первым, за ним я, замыкал конвой перегревшийся лейтенант.

— Стойте, — сказал он, когда мы зашли под навес с рядами скамеек, и кивнул Кнышу. Старшина зашел в здание, а лейтенант приказал мне сесть на скамейку и ждать. Минут через пять Кныш появился на улице с двумя женщинами, но не подошел к нам, а что-то спросил у них, показывая в мою сторону. Очная ставка, понял я и невольно улыбнулся. Обе женщины, разумеется, сразу меня узнали, стали показывать на меня пальцами, и было бы странно, если бы этого не произошло — они стояли в очереди прямо за мной. Кныш отпустил женщин, подошел к нам, почесывая затылок.

— Ну? — спросил лейтенант.

— Видели, как что-то вынимал из камеры, а что именно — не заметили. Спрятал под рубашку и тотчас вышел из кассового зала.

— Пистолет под рубашку трудно спрятать, — заметил я.

— В этом мы и без вас разберемся, — перебил лейтенант, недовольный тем, что я пытаюсь защищать себя и не хочу сознаваться, и спросил: — Когда вам позвонили?

— Сегодня утром. А вам?

— Полчаса назад, — без особой охоты ответил лейтенант. — Как вы думаете, кто это может быть? Кого-нибудь подозреваете?

— Мало ли на свете людей, которые желают нагадить на голову своему ближнему, — пожал я плечами.

— Вы сейчас никуда не собираетесь уехать? В Гурзуф, к примеру?

— Зачем мне в Гурзуф? Завтра, разве что, поеду в Симферополь по делам.

— Было бы лучше, — вздохнув, сказал Кныш, — если перед тем, как лезть в камеру, вы бы зашли к нам и спросили совета. Для вашей же пользы.

— В следующий раз так и сделаю, — заверил я.

13

Я вернулся в Уютное на автобусе. Надо было найти Анну и поделиться с ней новостями, но я неожиданно встретил Джо. Он сидел на скамейке, лузгал семечки и, улыбаясь, смотрел на меня. Его темные волосы были схвачены кожаным ремешком, опоясывающим голову, под синей майкой, плотно облегающей тело, двигались бугры мышц, брюки были закатаны до колен, на ногах болтались резиновые шлепанцы.

— Привет! — вскинул он над головой кулак и поднялся мне навстречу.

— Вы ждали меня? — спросил я.

— За семечками ходил. А потом вспомнил про вас и нашу затею.

— Неужели не передумали? — улыбнулся я, а мысленно выругался.

Меньше всего мне хотелось ползать с ним по скалам.

— А вы на это надеялись?

— Ничуть, — соврал я. — Но завтра не могу, еду по делам в Симферополь. Давайте послезавтра?

— У меня завтра последний день, — покачал головой Джо. — Отпуск заканчивается.

— Значит, отложим наше восхождение на следующий год.

Его тонкие губы дрогнули в усмешке:

— Я понял так, что вы просто испугались?

— Вы хотите сказать, что у меня недостаточно смелости, чтобы подняться с вами в одной связке на рог Караул-Обы?

— Ну-ну, не горячитесь. Испуг и смелость не исключают друг друга. Даже очень храбрый человек может испугаться и вздрогнуть, если за его спиной кто-то неожиданно чихнет. Так и у вас: первая реакция на мое предложение — отложить восхождение на год... А если сегодня?

— Сегодня? — Я машинально посмотрел на часы. Без пяти два. Надо еще разыскать Анну, предупредить, чтобы утром покормила кур и до обеда посидела у меня на телефоне, пока я буду в Симферополе — может быть, поступит новая информация.

— Хорошо, — ответил я. — Но часов пять, не раньше.

— В семь.

— Не поздно ли?

— Нормально. Как раз жара спадет.

— Хорошо. Где мы встречаемся?

— На Царском пляже.

Анне об этом восхождении лучше не говорить, подумал я, прощаясь с Джо. Она девушка впечатлительная, будет волноваться или, что еще хуже, увяжется за нами. Терпеть не могу, когда снизу наблюдают, как я ползу по стене.

14

Джо опоздал почти на полчаса, что было для меня неприятным открытием. Я считал, что люди его типа весьма пунктуальны и никогда не заставят ждать себя.

Я сидел на пустом пляже, откуда, ошалев от солнца, ушел последний отдыхающий, и смотрел, как на глазах меняются цвета солнечных бликов, скользящих по воде. Солнце зашло за горизонт, вода потемнела, утратила дневной лазурный цвет, и уже так не манила, как днем. Слева, над штольней, цепочкой шла группа туристов. Несколько человек спустились по древним ступеням к воде, постояли, опираясь на бордюры, но в черную утробу штольни не пошли — там хорошо в полдень, в самый солнцепек, а сейчас оттуда тянет сырым могильным холодом.

— Извините, меня подвел транспорт.

Я обернулся. Джо подошел ко мне настолько тихо, что мне трудно было догадаться, каким путем он пришел — по сухому водостоку или же по тропе Голицына, нависающей над морем. Он не стал снимать с себя рюкзак и, тем более, присаживаться рядом, предлагая мне не тратить понапрасну драгоценное время.

— Вершина скалы на большой высоте, — сказал он, — и будет освещена солнцем еще пару часов, как минимум.

Насчет пары часов он, конечно, преувеличил, но я сделал вид, что принял его предположение. Черт с тобой, подумал я, будем идти по стене в сумерках. Будем в полной темноте висеть вниз головой, как летучие мыши. Можешь скакать с уступа на уступ, висеть на пальцах, изголяться, как тебе будет угодно, — я все равно поднимусь на вершину быстрее тебя. Я иду ва-банк, бросаю тебе вызов.

Идти с пляжа напрямую к подножью скалы было невозможно. Метров триста или четыреста вправо — и берег, как таковой, исчезал, стена вертикально уходила в морскую пучину, словно гигантская мостовая опора. Нам пришлось подниматься по тропе вверх через реликтовый лес, растущий на склонах Караул-Обы, через каменные разломы и осыпи, затем, обойдя скалу справа, снова спускаться к морю. На это ушел еще час, мы оказались у подножья каменного исполина, верхушка которого, слов-

но увенчанная золотым шлемом, еще доставала до солнечных лучей, в тот момент, когда от солнца осталась лишь ярко-оранжевая полоса.

Я уже не мог разглядеть внутри рюкзака необходимые мне вещи, и его содержимое пришлось вывалить на камни. Я надел страховочную обвязку, когда ждал Джо на пляже, и теперь мне осталось навесить на поясной ремень кольца карабинов, крючья, молоток и прикрепить к запястьям, подложив под ладони, стальные пластины, так называемые «небесные пальцы», при помощи которых можно зацепиться даже за самый маленький выступ. Эти штучки мне по спецзаказу выточил один знакомый слесарь. Дважды я уже испытывал их на сложных стенах.

Джо, видя, что я уже собрался выходить на стену, стал торопиться, но в сумерках ему не так-то просто было разобраться с обвязкой, и он несколько раз путался, продевая руки и ноги не туда, куда нужно.

Я не стал отвлекать его своей страховкой, вбил на уровне лица первый крюк, привязал к нему свободный конец моей веревки и, протягивая ее понемногу через зажим, полез вверх.

Поверхность стены — пористая, испещренная многочисленными раковинами, словно долгое время подвергалась обстрелу из тысяч автоматов. Подошвы кроссовок к ней будто налипали, и я без напряжения становился на сантиметровый выступ. Со стороны я, наверное, напоминал ящерицу, которая, попеременно переставляя конечности, равномерно поднималась по вертикальной поверхности. На Джо я старался часто не смотреть. Он не мог или не хотел, экономя силы, идти по стене свободным лазанием и пользовался моей веревкой, продвигаясь по ней при помощи жумара. Это такое кольцо, которое закрепляется на веревке и движется по ней, как по рельсам, только вверх.

Я оторвался от него метров на двадцать-тридцать. По моим расчетам моей веревки должно было хватить до самой вершины — если я не буду делать слишком больших зигзагов. В конце, на самом сложном подъеме, в дело можно будет подключить веревку Джо, которую, свернутую в бухту, он нес за спиной.

Тишина стояла вокруг нас. Я слышал только стук своего сердца, учащенное дыхание, да изредка снизу доносился жужжащий звук жумара и металлическое щелкание замка, когда Джо перекидывал жумар через крюк.

Я даже не заметил, как плотная мгла опустилась на скалу. В призрачном свете неполной луны поверхность моря искрилась матовыми бликами, словно смятая фольга. Черные силуэты гор простирались, куда хватало глаз. Я поднял голову. Определить, сколько еще подниматься до

вершины, было невозможно. Ее я не видел, а лишь гигантский черный овал, заслонивший треть звездного неба.

— Джо! — крикнул я скорее для того, чтобы услышать собственный голос. — Вы там не уснули?

— Порядок, — не сразу отозвался снизу мой соперник. — Далеко до вершины?

— А черт ее знает! Мне кажется, что мы скоро доползем до звезд.

— У вас когда-нибудь подобное было? — после паузы спросил Джо.

— Нет, с ума сходят только раз в жизни... Моей веревки, если на ощупь, осталось метров пятнадцать.

— Продолжайте идти, пока она не закончится, потом я передам вам свою.

— Вы не хотите оспорить мое лидерство?

— Я передумал. Ступайте на вершину первым, вы это заслужили.

Приподнявшись на руках еще выше, я увидел вокруг себя черные холмы, аспидную поверхность моря, россыпи огней до самого горизонта. Я был на вершине. Натянувшись, веревка держала меня, не позволяя вылезти на самую макушку скалы. Еехватило, как говорится, в обрез. Я несколько раз позвал Джо, но он меня не услышал. Наверное, мой голос сносило ветром. На самом краю обрыва я вбил последний крюк и, отстегнувшись от веревки, привязал ее к крюку.

Минут пять я лежал на спине, глядя в черное небо и начал засыпать. Чтобы окончательно не угодить во власть этого коварного врага, встал на четвереньки и, ухватившись рукой за туго натянутую веревку, посмотрел вниз и крикнул, но мои крики не принесли никакого результата. У меня по спине пробежал холодок от мысли, что Джо сорвался. Могла не выдержать страховка — скажем, испортился замок в жумаре. В этом случае у него было мало шансов остаться живым.

Я пристегнул к обвязке «улитку» — приспособление для спуска по закрепленной веревке, встал к обрыву спиной и, отталкиваясь от стены ногами, медленно заскользил вниз, дойдя лишь до верхнего крюка. Здесь предстояло отстегнуть «улитку» и закрепить ее на веревке уже под крюком. Прежде чем это сделать, я снова несколько раз позвал Джо. Никакого ответа, лишь слабеющий крик чаек да отдаленный, мерный рокот моря, разбивающего свои тихие волны о прибрежные камни.

— Допрыгался! — пробормотал я, испытывая странное чувство удовлетворения. Я не злорадствовал, а еще раз убеждался в том, что жизнь умеет демонстрировать свои коготки и быть беспощадной к тем, кто играет с нею.

Согнувшись, я опустил руку вниз, чтобы найти под крюком продолжение веревки, но рука наткнулась на короткий обрывок. Но ведь эта веревка выдерживает динамический удар до полутора тонн! Перетерлась об острый выступ? Я провел под ней рукой, но никакого выступа не нашел, снова взял в руки обрывок, поднес его к глазам и разглядел ровный, аккуратный срез. От обыкновенного разрыва такой безупречный край не остается. Значит, веревка обрезана. Теперь я не мог спуститься ниже верхнего крюка, и мне ничего не оставалось, как снова подняться на вершину.

Что это могло значить? — думал я, ложась на пяточок, чтобы как-то противостоять сильному ветру, но пока еще не испытывал ни страха, ни досады, ни отчаяния и не думал над тем, как буду спускаться вниз, если Джо со злым умыслом оставил меня здесь. Перевернувшись на живот, я подложил под голову локоть и попытался уснуть. Сделать это было непросто. Мысли атаковали меня до самого рассвета. Может быть, в общей сложности я поспал часа два-три.

Солнце показалось над мысом Меганом около шести утра. Думаю, что в мощный бинокль можно было увидеть на самом кончике рога человека, похожего на клопа, который, застыв как каменный сфинкс, уставился в лазурную морскую даль. Вместо того чтобы предпринимать какие-нибудь меры к своему спасению, я спокойно созерцал землю, покрытую теплым туманным покрывалом.

Не Джо проиграл, а я. Он до деталей продумал сценарий, расставил сети, а я, даже на самую малость не заподозрив подвоха, шел в западню, да еще спешил, боясь, что меня опередят. Полное и безоговорочное поражение не вызывает обиды, досады и скорби. Оно лишь вычищает душу, оставляя ее пустой и усталой, поэтому я не размышлял над тем, для чего Джо понадобилось сажать меня в эту живописную тюрьму, а любовался далекими туманными берегами, бухтами и заливами.

Наконец поднялся и подошел к противоположному обрыву. Вот здесь и буду спускаться, отсюда до седловины не более тридцати метров по высоте, стена не отвесная, а относительно пологая.

Я начал спускаться, прижимаясь к скале грудью, не видя ничего, кроме серого камня перед глазами, отыскивал ногами какие-нибудь зацепки, выемки, трещинки и бормотал проклятия в адрес Джо, по вине которого я вынужден был выполнять крайне рискованный трюк. Уже спустя минут десять меня начал колотить нервный озноб, пальцы стали липкими и скользкими, «небесные пальцы» ходили под ладонью, как кусок мыла, и я пожалел, что не прихватил с собой канифоль.

Когда я почувствовал под ногами горизонтальную опору и понял, что все-таки спустился в ложбину, силы окончательно покинули меня. Я упал в траву и долго не мог подняться на ноги. Мне хотелось целовать землю, я тряс кулаками и ругал скалу, измотавшую меня, самыми скверными словами. Ноги все еще дрожали от усталости и напряжения, подкашивались на спуске, но я усилием воли заставил себя побежать. По туристской тропе через ущелье, потом — огромными прыжками — вниз, по сыпучему склону, и влево, к подножью исполина. Еще за несколько метров я увидел, что плоский камень, на котором мы бросили свои рюкзаки, пуст. Под стеной я нашел лишь обрезки своей веревки, которую Джо, вероятно, обрезал частями, под каждым крюком. Я стал припоминать, не было ли у меня в рюкзаке какого-нибудь безумного богатства, ради чего стоило бы затевать весь этот спектакль. К счастью, самое ценное, что было в нем — это мой свитер толстой вязки из верблюжьей шерсти, который я прихватил с собой на случай холодного вечера. Возможно, по многочисленным карманам рюкзака были рассованы коробочки с солью, сухим топливом, спички, складной нож и прочие туристские принадлежности. Если ради всего этого Джо оставил меня одного помирать на вершине — то он просто безумец.

Еще раз я обозвал своего напарника нецензурными словами, и, как был, в джинсах, рубашке и страховочной обвязке, прыгнул с камня в море, проплыл через десятиметровую скальную арку, затем вдоль стены, поросшей зелеными водорослями, и выбрался на камни уже со стороны Царского пляжа.

Кругиплыли у меня перед глазами, когда я свернул к подножью Сокола, где сквозь деревья проглядывали разноцветные пятна палаток. Мокрый от пота, с взъерошенными волосами и безумным взглядом, звеня снаряжением, как заблудшая овца колокольчиком, я дошел до лагеря альпинистов, где, развалившись в шезлонге, читал газету и между делом поглядывал на меня Князев.

— Где этот идиот?! — крикнул я, растерянно глядя по сторонам.

Палатки Джо не было.

Князев продолжал вопросительно смотреть на меня, он не понял, кого я имел в виду. Гриша неподалеку пилил какую-то деталь надфилем. Увидев меня, встал с колен, подошел, с любопытством рассматривая мое лицо, и спросил:

— Ты чего это такой загнанный?

— Где Джо?

— Какой еще Джо?

— Этот ваш сумасшедший альпинист из Кемерово.

— Понятия не имею. Кажется, он еще позавчера съехал.

— Разве он был не с вами?

Гриша посмотрел на меня, как на безнадежно больного человека, повел плечами:

— Так ты же его сам сюда привел.

— Это кто вам такое сказал?

— Он. Рано утром, за несколько часов до того, как вы на стену пошли, он привалил сюда, спросил, не приходил ли ты, поставил палатку. Мы так и подумали, что это твой товарищ. А что случилось, Кирюша? Тебя снова, что ли, обидели? Может, сходим наверх, нервишки полечим?

— Нет уж, — пробормотал я. — Спасибо, сыт надолго, — и, вяло махнув рукой удивленным скалолазам, отправился в поселок.

15

У самого подъезда своего дома я вспомнил, что должен был сегодня в восемь утра ехать на «ЗИЛе» к пирсу и грузить бочки с килькой, и в сердцах врезал кулаком по ладони. Клим теперь меня съест. Надо быстро идти к нему, извиняться, объяснять ситуацию и попытаться что-либо исправить. Может быть, удастся перезаказать машину на завтра?

Я круто развернулся и пошел в обратную сторону, как вдруг, к моему удивлению, из кустов выскочил полицейский и, придерживая на голове фуражку, кинулся ко мне со словами:

— Куда драпаешь?! Назад!

Он крепко схватил меня под руку, во вторую мертвой хваткой вцепился Кныш, который подозрительно часто стал попадаться мне на глаза. Оба разом выдохнули воздух и повели меня за угол дома.

— Ребята, а вы не ошиблись насчет меня? — спросил я.

— Плохи твои дела, Кирилл, — ответил Кныш, качая головой и по-прежнему не глядя мне в глаза.

— Мы подошли к «уазику», который дожидался нас у входа в продуктовый магазин, отворилась дверка кабины с решеткой, и меня аккуратно подтолкнули вовнутрь.

Имей ввиду, Кирилл Андреевич, сказал я себе, когда дверка с шумом захлопнулась, все на свете развивается согласно законам логики.

Меня допрашивал следователь из симферопольской бригады. Это был низкорослый мужчина, одетый в джинсы и белую футболку. Говорил он спокойно, с чувством доброжелательности и, в общем, произвел на меня хо-

рошее впечатление, несмотря на то, что поставил передо мной такую проблему, от которой впору повеситься.

— Кирилл Андреевич, где вы были сегодня ночью ориентировочно с четырех до шести утра?

— Спал у моря под Новым Светом, — я решил не пересказывать подробно ночную историю.

— Один?

— Со мной был товарищ, но где-то около полуночи он ушел.

— Куда?

Я пожал плечами.

— А кто может подтвердить, что вы были именно там? — задал следователь очередной вопрос.

— К сожалению, никто. Могу я узнать, почему меня задержали?

— Секундочку. Перед тем как отправиться на берег моря, вы брали с собой какое-нибудь снаряжение? Ну, скажем, рюкзак, палатку или спальный мешок?

— У меня был рюкзак.

— Какого цвета?

— Оранжевого.

— На рюкзаке не было каких-нибудь опознавательных знаков?

— Там были мои инициалы. Машинная вышивка.

— В чем вы были одеты, когда вышли в Новый Свет?

— В том же, в чем и сейчас.

— Была ли у вас еще какая-нибудь одежда?

— Свитер. Но я его не надевал.

— Какого цвета?

— Светло-серого.

Следователь выждал паузу и продолжил:

— В камере хранения для вас должны были оставить передачу. Вы вскрыли ячейку — и что там нашли?

— Я не вскрывал ячейку, она вообще не была заперта. А внутри я нашел конверт.

— Кто может подтвердить это?

Я снова пожал плечами.

— Кирилл Андреевич, мы располагаем большим количеством улик против вас, и я имею все основания вас задержать.

— Может быть, вы мне скажете, в чем меня обвиняете?

— Сегодня рано утром, в районе Никитского ботанического сада...

Я уже понял, что он скажет дальше. Вот о чем предупреждал меня некто через рыжего легкоатлета, и для чего мне следовало обеспечить

себе алиби. Я почувствовал, как моментально вспотели ладони — у меня всегда так бывает, если предстоит боевая работа. Странно, однако, устроен наш человек. Следуя логике, я должен был сейчас первым делом подумать об адвокате, о железных фактах, которые доказали бы мою невиновность, а я почему-то подумал о том, что этого немощного следователя могу вырубить одним ударом и с легкостью выскочить через окно.

— ... было совершено убийство, — продолжал следователь. — Автомобиль, в котором вместе с водителем ехал потерпевший, был расстрелян в упор из пистолета. Водитель в тяжелом состоянии доставлен в больницу, пассажир скончался на месте... Вы пока не смогли доказать мне свое алиби.

— Я должен доказывать свою невиновность? Ну что ж, тогда продолжим выкладывать факты по этому делу. Вы забыли мне сказать, что это был автомобиль черного цвета, марки «БМВ» с номерным знаком три пятерки-восемьдесят пять, и что пассажир сидел на переднем сиденье рядом с водителем, и что у них не было ни охраны, ни оружия.

— Вот видите, как хорошо, — улыбнулся следователь. — И не надо вам рассказывать подробности. Вот вам лист, пишите.

— Что писать?

— Все, что знаете по этому делу.

Я взял лист двумя пальцами.

— Мне может этого не хватить.

— Я дам вам пачку бумаги.

Но я покачал головой и вернул листок.

— Нет, я передумал. Ничего я вам писать не буду. Во-первых, у меня отвратительный почерк, а во-вторых, это займет много времени. Лучше я расскажу, а вы запоминайте.

Он слушал меня молча и ни разу не перебил.

— А где та записка? — спросил он, когда я закончил рассказывать.

— Я ее порвал и развеял по ветру.

— Напрасно.

— Кто знал, что вы настолько серьезно заподозрите меня в преступлении?

— Значит, вы хотите сказать, что кто-то нарочно бросает на вас тень?

— Да, именно это я и хочу сказать.

— Хорошо. — Следователь открыл ящик стола. — Вот, ознакомьтесь и распишитесь.

— Что это?

— Подписка о невыезде.

Ты ночи спать не будешь, ты голодать будешь, но сделаешь все возможное, чтобы доказать мою вину и упрятать меня за решетку, подумал я, глядя в немигающие змеиные глаза следователя.

Надо как можно быстрее разыскать Анну, думал я, торопливо спускаясь к набережной и толкая встречных прохожих. И неплохо бы рассказать о своих проблемах Климу. Может быть, он подскажет, что нужно делать.

Судьба словно сжалилась надо мной, и я едва не столкнулся с ним у продуктового магазина. Как я и предполагал, его реакция была бурной:

— Кирилл, в чем дело, черт тебя подери! Три дня я как дурак носился по всем гаражам, искал машину, договорился, заплатил, а ты завалил все дело... Ну что ты уставился на меня, как невеста на алтарь? Не хочешь работать — так и скажи, я найду другого.

— Клим, у меня беда. Я все тебе объясню.

— Что? Какая беда? Пьяный был? Проспал?

— Не ори, а выслушай меня.

— Что, прямо здесь?

— Нет, поехали ко мне.

Клим вздохнул, посмотрел на часы.

— У меня пятнадцать минут, не больше.

Как раз подошел автобус, и мы запрыгнули в него. Дорогой мы молчали, Клим, нахмурившись, с деланным вниманием читал газету, я смотрел в окно, надеясь случайно увидеть Анну.

Едва мы вошли ко мне в квартиру, я сказал:

— Клим, я тебя выручал?

— Без предисловий! Короче! — поморщился он.

— Ладно, проваливай! — разозлился я и потянулся к замку, чтобы открыть дверь.

Он перехватил руку и подтолкнул меня к комнате.

— Ладно, не психуй. Только без предисловий и по существу. Я готов выслушать и помочь тебе.

— На меня хотят повесить убийство, — начал я. — Сегодня утром под Ялтой хлопнули мужика, который ехал на «БМВ». Я не ночевал дома. Утром, у подъезда, меня взяли и отвезли в полицию. Дал подписку о невыезде...

— Стоп, стоп, стоп! — перебил меня Клим. — Ни хрена не понимаю! Сотни людей в нашем поселке не ночуют дома, но подозревают почему-то только тебя.

— Видишь ли... — Я медлил, обдумывая, что рассказать Климу, а о чем лучше промолчать. — Несколько дней назад кто-то позвонил мне и предложил хорошую работу — не называя, какую именно. Потом кассету с на-

шим разговором подкинули в полицию. Но это чепуха. Вчера снова был звонок, и мне передали, что в камере хранения на автовокзале мне приготовлен инструмент для работы и деньги. Я пошел и посмотрел. Ни инструмента, ни денег. Только короткая записка. Мне предлагалось убить человека, который должен проехать по ялтинскому шоссе около пяти утра. Записку я порвал. Не успел отойти от автовокзала на сто метров, как на меня накинулись менты — им позвонили и, по-моему, сообщили, что в камере хранения я взял оружие. Я показал им свои карманы, в общем, меня отпустили. А сегодня утром взяли и сразу к следователю. Тот оказался парнем простым: доказывай, что не виноват, и весь разговор.

— Ох, блин! — покачал головой Клим. — Какая хренотень! А в самом деле, где ты болтался всю ночь?

Я рассказал ему про Джо: о нашем дурацком пари, о восхождении на скалу и обрезанной веревке, о том, как я спускался утром, а потом искал свой рюкзак.

— Любопытно, любопытно, — бормотал Клим, слушая меня и глядя на меня с прищуром, потом вдруг возбужденно заговорил: — Режь меня на куски, Кирилл, но тут дело нечисто. И этот твой Джо совсем не случайно предложил тебе восхождение именно в эту ночь. Давай разработаем план действий. Во-первых, надо найти этого Джо.

— А где его найти?

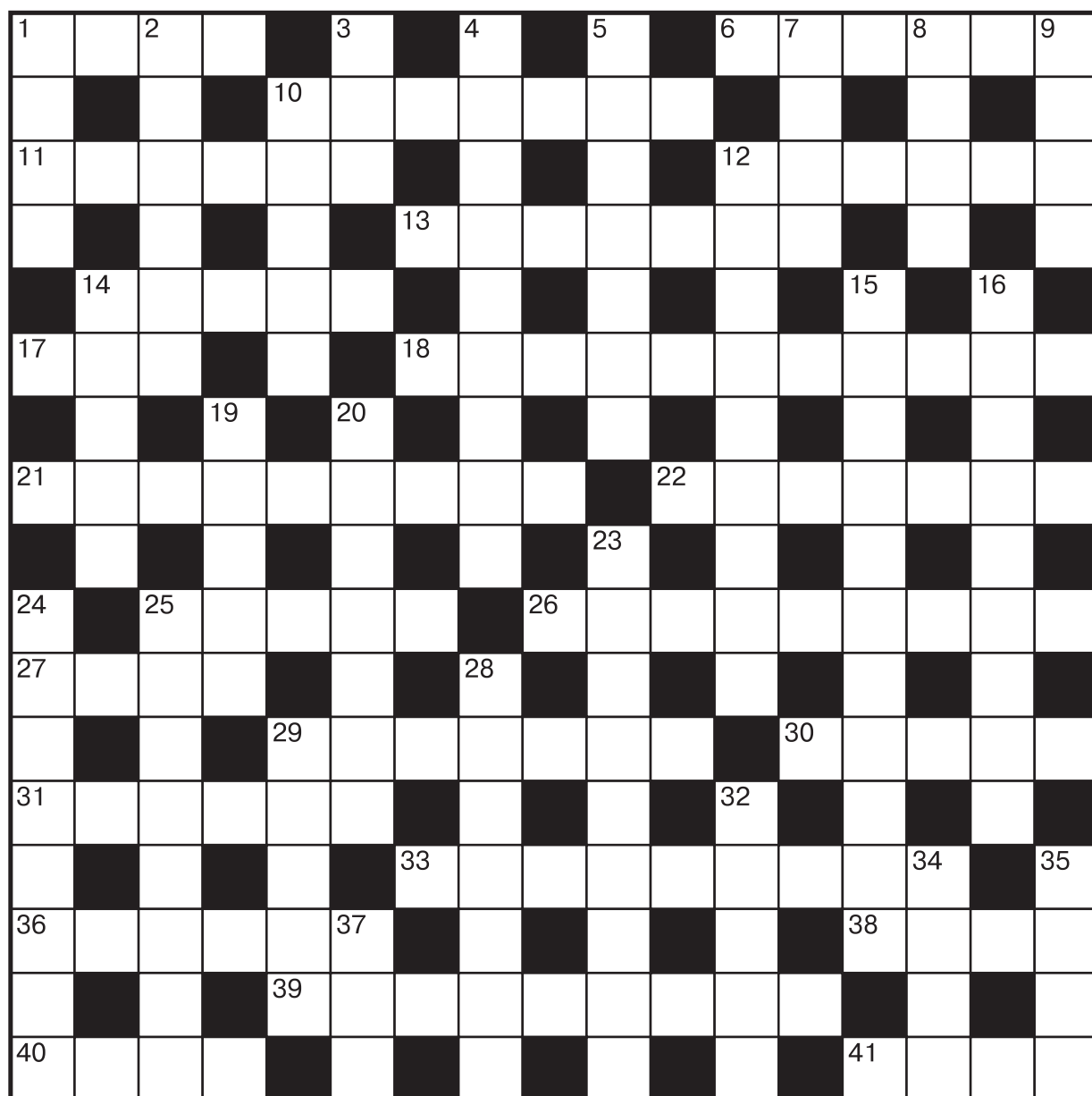
— Вот это, действительно, вопрос, — проговорил Клим и, напустив на лоб морщин, глубоко задумался.

Собственно, ничего умного он так и не сказал, но мне стало легче — как-никак, а союзник, человек, который может выслушать и, хотя бы посочувствовать.

Мы вышли из квартиры. Клим напомнил, чтобы я держал его в курсе дела, и заторопился на рынок, а я пошел разыскивать Анну. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Амазонская ...» создавалась князем Потемкиным для почетной встречи Екатерины Великой в Крыму. **6.** В какой столице поставили памятник землепроходцу Семену Дежневу с женой? **10.** Кто воду мутит в пруду у черепахи Тортиллы? **11.** Какое гениальное произведение упомянуто в песне

«А на кладбище все спокойненько...» Михаила Ножкина? **12.** Кто с биржи доход имеет? **13.** Полки ярусами. **14.** Где построены самые высокие здания в мире? **17.** В Швейцарии научились делать ... для вегетарианцев из рапсового масла и мякоти кокоса. **18.** Волшебная чужь. **21.** Канделябр в хрустальном обрамлении.

22. Немецкий фабрикант, ставший героем культового фильма Стивена Спилберга. **25.** Священный цветок индусов. **26.** Какая задача старика Синицкого из романа «Золотой теленок» утверждала преимущества советской власти над всеми остальными? **27.** «Мы шли бульварами, откапывая ...» **29.** В честь кого называли станцию Ерофей Павлович на Транссибе? **30.** Чей танец принес Нобелевскую премию австрийцу Карлу фон Фришу? **31.** Каким ножом орудовал хирург Николай Пирогов? **33.** Кардиологический больницей. **36.** Сигнальная дребезжалка. **38.** Нобелевский философ Альбер ... **39.** Главный спасатель альпинистов среди собак. **40.** Какое учреждение в Ватикане называли «Институтом богоугодных дел»? **41.** «Пролей, как масло, власы луны в мужичьи ... моей страны».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Если у супруга выросли .., значит, не все мужики вчера смотрели футбол». **2.** «Передвижная курилка». **3.** Кто изобрел первый вакуумный пылесос? **4.** «Пред-

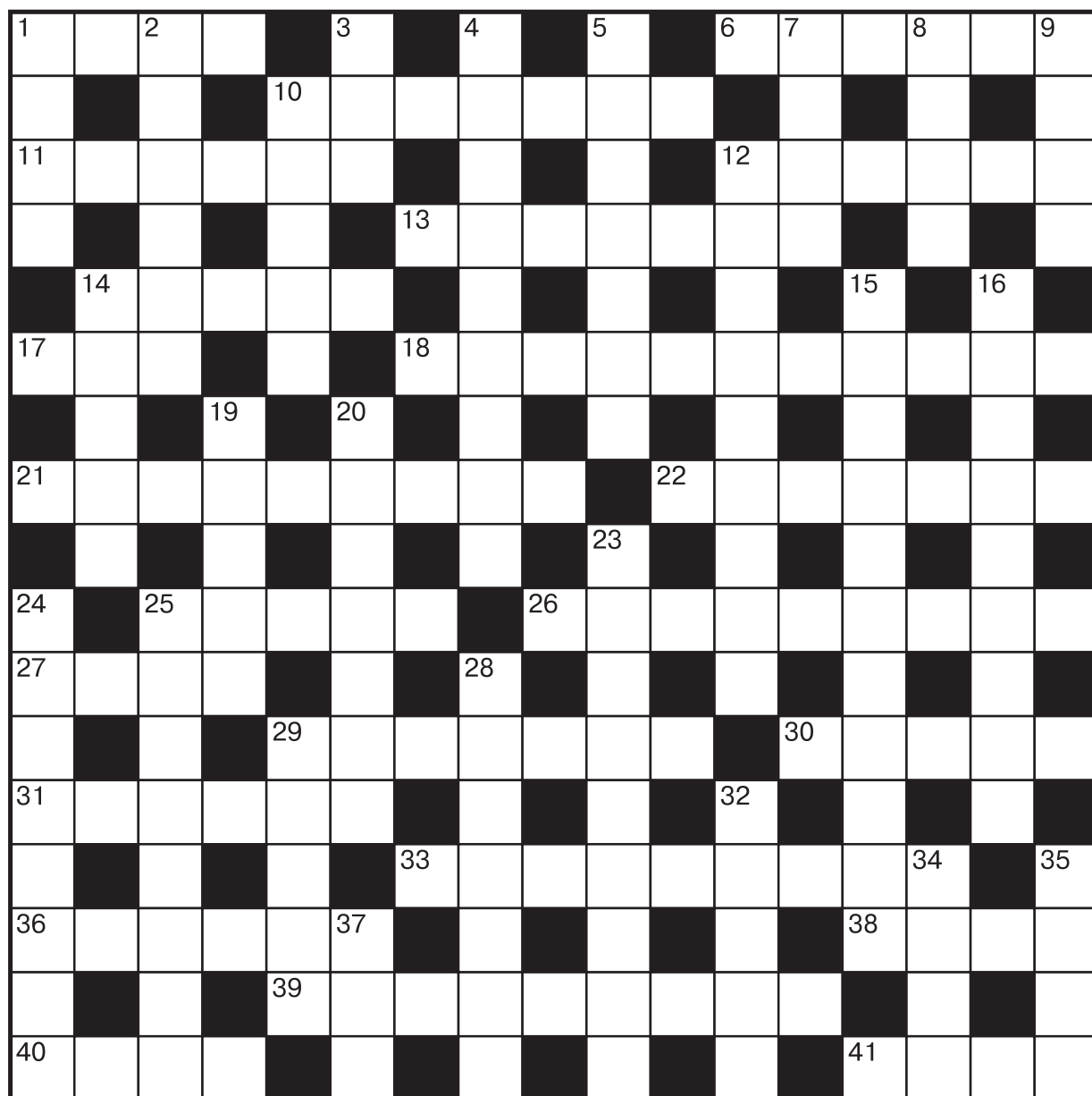
банник» в метро. **5.** Бродячий монах из оперы «Борис Годунов». **7.** На чем торт держится? **8.** Деликатный синоним. **9.** Какую рыбу японцы считают символом красоты и стойкости? **10.** Российская национальная премия в области архитектуры «Хрустальный ...» **12.** О каком композиторе Михаил Глинка говорил своей сестре: «Со временем он будет второй Глинка»? **14.** «Те, которые плавать не умеют — те и не тонут» (директор пионерлагеря). **15.** Олимпийский лодочник. **16.** Мельчайший кровеносный сосуд. **19.** «Наш ... свято верит в печатное слово, но больше доверяет непечатному». **20.** Какой юрист пытается свести на нет работу прокурора в суде? **23.** Самая знаменитая роль голливудской дивы Элизабет Тейлор. **24.** «Созвездие маневров и мазурки» для Чацкого. **25.** Боковой судья в теннисе. **28.** Какая девица лишает сна и покоя? **29.** Какому вину «пропел гимны» Уильям Шекспир? **32.** Сумма на сберкнижке. **34.** «Мадемуазель Блюз» французской эстрады. **35.** Творческие судьи. **37.** Близнец Ромула.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Наука. **9.** Кочубей. **10.** Асеев. **11.** Фудзи. **12.** Гравюра. **13.** Берег. **14.** Перевод. **16.** Депутат. **19.** Твид. **21.** Эскимо. **23.** Вожжи. **24.** Абсурд. **25.** Жеглов. **26.** Англы. **27.** Смысл. **29.** Бобр. **31.** «Участок». **33.** Колдун. **34.** Катер. **35.** Астма. **37.** Моцион. **39.** Мирабо. **40.** Карвинг. **41.** Вояж. **42.** Бальбо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кобра. **2.** Буквоед. **3.** Фебруус. **5.** Амулет. **6.** Казбек. **7.** Осоед. **8.** Резец. **13.** Бобслей. **14.** Паломничество. **15.** Штраф. **16.** Диссимуляция. **17.** Библиотекарь. **18.** Конверт. **20.** Джельсомино. **22.** Приступок. **28.** Док. **30.** Акимов. **32.** Капица. **36.** Додо. **38.** Нал.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Облик первой аватары Вишну. **6.** Поэт из Парнасской школы, упомянутый в набоковском «Даре». **10.** Что поддерживает среду внутри клетки? **11.** Китайский водяной. **12.** Двоюродный брат на старинный лад. **13.** Самый низкий по звучанию среди смычковых инструментов.

14. Кто придумал канцелярскую скрепку? **17.** «Интеллектуальный уровень» в айкидо. **18.** Первый революционный комендант Петрограда во время Февральской революции. **21.** Чудовище, возомнившее себя богом. **22.** Какой титул казался Антону Чехову «некрасивым, вычурным варваризмом»? **25.** Кто в

чеченской пословице, погнавшись за двумя милостынями, ни с чем остался? **26.** Жена героя военной песни «Враги сожгли родную хату». **27.** Virtuозный способ игры на гитаре. **29.** Отходы прядения. **30.** Генерал, чье имя попало на Триумфальную арку в Париже. **31.** Кого из правителей свергли Ромул и Рем? **33.** Японский робот в формате взрослого человека. **36.** Какая Алиса каждое утро чистила щеткой зубы любимому пуделю Гертруды Стайн? **38.** Последний, кому присвоили звание Маршал Советского Союза. **39.** Отворот хитона. **40.** Какому кинематографисту мир обязан «Одиссеей команды Кусто»? **41.** Эстетическая категория в японской культуре.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пират среди фаворитов английской королевы Елизаветы I. **2.** Бутыль, чтобы хранить коньячные спирты после выдержки в бочке. **3.** Колонна из цельного ствола дерева у вьетнамцев. **4.** Популярная в Тибидохсе игра. **5.** Какой газ способен «излучать сырое

волшебство» в романе Терри Пратчетта? **7.** Кто открыл первый онкогенный вирус? **8.** Какое «место познакомило» Владимира Маяковского с Лилей Брик? **9.** Турецкий сребреник. **10.** Французская волынка. **12.** Секта «лионских бедняков». **14.** У какого режиссера проходил стажировку Пьер Ришар? **15.** «Танец чистоты и юности» у древних греков. **16.** Перуанская выпивка. **19.** «Торговая монополия» из старинных времен. **20.** «А ты хочешь, чтобы этот лысеющий ... звал меня мамой и все знали, сколько мне лет». **23.** Какой метеорный поток напрямую связан с кометой Джакобини-Циннера? **24.** Заменитель сахара с практически нулевой калорийностью. **25.** Какое письмо внедрили во времена Карла Великого? **28.** «Замок из людей» на испанских фестивалях. **29.** Верный друг Ореста. **32.** От кого Екатерина Великая имела внебрачного сына Алексея? **34.** Самолов на мелких хищников. **35.** «Версия кавалера де Грие» из эпопеи «В поисках утраченного времени». **37.** Лунный бог в аккадской мифологии.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Свити. **9.** Рикотта. **10.** Абрау. **11.** Маори. **12.** Баскины. **13.** Бакла. **14.** Ханукия. **16.** Созиген. **19.** Изоп. **21.** Шерефе. **23.** Флуут. **24.** Смараг. **25.** Боярка. **26.** Опция. **27.** Хонти. **29.** Энск. **31.** «Шамплен». **33.** Лоренц. **34.** Ремез. **35.** Стэнг. **37.** Гептил. **39.** Ромеро. **40.** Кумкват. **41.** Рэнд. **42.** Тифтик.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хикаэ. **2.** Воркшоп. **3.** Станнин. **5.** Вуазан. **6.** Терпуг. **7.** Абхья. **8.** Шамла. **13.** Бигелоу. **14.** Хейлопластика. **15.** Сикст. **16.** Соматотропин. **17.** Ретраншемент. **18.** Беласко. **20.** Бубинпанпай. **22.** Паутинник. **28.** Йер. **30.** Шлегер. **32.** Нероли. **36.** Полк. **38.** Луо.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№8 август 2022